ISSN 2782-6511

Историко-географический журнал

№ 2 (том 5)
2026

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER «YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2026. Том 5. № 2
2026. Volume 5. Number 2

Екатеринбург 2026 Ekaterinburg

Historical Geography Journal. 2026. Volume 5. Number 2
Ekaterinburg
12+

Published since 2022
ISSN 2782-6511

Registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (ПИ № ФС77-83257, 2022, May 12)

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

Founder
Autonomous non-profit organization "Research center "Young historians of the Urals"

Publisher
Autonomous non-profit organization "Research center "Young historians of the Urals"

Institute of History and Archaeology
Ural Branch Russian Academy of Sciences

Editor
Mikhail V. Mikheev

Editorial board
Elena V. Borodina, Ekaterina A. Bulakova, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Andrey S. Mikhaylov, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Diana E. Nicoglo, Penka Iv. Peykovska, Aleksey A. Romanchuk, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slaschev, Elena K. Sozina, Vladimir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

Editorial council
Nikolay N. Baranov, Vladimir N. Zemtsov, Aleksandr I. Zyrianov, Vladimir A. Ivanov, Iskander L. Izmailov, Aleksandr A. Korablev, Marina Ch. Larionova, Draga Mastilović, Viachaslau I. Menkouski, Igor V. Poberezhnikov, Sergey Z. Chernov, Endre Sashalmi, Larisa G. Shepko, Andrey N. Shikhov

Editorial office address
620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
office@hist-geo.ru

The Journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, in which the basic scientific results of dissertations for the academic degrees of Doctor of Science and Candidate of Science must be published.

Историко-географический журнал. 2026. Том 5. № 2
Екатеринбург
12+

Выходит с 2022 г.
ISSN 2782-6511

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83257 от 12 мая 2022 г.)

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире

Учредитель
Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Издатель
Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

Главный редактор
к. и. н. М. В. Михеев

Редакционная коллегия
к. и. н. Е. В. Бородина, Е. А. Булакова, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. г. н. А. С. Михайлов, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. Д. Е. Никогло, д. и. н. П. Ив. Пейковска, PhD А. А. Романчук, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. филол. н. Е. К. Созина, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, д. и. н. С. Н. Темушев

Редакционный совет
д. и. н. Н. Н. Баранов, д. и. н. В. Н. Земцов, д. г. н. А. И. Зырянов, д. и. н. В. А. Иванов, д. и. н. И. Л. Измайлов, д. филол. н. А. А. Кораблёв, д. филол. н. М. Ч. Ларионова, PhD Д. Мастилович, д. и. н. В. И. Меньковский, чл.-корр. РАН, д. и. н. И. В. Побережников, д. и. н. С. З. Чернов, DSc Э. Шашхалми, д. и. н. Л. Г. Шепко, д. г. н. А. Н. Шихов

Адрес редакции
620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
office@hist-geo.ru

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

Холматов Т. К. Научный совет АН СССР по исторической географии и картографии: состав и основные направления работы в 1968–1984 гг. 6

Крутов Д. А. Историческое картографирование Римской Британии (на основе картографического материала «Атласа древней географии» У. Смита) 18

Дубовцева Е. Н., Леонтьев А. А. Тепловые карты как инструмент пространственного анализа находок в раскопе на примере памятника эпохи энеолита Каквинские печи I 42

Сафронов А. В. Территориально-политическая организация и общинные объединения древних майя в долине Лаканхи в поздний классический период (методика ГИС-реконструкции) ... 54

Катионов О. Н., Хорохордин Г. С. Определение динамики границ волостей Каинского уезда Томской губернии в конце XIX — начале XX в. методом картографического моделирования сельской сети поселений 78

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЕ

Соларёв П. А. Памятники саргатской культуры в Омском Прииртышье: история изучения и локализация 90

Конышев Е. В., Фадеева С. М. Историко-географические предпосылки развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации 110

Салов А. В. Оценка значимости изменения промышленного ландшафта для модернизации городского пространства на примере этапов развития территории Паркового микрорайона города Екатеринбурга 124

СООБЩЕНИЯ

Межрегиональное научно-практическое совещание «Актуальные вопросы сохранения, изучения и популяризации объектов археологического наследия Урало-Сибирского региона». Екатеринбург, 13–14 апреля 2026 г. 134

Межрегиональный круглый стол «Современные методы сохранения культурного наследия». Ярославль, 6 июля 2026 г. 138

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF HISTORICAL CARTOGRAPHY

Kholmatov T. K. The Scientific Council of the USSR Academy of Sciences on Historical Geography and Cartography: Composition and Main Areas of Activity in 1968–1984 6

Krutov D. A. Historical Mapping of Roman Britain (Based on the Cartographic Material of William Smith's Atlas of Ancient Geography) 18

Dubovtseva E. N., Leontiev A. Al. Heat Maps as a Tool for Spatial Analysis of Finds in an Excavation Trench: A Case Study of the Kakvinskiye Pechi I Eneolithic Site 42

Safronov A. V. Ancient Maya Territorial and Political Organization in the Lacanha Valley in the Late Classic. A GIS Reconstruction 54

Kationov O. N., Khorokhordin G. S. Analyzing Dynamics of the Development of the Settlement Network of the Kainsky Okrug-Uezd of the Tomsk Governorate in the Late 19th — Early 20th Centuries Using Cartographic Modeling 78

HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE STUDIES

Solarev P. A. The Sargat Culture Sites in the Omsk Irtysh River Basin: History of Research and Localization 90

Konyshev E. V., Fadeeva S. M. Historical and Geographical Prerequisites for the Development of Industrial Tourism in the Gornozavodsk Conurbation 110

Salov A. V. Changes in the Industrial Landscape and Modernization of Urban Space. The Case of the Parkovy Microdistrict of the City of Ekaterinburg 124

INFORMATION

Interregional Scientific and Practical Conference «Current Issues in the Preservation, Study and Promotion of Archaeological Heritage Sites in the Ural-Siberian Region». Ekaterinburg, 13–14 April 2026 134

Inter-Regional Round-Table Discussion «Modern Methods of Preserving Cultural Heritage». Yaroslavl, 6 July 2026 138

Теория и практика исторической картографии

УДК 001.891 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-6-17

Холматов Темурмалик Комилджонович
к. и. н., старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета; старший преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)
ORCID: 0000-0002-2975-1647
E-mail: timur.kholmatoff@yandex.ru

Научный совет АН СССР по исторической географии и картографии: состав и основные направления работы в 1968–1984 гг.

АННОТАЦИЯ. Данный очерк посвящен реконструкции организационной структуры Научного совета Академии наук СССР по исторической географии и картографии со времени его создания и до реорганизации в 1984 г. Одно из центральных мест в работе отведено выявлению состава и обстоятельств создания научного совета. Отдельное внимание также уделено институциональным трансформациям в структуре данного органа в первой половине 1980-х гг., которые были вызваны возрастающим интересом в академической среде к проблемам исторической демографии. Основное содержание проведенного исследования также было сконцентрировано на характеристике основных направлений деятельности совета. Они были связаны с подготовкой исторического атласа СССР и других крупных изданий (в том числе сборников исторических источников), научных мероприятий по исторической географии и смежным областям знания, разработкой эталонов границ России, а также с помощью различным ведомствам в издании карт, рассчитанных на широкий круг лиц. Исследование проведено с опорой на делопроизводственные источники (в основном отчетная документация и протоколы заседаний ученых, которые отложились в фондах Архива Российской академии наук (АРАН) и Научного архива Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН)). Были также привлечены опубликованные обзоры в советской научной периодике о деятельности совета и мероприятиях, которые были организованы данным научно-консультативным органом, а также труды, подготовленные исследователями из его состава.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Академия наук СССР, научный совет, историческая география, историческая картография, историческая демография, координация научных исследований, исторический атлас СССР

Для цитирования: Холматов Т. К. Научный совет АН СССР по исторической географии и картографии: состав и основные направления работы в 1968–1984 гг. // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 6–17. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-6-17.

Поступила в редакцию 16.02.2026
Принята к публикации 28.05.2026

© Холматов Т. К., 2026

Theory And Practice of Historical Cartography

UDC 001.891 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-6-17

Temurmalik K. Kholmatov
Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities; National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow)
ORCID: 0000-0002-2975-1647
E-mail: timur.kholmatoff@yandex.ru

The Scientific Council of the USSR Academy of Sciences on Historical Geography and Cartography: Composition and Main Areas of Activity in 1968–1984

ABSTRACT. The paper reconstructs the organizational structure of the Scientific Council of the USSR Academy of Sciences on Historical Geography and Cartography from the time of its creation until its reorganization in 1984. Emphasis is laid on identifying its composition and circumstances of the creation. Special attention is paid to the institutional transformations in the council's structure in the first half of the 1980s, which were caused by the growing academic interest in historical demography. The study is also focused on the characteristics of the main activities of the council. They were associated with the preparation of the USSR historical atlas and other major publications (including collections of historical sources), scientific events on historical geography and related fields of knowledge, the development of standards for the borders of Russia, as well as with assistance to various departments in publishing maps designed for a wide audience. The research is based on documentation sources (mainly report documents and protocols of scientific meetings from the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences). It also draws upon the published overviews in the Soviet scientific periodicals on the council's activities and the events organized by this scientific advisory body, as well as the researches prepared by its members.

KEYWORDS: Academy of Sciences, scientific council, historical geography, historical cartography, historical demography, coordination of scientific research, historical atlas of the USSR

For citation: Kholmatov T. K. [The Scientific Council of the USSR Academy of Sciences on Historical Geography and Cartography: Composition and Main Areas of Activity in 1968–1984]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 6–17. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-6-17 (In Russian).

Received 16 February 2026
Accepted 28 May 2026

© 2026 The Author

Введение

В академической среде первых десятилетий XXI в. историческая география все чаще рассматривается как междисциплинарная область научного знания, которая охватывает чуть ли не все пространственные аспекты прошлой социальной реальности. Во многом в результате «пространственного поворота» (*spatial turn*) в социально-гуманитарном знании значительно расширилась проблематика историко-географических исследований, в которых усилилось взаимодействие со смежными дисциплинами[1]. Для понимания того, как складывались пути междисциплинарного соприкосновения в рамках исторической географии, как расширялся круг проблем, который в прошлом столетии (по крайней мере в отечественной историографии) рассматривался преимущественно в рамках вспомогательных / специальных исторических дисциплин, несомненный интерес представляет история этой области научного знания.

В данном ключе заслуживают внимания не только антропологическая и концептуалистская оптики исследований, но также институциональная. По сравнению с другими она позволяет детальнее представить задачи, которые стояли перед коллективами ученых, условия их работы и основные направления деятельности. С этой точки зрения заслуживает внимания Научный совет по исторической географии и картографии при АН СССР (далее — научный совет / совет), один из ключевых органов, который должен был способствовать развитию историко-географических исследований в советский период.

Данное исследование посвящено реконструкции организационной структуры научного совета со времени его создания и до реорганизации в 1984 г. В качестве исторических источников были привлечены делопроизводственные материалы (преимущественно отчеты научного совета и тесно связанной с его деятельностью Группы (с 1968 г. — сектора) исторической географии Института истории (с 1968 г. — Институт истории СССР) АН СССР, а также протоколы заседаний ученых), которые позволили выявить состав и институционные трансформации данного органа, а также задачи, которые были в центре его внимания. Для достижения поставленной цели представляли ценность также опубликованные обзоры (например, в журналах «Вопросы истории» и «История СССР») о деятельности совета и мероприятиях, которые были им организованы, а также труды, в подготовке которых принимали участие исследователи из его состава.

Обстоятельства создания и состав научного совета

Как и другие аналогичные научно-консультативные органы, которые организовывались в послевоенные десятилетия в структуре АН СССР, научный совет создавался для координации исследований по актуальным проблемам тесно переплетенных между собой областей научного знания, устранения параллелизма и мелкотемья в научной деятельности. Особо важное место им отводилось с начала 1960-х гг., когда предпринимались меры по улучшению координации и планирования научной деятельности по всей стране. Они стали частью координационной системы, которую с 1961 г. возглавил Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ (ГККНИР).

В создании интересующего нас научного совета значительную роль сыграла деятельность основанной в конце 1962 г. Группы исторической географии в Институте истории АН СССР. С первых лет работы ее главной задачей стала подготовка крупного проекта — исторического атласа СССР, который должен был охватить все регионы страны с древнейшего периода и до XX в. Для его реализации требовались значительные ресурсы, прежде всего кадровые, которыми группа не располагала (в 1962–1965 гг. в данном подразделении работали от 6 до 8 человек, в число которых также входил научно-технический персонал)[2]. В связи с этим уже в первые годы работы группы подчеркивалась необходимость (как сотрудниками подразделения, так и другими исследователями, которые обсуждали проект атласа[3]) привлечения специалистов из союзных респу-

[1] Подробнее о тенденциях историко-географических исследований в результате «пространственного поворота»: Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география. М., 2012. Т. 1 / отв. ред. И. Г. Коновалова. С. 11–15.

[2] Холматов Т. К. Научно-организационная деятельность советских исследователей по подготовке исторического атласа СССР в 1960-х — начале 1980-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 3. С. 36.

[3] Например, на заседании ученого совета Института истории АН СССР от 23 мая 1963 г.: АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 865. Л. 1–20.

блик. К тому же к середине 1960-х гг. опыт подготовки исторических карт для атласов по отдельным регионам СССР уже имелся у сотрудников из республиканских академий наук (например, Грузии, Армении и Украины)[4].

В январе 1966 г. было организовано совещание группы с исследователями из республиканских академий наук, чтобы уточнить степень участия последних в подготовке атласа[5]. Сотрудники большинства республиканских академий согласились помочь в составлении исторических карт для проекта, но при этом возникала проблема организации их работы. К тому же в АН СССР параллельно велась работа над другим крупным проектом — атласом всемирной истории. В этих условиях и назревал вопрос создания отдельного органа, на который могла быть возложена координационная функция. При этом масштаб координации должен был выйти за рамки подготовки лишь двух «мегапроектов» и охватывать регулирование наиболее крупных направлений историко-географических и историко-картографических исследований по всей стране. Это во многом было обусловлено востребованностью большого объема историко-географических данных, результатов эмпирических исследований в данной области, которые можно было привлечь для составления карт. К тому же они вполне могли представлять и самостоятельный научный интерес за пределами двух крупных проектов. Востребованность в более широком освещении историко-географических проблем в академической среде подчеркивали и сотрудники Группы исторической географии. Например, в отчете группы 1966 г. за первые годы работы была отмечена необходимость включить в план Института истории АН СССР публикацию научных непериодических изданий по исторической географии: «...в противном случае широкое освещение многих актуальных проблем <...>, а также вопросов, связанных с составлением Атласа [истории СССР. — прим. Т. Х.] на страницах наших журналов фактически не удастся осветить, т. к. вся подобная тематика все еще не считается актуальной»[6].

Инициатива о создании научного совета, предложенная сотрудниками Института истории, была одобрена в 1967 г. Согласно протоколу заседания бюро Отделения истории АН СССР от 21 ноября того же года, на научный совет возлагалось руководство не только в издании исторических карт и атласов, в разработке проблем исторической географии и картографии, но также в подготовке «эталонов для показа государственных границ на различные исторические периоды, границ национального размежевания народов»[7].

Фактически работа научного совета была начата в 1968 г., когда был утвержден его состав. Первым председателем данного научно-консультативного органа стал известный специалист в области военной истории Л. Г. Бескровный, который в то же время был руководителем сектора исторической географии Института истории СССР АН СССР[8]. Его заместителями были крупные специалисты-картографы: географ, специалист в области этнической картографии С. И. Брук, один из ответственных редакторов крупного издания «Атлас народов мира» (1964 г.), заместитель директора Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; географ-картограф К. А. Салищев — с 1968 г. президент Международной картографической ассоциации, а также И. Я. Сукеник, который был редактором многих карт (в том числе учебных) в научно-редакционной картосоставительской части в Главном управлении геодезии и картографии при Совете министров СССР (ГУГК при СМ СССР). Ученым секретарем был историк Я. Е. Водарский, впоследствии ставший одним из крупнейших отечественных специалистов по исторической демографии и исторической географии.

В феврале 1968 г. Президиум АН СССР утвердил состав научного совета (всего 29 человек), в который входили преимущественно сотрудники институтов АН СССР (18), а среди представителей союзных республик был лишь С. Т. Еремян, академик АН Армянской ССР, один из ведущих специалистов по исторической географии Закавказья[9]. Больше всего представителей было

[4] Яцунский В. К. Исторический атлас СССР // История СССР. 1967. № 1. С. 219–220.

[5] Холматов Т. К. Указ. соч. С. 37.

[6] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2313. Л. 3.

[7] АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 527. Л. 134.

[8] После Л. Г. Бескровного председателем научного совета (с 18 декабря 1980 г.) был крупный специалист по истории Древней Руси, член-корр. (1976) В. Т. Пашуто: АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 504. Л. 33.

[9] АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 92. Л. 13–15.

из Института истории (7), из других научных учреждений АН СССР были также сотрудники Института этнографии, Института Африки, Института народов Азии, Института археологии, Института истории естествознания и техники, а также Института Дальнего Востока. В итоге почти все утвержденные члены научного совета представляли научные, научно-образовательные и издательские учреждения, а также общесоюзный орган государственного управления (ГУГК при СМ СССР), которые располагались в столице.

Однако уже к началу 1969 г. в состав научного совета вошли представители всех академий наук союзных республик: М. А. Аннанепесов (Институт истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР), Б. А. Антоненко (Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР), М. М. Бердзнишвили (Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили АН Грузинской ССР), П. П. Бырня (Институт истории АН Молдавской ССР), А. П. Грицкевич (Институт истории АН Белорусской ССР), А. Н. Гулиев (Институт истории АН Азербайджанской ССР), Г. Ф. Дахшлейгер (Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР), Т. Я. Зейд (Институт истории АН Латвийской ССР), О. И. Максимайтене (Институт истории АН Литовской ССР), А. Р. Мухамеджанов (Институт истории и археологии АН Узбекской ССР), К. И. Петров (Институт истории АН Киргизской ССР), Р. Н. Пуллат (Институт истории АН Эстонской ССР), Ф. П. Шевченко (Институт археологии АН Украинской ССР)[10].

Таблица 1

Представительство учреждений в составе Научного совета по исторической географии и картографии (на 1978 г.)

Table 1

Representation of institutions in the Scientific Council on Historical Geography and Cartography (in 1978)

Место работы	Количество	Место работы	Количество
АН союзных республик	14	Институт географии АН СССР	1
Институт истории СССР АН СССР	11	Институт Дальнего Востока АН СССР	1
Институт археологии АН СССР	2	Институт истории естествознания и техники АН СССР	1
Главное архивное управление при СМ СССР	2	Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР	1
ГУГК при СМ СССР	2	Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР	1
МГУ им. М. В. Ломоносова	2	МГИМО МИД СССР	1
Архив внешней политики России МИД СССР	1	Министерство геологии СССР	1
Географическое общество СССР	1	Тбилисский государственный университет	1
Институт военной истории Министерства обороны СССР	1	Центральный государственный военно-исторический архив СССР	1
Институт востоковедения АН СССР	1	Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии	1

* Сост. по: АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 703. Л. 85–89[11].

[10] АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–3.

[11] В таблице не были учтены данные о членах бюро научного совета, в который (по данным 1978 г.) входили еще 13 человек (включая председателя, его заместителей, ученого секретаря), большая часть которых (8) были сотрудниками Института истории СССР АН СССР.

В последующие годы состав научного совета значительно менялся, однако основные принципы представительства учреждений оставались все те же. Следует лишь отметить, что постепенно его состав также пополнялся представителями учреждений, которые не входили в систему академий наук (в том числе союзных республик). Так, согласно утвержденному в 1978 г. составу из 47 членов научного совета около 1/3 относились к данной категории (представители архивов, научно-образовательных учреждений и т. д.) (таблица 1).

Постепенно в послевоенные десятилетия в советской историографии возрастал интерес к историко-демографическим исследованиям[12], который в 1970-е гг. только усиливался (во многом в связи с партийными директивами) с комплексным вниманием представителей социально-гуманитарного знания к вопросам народонаселения[13]. Эта тенденция отразилась и в векторах работы научного совета, ввиду тесной связи истории народонаселения с историко-географической тематикой. Отмеченные в середине XX в. основные задачи исторической географии В. К. Яцунским (одним из ведущих советских специалистов в данной области), среди которых подчеркивалась необходимость изучения населения «с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории»[14], не утратили свое значение в последующие десятилетия[15]. После проведения первых всесоюзных семинаров по исторической демографии[16] при научном совете была создана отдельная комиссия. Хотя в историографии имеется упоминание о том, что Комиссия по исторической географии (при научном совете) вела работу, по крайней мере, с 1977 г.[17], ее институционное оформление, по всей видимости, относится все же к более позднему времени. Целесообразность создания данной комиссии подчеркивалась на заседании бюро Отделения истории от 22 марта 1983 г. Тогда же были определены ее состав и основные задачи, в которые входили организация исследований «проблем истории народонаселения, прежде всего в области отечественной истории, ввиду большого значения вопросов исторической демографии для марксистского освещения исторического процесса, для решения ряда важных проблем современности, а также для борьбы с буржуазными фальсификациями»[18]. Вместе с тем комиссия должна была «координировать деятельность ученых, ведущих разработку проблем истории народонаселения, намечать вопросы, подлежащие первоочередной разработке в силу их актуальности и научной значимости, организовывать конференции и обсуждение назревших задач и выходящей литературы, оказывать содействие в публикации наиболее важных исследовательских проблем, монографий, сборников»[19]. Данные о создании комиссии именно в 1983 г. можно также обнаружить в опубликованных материалах. Например, в обзоре о первом заседании комиссии 10 ноября 1983 г. было отмечено, что она была создана при научном совете в апреле того же года[20].

---

[12] Подробнее об интересе к историко-демографическим исследованиям в советской историографии 1950-х — 1960-х гг., введении в научный оборот новых источников: Ульянова Г. Н., Троицкая И. А. Ревизские сказки как источник изучения исторической демографии в историографии 1950–1960-х годов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 89–101.

[13] Например, в трудах социологов, экономистов и философов того времени: Социально-философские проблемы демографии. Круглый стол «Вопросов философии» (1974) // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 114–170; Елизаров В. В. Теория и практика демографической политики в СССР // Статистика и экономика. 2017. № 5. С. 72–75.

[14] Яцунский В. К. Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. С. 10.

[15] См., например, статью А. В. Муравьева о принципах выстраивания вузовского курса по исторической географии СССР с опорой на задачи, поставленные В. К. Яцунским: Муравьев А. В. Задачи и содержание вузовского курса исторической географии СССР // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 4. С. 97–98.

[16] Подробнее об этих семинарах во второй части очерка.

[17] Так, в предисловии к сборнику работ 1977 г. о проблемах исторической демографии СССР было отмечено, что данное издание подготовлено по результатам (в том числе) «организационной работы, проведенной Комиссией по исторической демографии при Научном совете по исторической географии и картографии АН СССР»: Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. / под ред. Р. Н. Пуллата. Таллин, 1977. С. 5.

[18] АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 744. Л. 43.

[19] Там же.

[20] Жиромская В. Б. В Комиссии по исторической демографии // Вопросы истории. 1984. №. 2. С. 127.

По постановлению Президиума АН СССР от 23 февраля 1984 г. научно-консультативный орган был преобразован в Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии[21]. По всей видимости, это решение было вызвано двумя факторами. Во-первых, научный совет лишь частично справлялся с возложенными на него обязанностями. Прежде всего, существенно затягивалась работа над историческим атласом СССР[22], в итоге не были решены проблемы (кадровая и координационная), которые сформировались в самом начале работы над крупным коллективным трудом в 1960-е гг. Во-вторых, в первой половине 1980-х гг. на фоне обострившихся проблем народонаселения сохранялась востребованность в координации историко-демографических исследований во всесоюзном масштабе[23]. В сложившихся условиях реорганизация научного совета с целью уделить больше внимания проблемам исторической демографии представляется логичным решением.

Основные направления деятельности в конце 1960-х — середине 1980-х гг.

В рассматриваемый период деятельность научного совета можно условно разделить на три основные направления. В *координационный* вектор работы научного совета помимо круга вопросов по подготовке ранее упомянутого исторического атласа СССР[24] также входила организация мероприятий, посвященных актуальным проблемам исторической географии и тесно связанным с ней областям научного знания. Одним из таковых мероприятий стала I Всесоюзная научная сессия по исторической географии, состоявшаяся в Москве 9–12 октября 1972 г.[25] Основные задачи сессии заключались в определении наиболее актуальных к тому времени направлений историко-географических исследований, а также в поиске оптимальных механизмов для координации исследований в данной области. Секции охватывали проблемы по методологии и историографии исторической географии, ее связи со смежными областями научного знания (географией и лингвистикой), заселению и хозяйственному освоению территории СССР, исторической географии войн, источниковедению исторической географии и исторической картографии, методике составления исторических карт (в том числе в рамках коллективного проекта по историческому атласу СССР)[26]. Хотя далеко не все отмеченные на пленарном заседании рекомендации удалось в дальнейшем реализовать (например, завершить работу над двумя крупными проектами — атласами истории СССР и всемирной истории), все же созданная площадка смогла объединить специалистов из разных областей научного знания (историков, географов, этнографов, лингвистов) из разных уголков страны (в том числе союзных республик) и обсудить ряд крупных вопросов, которые получили развитие в последующих исследованиях. В частности, на II Всесоюзной конференции по исторической географии 25–26 ноября 1980 г. По ее результатам были опубликованы четыре выпуска сборников работ: первые два выпуска были посвящены вопросам формирования государственной территории и экономических районов России[27],

[21] АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 964. Л. 27. Председателем Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии стал известный специалист по отечественной истории XX в. и исторической демографии, член-корр. (1966) Ю. А. Поляков (до этого возглавлявший Комиссию по исторической демографии при научном совете).

[22] Как видно по отчетам научного совета, примерно с середины 1970-х гг. его деятельность уже не была сконцентрирована на подготовке атласа всемирной истории: АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 25. Л. 151–154; Там же. Д. 29. Л. 141–142; Там же. Д. 34. Л. 143–144; Там же. Д. 42. Л. 129–130; Там же. Д. 46. Л. 90.

[23] Например, о необходимости обратить внимание на вопросы демографического характера подчеркивалось на XXVI съезде ЦК КПСС (февраль — март 1981 г.) и Пленуме ЦК КПСС (июнь 1983 г.): XXVI съезд КПСС и задачи советской этнографической науки // Советская этнография. 1981. № 3. С. 6–7; Июньский Пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов // Советская этнография. 1983. № 6. С. 7–8.

[24] Это направление работы научного совета (хотя и кратко) уже рассматривалось в историографии: Холматов Т. К. Указ. соч. С. 37–38.

[25] В ее организации (кроме научного совета) также принимал участие Московский филиал Географического общества СССР.

[26] Белов М. И., Соколов А. В. Первая Всесоюзная научная сессия по исторической географии // Известия ВГО. 1973. Т. 105, Вып. 4. С. 380–382.

[27] Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России / отв. ред. В. А. Кучкин; Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 2: Формирование экономических районов России / отв. ред. М. Я. Волков, К. Н. Тарновский.

3-й — картографии и картографического источниковедения[28], 4-й — источниковедению исторической географии[29].

На сессии 1972 г. были также отмечены проблемы нехватки специалистов по исторической географии и ее преподавания в вузах, которые были в центре внимания отдельной сессии-семинара в 1974 г.[30] К этому времени курс исторической географии, по-видимому, не был регулярным в вузах и преподавался (с перерывами в послевоенные десятилетия) преимущественно в Москве (МГИАИ и МГУ) и Ленинграде (ЛГУ)[31]. В то же время была нехватка картографических учебных материалов, долгие годы отсутствовали комплексные учебные пособия по исторической географии СССР (первый опыт подобного издания датируется лишь 1973 г.[32]). В центре внимания участников сессии были принципы построения курса исторической географии (как СССР, так и всеобщей), особенности освещения физической географии прошлого, исторической демографии на занятиях, вопросы повышения квалификации преподавателей в области исторической географии (путем регулярного проведения методических совещаний-семинаров). Некоторые из представленных результатов работы историков на сессии-семинаре вскоре были опубликованы[33].

Интерес к широкому кругу историко-демографических вопросов в 1970-е гг. способствовал проведению в 1974 г. научным советом совместно с Отделением общественных наук АН Эстонской ССР I Всесоюзного семинара по исторической демографии в Таллине. По результатам работы семинара в 1977 г. был издан сборник статей, в котором были рассмотрены теоретические, методические и источниковедческие вопросы историко-демографических исследований, проблемы формирования и движения населения, его возрастной и этнической структуры в различных регионах СССР[34]. В последующие годы интерес к исторической демографии только усиливался на фоне очередных партийных задач, поставленных на XXV съезде КПСС (1976 г.). Как видно из материалов съезда, «разработка эффективной демографической политики» рассматривалась как одна из важных задач «целого комплекса естественных и общественных наук»[35]. В итоге в последующие годы всесоюзные семинары по исторической демографии стали регулярными, по результатам которых также издавались сборники статей[36].

---

[28] Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 3: Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения / отв. ред. Л. А. Гольденберг.

[29] Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 4: Источниковедение исторической географии / отв. ред. Я. Е. Водарский.

[30] Миняйло Н. Г., Мокряк Е. И., Соколова И. И. Проблемы методики преподавания исторической географии в вузе: совещание в Москве // История СССР. 1975. № 3. С. 212–214.

[31] О преподавании исторической географии в вузах СССР в послевоенные десятилетия: Абрамова Н. Г. Современные проблемы изучения и преподавания исторической географии России // Genesis: исторические исследования. 2013. № 1. С. 50–69. URL: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=620&nb=1&logged=0&aurora=0 (дата обращения: 20.12.2025); Кривошеев Ю. В., Кривоноженко А. Ф., Соколов Р. А. Преподавание исторической географии России на историческом факультете ЛГУ-СПбГУ за 100 лет // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2016. Вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. С. 450–452; Холматов Т. К. «В Историко-архивном институте историческая география еще не совсем исчезла»: письма О. М. Медушевской В. К. Яцунскому (1956–1966 гг.) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3, № 1. С. 102.

[32] Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР: учеб. пособие. М., 1973. До этого времени публиковались, как правило, небольшие учебные пособия по отдельным проблемам исторической географии, методические указания и программы курсов. См., например: Медушевская О. М. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина: учеб. пособие. М., 1959; Дробижев В. З. Историческая география СССР: методические указания. М., 1966.

[33] Муравьев А. В. Указ. соч. С. 97–102; Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века: учеб. пособие. М., 1976.

[34] Проблемы исторической демографии СССР… 1977.

[35] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 73.

[36] Сборник по материалам II Всесоюзного семинара в Риге (1977): Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.): сб. ст. / отв. ред. Р. Н. Пуллат. Таллин, 1979. По материалам III семинара в Омске (1979): Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. / ред. А. Д. Колесников. Томск, 1980; Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск, 1982. Вып. 2 / отв. ред. А. Д. Колесников. По материалам IV семинара в Кишиневе (1983): Проблемы исторической демографии СССР (период социализма): сб. ст. / отв. ред. В. С. Зеленчук. Кишинев, 1985.

Другой важный вектор работы научного совета — *исследовательский*, который преимущественно был направлен на разработку эталонов границ дореволюционной России и СССР, а также на поиск, отбор и издание источников по исторической географии и смежным областям научного знания[37]. Полученные на основе этих разработок результаты представляли ценность для публикации карт в различных изданиях, в том числе создавали основу для исторического атласа СССР. Как подчеркивалось в отчетной документации научного совета за 1971 г., подготовка столь крупного коллективного труда «требует предварительного решения проблем формирования внешних и внутренних границ, расселения народов, размещения народного хозяйства и культуры»[38]. Например, в первые годы работы научного совета разрабатывались эталоны для русско-китайской границы в Новое время. На основе этих разработок уже в 1970 г. был опубликован коллективный труд «Формирование границы между Россией и Цинским Китаем» (в 5 книгах), в котором исследованы историко-правовые вопросы размежевания в середине XVII — начале XX в.[39] Авторским коллективом[40] были освещены процессы становления русско-китайской границы, с одной стороны, в Южной Сибири и на Дальнем Востоке, а с другой — в Центральной Азии. Данный труд был особенно актуальным на фоне комплекса политических противоречий между СССР и Китаем в 1960-е гг., что, в частности, вылилось в пограничный конфликт на острове Даманском в 1969 г.

Наконец, заключительный из основных векторов работы научного совета — *социально ориентированный*, который выражался в оказании помощи по подготовке (что чаще всего выражалось через рецензирование и редактирование) учебных исторических карт для школ и вузов. Как видно из отчетной документации, в научном совете велась работа над картами, в том числе для нужд отдельных регионов / республик СССР. Например, в отчетах конца 1960-х — начала 1970-х гг. отмечено, что научный совет осуществлял руководство по подготовке учебных карт по истории Литовской ССР (для литовских школ)[41]. Деятельность научного совета, по всей видимости, была также направлена на помощь в подготовке карт для изданий, рассчитанных на широкий круг лиц. Так, в отчетах упоминались практическая помощь для Большой советской энциклопедии в разработке эталонов исторических карт (в 1973 г.)[42], обсуждение карт для Армянской советской энциклопедии (в 1982 г.)[43]. В этом векторе работы научный совет также сотрудничал с ГУГК при СМ СССР. Наиболее подробные сведения о взаимодействии этого органа и научного совета удалось обнаружить в отчете за 1982 г. В нем отмечены консультативные совещания с производственным картосоставительным объединением (ПКО) «Картография» (в структуре ГУГК при СМ СССР). В частности, речь шла о показе юго-восточных и восточных границ России в XVII в. и этих же границ Российской империи в XVIII — начале XX в. на картах для средней школы[44].

Заключение

Таким образом, для всесторонней реализации функций (прежде всего координационной) научный совет не имел соответствующих инструментов влияния. На практике имевшиеся в распоряжении научного совета ресурсы позволяли организовывать площадки для исследовате-

[37] В данном контексте следует упомянуть серию выпусков 1972 г., в которых был опубликован широкий круг материалов о численности, составе и размещении населения России в середине XVII — середине XIX вв.: Переписи населения России: итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858) [в 12 вып.] / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1972. Тираж выпусков составлял лишь 150 экз.

[38] АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 29. Л. 141.

[39] Формирование границы между Россией и Цинским Китаем [в 5 кн.] / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1970. Данный труд (как и серия выпусков «Переписи населения России…») был издан небольшим тиражом (200 экз.) и (ввиду не только научного, но и политического значения) под грифом «для служебного пользования». Проблемы исторической демографии СССР… 1977.

[40] В авторский коллектив вошли ведущие специалисты по теме исследования: А. И. Алексеев, Н. Г. Аполлова, Л. Г. Бескровный, В. М. Кабузан, А. Л. Нарочницкий, В. А. Александров, Б. П. Гуревич, И. Я. Златкин.

[41] АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 25. Л. 151; Там же. Д. 29. Л. 142.

[42] Там же. Д. 85а. Л. 44.

[43] Там же. Д. 71. Л. 51.

[44] Там же. Л. 50.

лей разных специальностей из многих регионов страны, чтобы обсудить наиболее актуальные проблемы по историко-географической и историко-картографической тематикам, публиковать исследования и источники, оказывать помощь различным ведомствам в подготовке исторических карт, но не давали возможность успешно вести руководство над масштабными исследовательскими проектами. В период затяжной работы над историческим атласом СССР постепенно возрастала роль исторической демографии, которая в свете очередных партийных установок в итоге заняла одно из центральных мест в работе научного совета.

Образованная в 1983 г. Комиссия по исторической демографии не только фиксировала неугасающий интерес к широкому кругу вопросов по истории народонаселения, но и создавала почву для последовавшей вскоре институциональной трансформации научного совета. Вместе с тем немаловажным фактором в реорганизации данного органа стало более пристальное внимание к историко-демографическим проблемам за рубежом. В 1960-е — начале 1980-х гг. вокруг них наблюдались интенсивные дискуссии в западной историографии[45], все чаще они становились темой для обсуждения на международных конгрессах по историческим наукам[46], что не могло не отразиться в изысканиях советских ученых, выступавших с критикой «буржуазных концепций».

References

Abramova N. G. [Modern problems of Studying and Teaching Historical Geography of Russia]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2013, no. 1, pp. 50–69. Available at: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=620&nb=1&logged=0&aurora=0 (accessed: 20.12.2025). (In Russian).

Belov M. I., Sokolov A. V. [The First All-Union Scientific Session on Historical Geography]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the All-Union Geographical Society], 1973, vol. 105, iss. 4, pp. 380–382. (In Russian).

Chislennost' i klassovyy sostav naseleniya Rossii i SSSR (XVI–XX vv.): sb. statey [The Size and Class Composition of the Population of Russia and the USSR (16th–20th Centuries): A Collection of Articles]. Tallinn: AN Estonskoy SSR Publ., 1979. (In Russian).

Chubaryan A. O. [Soviet historians and the 14th International Congress of Historical Sciences]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1975, no. 6, pp. 62–75. (In Russian).

Drobizhev V. Z. *Istoricheskaya geografiya SSSR: metodicheskiye ukazaniya* [Historical Geography of the USSR: Methodological Instructions]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1966. (In Russian).

Drobizhev V. Z., Kovalchenko I. D., Muravyov A. V. *Istoricheskaya geografiya SSSR: uchebnoye posobiye* [Historical Geography of the USSR: A Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1973. (In Russian).

Elizarov V. V. [Theory and Practice of Population Policies in the Soviet Union]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], 2017, no. 5, pp. 71–84. EDN: ZSJNSB. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-71-84 (In Russian).

Formirovaniye granitsy mezhdu Rossiyey i Tsinskim Kitayem [Formation of the Border between Russia and Qing China]. Moscow: S. n., 1970. (In Russian).

Kholmatov T. K. ["In Institute for History and Archives Historical Geography Hasn't Disappeared Yet": The Letters of O. M. Medushevskaya to V. K. Yatsunskiy (1956–1966)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 1, pp. 98–107. EDN: FSOETF. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-98-107 (In Russian).

Kholmatov T. K. [Scientific and Organisational Activity of Soviet Researchers for the Preparation of the Historical Atlas of the USSR in the 1960s — early 1980s]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2024, no. 3, pp. 33–40. EDN: OQJVZZ (In Russian).

[45] Шелестов Д. К. О современной буржуазной исторической демографии // Вопросы истории. 1982. № 6. С. 62–73.

[46] См., например: Чубарьян А. О. Советские историки и XIV Международный конгресс исторических наук // Вопросы истории. 1975. № 6. С. 72–73; Тихвинский С. Л., Тишков В. А. XV Международный конгресс исторических наук // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 8, 15–17, 22.

Konovalova I. G. [Historical Geography at Interdisciplinary Crossroads]. *Istoricheskaya geografiya* [Historical Geography]. Moscow: Krug" Publ., 2012, vol. 1, pp. 8–19. (In Russian).

Krivosheev Yu. V., Krivonozhenko A. F., Sokolov R. A. [Teaching Historical Geography of Russia at the History Faculty of Leningrad State University — Saint Petersburg State University for 100 years]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Paleorussia. Ancient Rus' in Time, in Personalities, in Ideas]. Saint Petersburg: Tip. "Kontrast" Publ., 2016, iss. 5, pp. 447–467. (In Russian).

Medushevskaya O. M. *Istoricheskaya geografiya kak vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina: uchebnoye posobiye* [Historical Geography as an Auxiliary Historical Discipline: A Textbook]. Moscow: MGIAI Publ., 1959. (In Russian).

Minyailo N. G., Mokryak E. I., Sokolova I. I. [Problems of Methodology of Teaching Historical Geography at University: A Meeting in Moscow]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1975, no. 3, pp. 212–214. (In Russian).

Muravyov A. V. [Objectives and Content of the University Course in Historical Geography of the USSR]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the North Caucasian Scientific Center of Higher Education. Social Sciences], 1976, no. 4, pp. 97–102. (In Russian).

Problemy istoricheskoy demografii SSSR: sb. statey [Problems of Historical Demography of The USSR: A Collection of Articles]. Tallinn: AN Estonskoy SSR Publ., 1977. (In Russian).

Problemy istoricheskoy demografii SSSR: sb. statey [Problems of Historical Demography of The USSR: A Collection of Articles]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1980. (In Russian).

Problemy istoricheskoy demografii SSSR: sb. statey [Problems of Historical Demography of The USSR: A Collection of Articles]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1982, iss. 2. (In Russian).

Problemy istoricheskoy demografii SSSR (period sotsializma): sb. statey [Problems of Historical Demography of the USSR (The Period of Socialism): A Collection of Articles]. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1985. (In Russian).

Problemy istoricheskoy geografii Rossii [Problems of Historical Geography of Russia]. Moscow: S. n., 1982, iss. 1. (In Russian).

Problemy istoricheskoy geografii Rossii [Problems of Historical Geography of Russia]. Moscow: S. n., 1982, iss. 2. (In Russian).

Problemy istoricheskoy geografii Rossii [Problems of Historical Geography of Russia]. Moscow: S. n., 1983, iss. 3. (In Russian).

Problemy istoricheskoy geografii Rossii [Problems of Historical Geography of Russia]. Moscow: S. n., 1983, iss. 4. (In Russian).

Samarkin V. V. *Istoricheskaya geografiya Zapadnoy Evropy v sredniye veka: uchebnoye posobiye* [Historical Geography of Western Europe in the Middle Ages: A Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1976. (In Russian).

Shelestov D. K. [On Modern Bourgeois Historical Demography]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1982, no. 6, pp. 62–73. (In Russian).

[Social and Philosophical Problems of Demography. Round Table of the Journal "Problems of Philosophy" (1974)]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review], 2016, vol. 3, no. 4, pp. 114–170. EDN: YNVXSF (In Russian).

Tikhvinsky S. L., Tishkov V. A. [15th International Congress of Historical Sciences]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1980, no. 12, pp. 3–23. (In Russian).

Ulyanova G. N., Troitskaya I. A. [Russian Poll-Tax Registers (Soul Revisions) as a Source for the Historical Demography Studies in the 1950s and 1960s]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhons University Review. Series History. Russian Church History], 2016, no. 1 (68), pp. 89–101. EDN: VLCIYD. DOI: 10.15382/sturII201668.89-101 (In Russian).

Yatsunsky V. K. *Istoricheskaya geografiya: istoriya yeye vozniknoveniya i razvitiya v XIV–XVIII vekakh* [Historical Geography: The History of Its Origin and Development in the 14th–18th Centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. (In Russian).

Yatsunsky V. K. [Historical Atlas of the USSR]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1967, no. 1, pp. 219–228. (In Russian).

Zhyromskaya V. B. [In the Commission on Historical Demography]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1984, no. 2, pp. 126–128. (In Russian).

УДК 930.27 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-18-41

Крутов Дмитрий Андреевич
младший научный сотрудник; Отдел цифровых методов и исторической картографии; Институт истории и археологии Византии и Причерноморья; Севастопольский государственный университет (Россия, Севастополь)
ORCID: 0000-0002-5513-663X
E-mail: historymind99@yandex.ru

Историческое картографирование Римской Британии (на основе картографического материала «Атласа древней географии» У. Смита)*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу исторического картографирования Римской Британии в контексте развития британской исторической картографии второй половины XIX — начала XX в. Анализ преимущественно выстраивается вокруг карты Римской Британии из «Атласа древней географии» (1874), выполненной под редакцией У. Смита. Представленная карта, подготовленная на основе широкого корпуса античных источников и археологических данных, стала эссенциалистской квинтэссенцией географического принципа в британской исторической картографии XIX в., в соответствии с которым отдельной территории была посвящена одна относительно крупномасштабная карта. Актуальность исследования обусловлена необходимостью источниковедческого изучения исторических карт как основы для современных историко-географических реконструкций, а также отсутствием в историографии работ, рассматривающих эволюцию картографирования отдельно взятого исторического периода и территории, в данном случае Римской Британии. Методологически исследование опирается на комплексный историко-географический подход, сочетающий элементы внешней и внутренней критики картографического источника. В частности, особое внимание уделяется математической и географической основе картографического материала, способам и объектам топографической актуализации, синхронному использованию нескольких топонимических систем. На основе проведенного сравнительного историко-картографического анализа дана высокая оценка карте Римской Британии как ценному источнику для изучения истории картографии и ретроспективного геоинформационного моделирования, заложившему фундамент для последующих историко-картографических работ по античной Британии. Однако в силу маркетингового фиаско «Атласа древней географии» рассматриваемая карта не получила широкого распространения и тем самым не оказала прямого влияния на массовые учебные атласы своего времени, став ярким историко-картографическим знаменем уходящей эпохи классического элитарного образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая картография, исторический атлас, историческая карта, Римская Британия, Атлас древней географии, Уильям Смит

Для цитирования: Крутов Д. А. Историческое картографирование Римской Британии (на основе картографического материала «Атласа древней географии» У. Смита) // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 18–41. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-18-41.

Поступила в редакцию 06.03.2026
Принята к публикации 13.05.2026

© Крутов Д. А., 2026

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

UDC 930.27 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-18-41

Dmitriy A. Krutov
Sevastopol State University (Russia, Sevastopol)
ORCID: 0000-0002-5513-663X
E-mail: historymind99@yandex.ru

Historical Mapping of Roman Britain (Based on the Cartographic Material of William Smith's Atlas of Ancient Geography)

ABSTRACT. This article analyzes the historical mapping of Roman Britain within the context of the development of British historical cartography in the late 19th and early 20th centuries. The analysis primarily focuses on the map of Roman Britain from "An Atlas of Ancient Geography" (1874), produced under the editorship of William Smith. This map, compiled on the basis of a broad corpus of classical sources and archaeological data, became the essentialist quintessence of the geographical principle in 19th-century British historical cartography, whereby a single, relatively large-scale map was dedicated to a specific territory. The relevance of this research is determined by the need for source-critical study of historical maps as a foundation for modern historical-geographical reconstructions, as well as the absence of works examining the evolution of mapping for a specific historical period and territory, in this case, Roman Britain. Methodologically, the research employs a comprehensive historical-geographical approach, combining elements of external and internal criticism of the cartographic source. Particular attention is paid to the mathematical and geographical basis of the cartographic material, the methods and objects of topographical actualization, and the synchronous use of multiple toponymic systems. Based on a comparative historical-cartographic analysis, the map of Roman Britain is highly assessed as a valuable source for studying the history of cartography and for retrospective geographic information modeling, laying the foundation for subsequent historical-cartographic works on classical Britain. However, due to the commercial failure of "An Atlas of Ancient Geography", this map did not achieve wide circulation and consequently did not directly influence the mass educational atlases of its time, becoming a vivid historical-cartographic emblem of a bygone era of classical elite education.

KEYWORDS: historical cartography, historical atlas, historical map, Roman Britain, Atlas of Ancient Geography, William Smith

For citation: Krutov D. A. [Historical Mapping of Roman Britain (Based on the Cartographic Material of William Smith's Atlas of Ancient Geography)]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 18–41. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-18-41 (In Russian).

Received 6 March 2026
Accepted 13 May 2026

© 2026 The Author

На протяжении нескольких веков с момента зарождения ренессансной картографии в XVI в. классическая и священная (*sacred*) география занимала центральное место в исторических картах и атласах. Во многом это было продиктовано преобладающим интересом интеллектуалов и картографов к античному периоду, знание которого являлось ключевым аспектом и маркером образованности. С накоплением сведений о древней географии постепенно увеличивался спрос на их систематизацию и визуализацию в виде исторических карт, которые стали незаменимым атрибутом образовательного процесса. Именно карты, преимущественно иллюстрирующие библейские места, Древнюю Грецию и Рим, позволяли сформировать целостное представление об истории и географии изучаемого периода. Таким образом, формирующийся запрос на картографирование классической географии в дидактических целях определил ход становления и первоначального развития исторической картографии в ряде европейских государств Нового времени.

Для британских исторических атласов древней географии первой половины XIX в. было характерно обязательное включение Римской Британии в список картографируемой территории классического мира[1]. В большинстве атласов карта по Римской Британии соседствовала с картой по современной географии Британии, актуальной на момент ее создания[2]. Это помогало проследить преемственность и установить зримую связь с периодом, когда Британия через романизацию была включена в цивилизационную ойкумену на правах провинции Римской Империи[3]. Долгое время британская историческая картография развивалась в духе учебной, которая накладывала определенные ограничения на содержание исторических карт по Римской Британии[4]. Однако в 50-е гг. XIX в. известный английский лексикограф У. Смит совместно с издателем Дж. Мюрреем и немецким историком К. Мюллером начал работать над историческим атласом по древней географии[5], который задумывался в качестве иллюстративного сопровождения шеститомной «Энциклопедии классической древности» (*Encyclopaedia of Classical Antiquity*). Спустя 18 лет плотной работы «Атлас древней географии» (*An Atlas of Ancient Geography*) был завершен[6], став первым в Британии примером научно-исследовательского историко-картографического произведения, который не уступал в детальности и проработанности современным географическим атласам[7]. Сама же Римская Британия впервые получила столь подробное картографическое освещение, вобрав в себя обширный корпус памятников античной географической литературы и актуальных своему времени исследовательских достижений (*см. цв. вклейку, рис. 1*). Однако впоследствии сам «Атлас древней географии» У. Смита не получил широкого распространения, несмотря на все усилия издателя по тщательно спланированной рекламной кампании настоящего атласа[8]. Следом за низкой востребованностью атласа самой карте Рим-

[1] См.: Patteson E. A General and Classical Atlas. Printed for the author, by G. A. Wall, Richmond: and sold, in London by Messrs. Rivington, St. Paul's Church-Yard; Mr. Faden (et al.). 1804; Wilkinson R. Atlas Classica. London: Printed for Robert Wilkinson, No. 125, Fenchurch Street. 1823.

[2] См.: Arrowsmith A. A Comparative Atlas of Ancient and Modern Geography. London: Published by the Author, 10, Soho Square, Sold also by E. Williams, Eton, and at the Eton Warehouse, 10, Red Lion Court, Fleet Street. 1828.

[3] Автором концепции «романизации» как распространения цивилизованной римской культуры в Британии был оксфордский историк Ф. Хэверфилд: Haverfield F. The Romanization of Roman Britain. Oxford, 1915. 112 p. В современных исследованиях концепция «романизации» была проблематизирована. См.: Барышников А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №. 6 (3). С. 200–211.

[4] Под ограничениями, прежде всего, подразумевается мелкий масштаб и, соответственно, низкая детальность карты, выборка объектов (генерализация), минимальная тематическая нагрузка.

[5] О своей идее создать классический атлас У. Смит упоминает в конце предисловия к «Словарю по греческой и римской географии», который был издан в 1853 г. По словам британского ученого, он будет «достаточно масштабным, чтобы быть полезным более продвинутым студентам». Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Geography. London, 1854. Vol. I. P. [8].

[6] Полное наименование выглядит следующим образом: «Атлас древней, библейской и классической географии, иллюстрирующий библейский и классические словари». Однако для удобства в дальнейшем будет использоваться краткая формулировка «Атлас древней географии». Smith W. An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical to illustrate the dictionary of the Bible and the classical dictionaries. London, 1874.

[7] Напр., в предисловии У. Смит ссылается на географический атлас А. К. Джонстона: Johnston A. K. Royal Atlas of Modern Geography. Edinburgh, 1861.

[8] В периодическом издании *Quarterly Review,* который издавал сам Дж. Мюррей, был опубликован список образовательных работ его издательства. В этом списке фигурировал «Атлас древней географии» У. Смита с перечислением всех карт. Кроме того, были приведены выдержки с положительными отзывами из других периодических изданий. Например,

ской Британии не получилось сформировать национальную историко-картографическую традицию освещения этого исторического периода. В этой статье осуществляется попытка обозначить возможные причины маркетингового фиаско «Атласа древней географии» У. Смита и на фоне других учебно-исторических карт по Римской Британии выделить отличительные особенности карты из рассматриваемого атласа.

В зарубежной историографии вслед за итальянским историком В. Лархером условно можно выделить два доминирующих подхода в исторической картографии[9]. Первый подход тесно связан с критическим направлением в истории картографии[10] и больше тяготеет к социокультурному анализу исторических карт и атласов. Вокруг этого подхода сформировалась «англосаксонская школа» исторической картографии, главными представителями которой являются американский историк немецкого происхождения В. Гоффарт[11] и британский историк Дж. Блэк[12]. Второй подход лежит в основе «немецкой школы», представители которой в лице П. Лена[13] и С. Шраут[14] преимущественно обращаются к школьным историческим атласам и рассматривают их роль в формировании национального государства. Два этих подхода объединяет направленность на контекстуальное изучение внутренней истории (*internal history*) исторических атласов в качестве своего рода «дискурса власти»[15]. Соответственно, картографическая и географическая сторона исследования исторического картографирования по большей части уходит на второй план, уступая место концептуализации значимости исторических атласов в конкретный период времени. Этот пробел частично заполняется изысканиями британского историка Р. Дж. А. Тальберта, который в рамках подготовки «Баррингтонского атласа греческого и римского мира»[16] несколько статей посвятил истории исторического картографирования классической эпохи[17]. В частности, в них он подробно рассмотрел истоки и процесс создания «Атласа древней географии» У. Смита, который, по оценке исследователя, стал одним из самых успешных со второй половины XIX в. Однако его подробный источниковедческий анализ не выходил за рамки атласа как комплексного произведения, и, как следствие, вопросы исторического картографирования отдельной территории или сюжета не получили должного освещения. Эта ситуация в целом характерна для всех исследований по внутренней истории исторической картографии, повествование о которой строится, за редким исключением, по хронологическому принципу[18]. Таким образом, в зарубежной историографии

в *Guardian* отмечалось, что «можно с уверенностью назвать [атлас] <…> достойным дополнением к тем томам, которые он был призван проиллюстрировать». В свою очередь, в *British Quaterly Review* отмечался оригинальный характер карт, которые были подготовлены выдающимися граверами «в соответствии с самыми высокими [стандартами] и новейшими исследованиями». Всеми отмечалась не только основательность исторического содержания, но и прекрасное художественное оформление.

[9] Larcher V. Historical Atlases' Western studies in English and German: a review // Rivista geografica italiana. 2017. Annata 124, Fasc. 4. P. 369–377.

[10] Harley J. B. Maps, Knowledge and Power // The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography. Baltimore; London, 2001. P. 51–82; Harley J. B. Deconstructing the Map // The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography. Baltimore; London, 2001. P. 149–168.

[11] Goffart W. Historical atlases: The First Three Hundred Years, 1570–1870. Chicago & London, 2003. 603 p.

[12] Black J. Historical atlases // The Historical Journal. 1994. Vol. 37, no. 3. P. 643–667; Idem. Historical Atlases: Recent Works and General Reflections // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 1995. Bd. 22, no. 2. S. 153–157; Idem. Maps and History. Constructing Images of the Past. New Haven; London, 1997. 267 p.

[13] Lehn P. Deutschlandbilder: Historische Schulatlanten zwischen 1871 und 1990. Ein Handbuch. Köln, 2008. 596 S.

[14] Schraut S. Kartierte Nationalgeschichte: Geschichtsatlanten im internationalen Vergleich 1860–1960. Frankfurt am Main, 2011. 568 S.

[15] Larcher V. Op. cit. P. 373; Black J. Maps and History. Constructing Images of the Past… P. 173.

[16] Talbert R. J. A. Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton, 2000.

[17] Talbert R. J. A. Mapping the classical world: major atlases and map series 1872–1990 // Journal of Roman archaeology. 1992. Vol. 5. P. 5–38; Idem. Carl Müller (1813–1894), S. Jacobs, and the making of classical maps in Paris for John Murray // Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography. 1994. Vol. 46, no. 1. P. 128–150.

[18] В качестве исключения можно привести статью немецкого историка-медиевиста А. Вольфа, в которой он попытался проследить основные особенности картографирования европейской истории в исторических атласах различных стран. Wolf A. Das Bild der europäischen Geschichte in Geschichtsatlanten verschiedener Länder // Internationales Jahrbuch für Geschichts-und Geographie-Unterricht. 1970. Vol. 13. S. 64–101. Здесь же можно отметить В. Гоффарта, который в своей монографии по историческим атласам проследил развитие исторического картографирования Средних веков. Goffart W. Op. cit. P. 187–302, 379–442.

не предпринимались попытки проследить развитие исторической картографии Британии в разрезе картографирования отдельно взятого периода, что позволяет на деле лучше реализовать комплексный историко-географический подход с учетом доминирующих методов изучения исторических карт и атласов[19].

В отечественной историографии историческая картография только начинает формироваться как отдельная область исторического знания со своим предметом и исследовательскими подходами[20]. Наиболее активно развивается направление, связанное с теоретическими основами исторической картографии через призму составления авторских исторических карт[21]. В рамках этого направления становится наиболее актуальным переход на уровень изучения подборки отдельных исторических карт по конкретной территории или периоду, так как карты предшественников зачастую становятся исходными данными для построения собственных картографических материалов. Таким образом, внешняя и внутренняя критика исторических карт позволяет сделать наиболее взвешенный выбор в пользу той или иной карты, которая наиболее адекватно и полно позволяет решить поставленные перед историком-картографом задачи. Следовательно, анализ исторического картографирования Римской Британии на примере «Атласа древней географии» У. Смита обладает не только источниковедческой ценностью, но и приобретает практическую значимость для последующего составления авторских исторических карт по этой территории и периоду.

Перед непосредственным обращением к основному картографическому предмету исследования, прежде всего, нужно кратко охарактеризовать сам атлас, в котором была опубликована интересующая нас карта Римской Британии. Атлас был опубликован у издателя Дж. Мюррея, который принимал активное участие по организации рабочего процесса. В атласе было опубликовано 43 карты, каждая из которых сопровождалась собственным географическим указателем и небольшой пояснительной справкой. Дифференцированный по картам географический указатель являлся осознанным выбором автора и концептуальной новацией по отношению к немецкому атласу К. Шпрунера, который был усовершенствован Т. Менке[22]. У. Смит не скрывал своего скептицизма по поводу выбранного подхода немецких картографов, которые вместо детального историко-географического представления различных стран в древности в большей степени уделяют внимание картографированию политической обстановки в разные исторические периоды. Без сомнения, для историков ближе подход К. Шпрунера и Т. Менке, которые руководствовались хронологическим принципом, например, показывая Средиземноморье в период от Ганнибала до Митридата. По мнению У. Смита, большинство подобных карт не могут быть равномерно обеспечены валидными источниками, чтобы уверенно картографировать специфику политического устройства той или иной территории, даже в относительно мелком масштабе[23]. В таком случае авторам неизменно придется строить свои догадки по конфигурации границ, обобщать и упрощать, что может, в свою очередь, еще больше вводить в заблуждение

[19] В частности, в своей статье В. Лархер предлагает обратить внимание на теорию «территориализации» (*territorialization*) швейцарского географа К. Раффестена и итальянского географа А. Турко, которая подразумевает процесс присвоения территории. В контексте этой междисциплинарной концептуальной рамки исторические атласы выступают в качестве инструментов создания и присвоения пространства прошлого с помощью различных картографических приемов (например, через проведение границ или с помощью объединяющих или разъединяющих цветовых заливок). Наиболее наглядным этот процесс становится в период возникновения исторических атласов по национальной истории, которые визуально подкрепляют формирующийся исторический нарратив. Larcher V. Op. cit. P. 374; Raffestin C. Pour une géographie du pouvoir. Paris: Librairies techniques, 1980. 249 p.; Turco A. Verso una teoria geografica della complessità. Milano, 1988. 184 p.

[20] Аверьянов К. А. Историческая картография России XIX — начала XXI в. (опыт создания исторических атласов) // Труды Института российской истории. 2017. №. 14. С. 283–295; Баталов Р. Н., Радченко Л. К. Пути развития исторической картографии // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). 2022. Т. 27, № 5. С. 90–109.

[21] Гришин Е. С., Уманский Л. А. Методические основы регионального исторического картографирования на материале единой цифровой модели европейской части Российской империи // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 1. С. 6–29; Гришин Е. С., Крутов Д. А. Практика построения региональных комплексных исторических атласов // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 1. С. 44–59.

[22] Spruner-Menke Atlas Antiquus. Gothae, 1865.

[23] Smith W. Preface // An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical to illustrate the dictionary of the Bible and the classical dictionaries. London, 1874.

читателей. В определенном смысле с У. Смитом здесь сложно спорить, однако и критиковать подход немецких картографов также не повернется язык, потому что именно такие местами неудачные попытки представить политическую картину исторического пространства и выявляли наиболее ощутимые пробелы в понимании прошлого. Эти картографические изыскания направляли историков на более точечные исследования и скорейшее закрытие этих лакун. Во всяком случае, У. Смит решил отойти от исторического картографирования различных периодов и предложил географический принцип, в соответствии с которым отдельной территории была посвящена одна относительно крупномасштабная карта (хотя стоит добавить, что и они разбавлялись картами сугубо исторических государственных образований, например, картой империи Александра Македонского).

Когда в повествовании атлас отождествляется только с одним автором, нужно понимать, что зачастую это осознанное и вынужденное упрощение, чтобы каждый раз не перечислять всех причастных к его созданию лиц. В нашем случае У. Смит является, прежде всего, основным редактором и, по всей видимости, автором некоторых текстовых справок (например, по Римской Британии), поэтому именно его имя будет фигурировать в статье[24]. Переходя к реальным исполнителям, стоит обратиться к предисловию, где отмечено, что все карты по классическому периоду, за исключением Британии и Индии, были подготовлены К. Мюллером[25] под руководством У. Смита. В свою очередь, карты по библейской географии готовил Т. Сондерс под наблюдением секретаря Фонда изучения Палестины (*Palestine Exploration Fund*) и автора статей о библейской топографии Дж. Гроува. Гравировкой интересующей нас карты Римской Британии занимался британский картограф Э. Уэллер[26], который одним из первых в Лондоне стал массово применять литографию, помогающую снизить себестоимость производства картографических материалов.

Сама карта Римской Британии (*см. цв. вклейку, рис. 1*) выполнена в масштабе 1:1 400 000, который в 2,5 раза крупнее, чем на аналогичной карте (1: 3 000 000) Римской Британии К. Шпрунера в его «Атласе Античности» (*Atlas Antiquus*) или практически в три раза крупнее, чем на карте А. К. Джонстона в «Школьном атласе классической географии» (*A School Atlas of Classical Geography*). Здесь стоит сразу обозначить, что перед нами самая крупномасштабная британская историческая карта по Римской Британии в XIX в. Это вполне соответствовало задумке У. Смита, желавшего запечатлеть на своих относительно крупномасштабных картах такое пространство, на котором можно было бы продемонстрировать природные особенности и нанести современные наименования географических объектов под древними[27]. Географическая основа и топонимические системы, используемые в карте, будут рассмотрены чуть позже, сейчас же стоит кратко охарактеризовать другие элементы математической основы и макета. Масштаб представлен в линейном виде, с указанием римских и английских миль в одном градусе (1° = 75 и 1° = $69^{1/2}$ соответственно). В качестве нулевого меридиана выступает традиционный для британской картографии Гринвичский меридиан[28]. Проекция редко подписывалась

[24] Для Р. Дж. А. Тальберта, наоборот, более релевантен К. Мюллер, который неоспоримо сделал львиную часть работы по этому атласу, но так и остался плохо ассоциируемым с ним. В частности, это замечает в своей рецензии его соотечественник немецкий картограф Г. Киперт. Talbert R. J. A. Mapping the classical world: major atlases and map series 1872–1990… P. 9.

[25] Для У. Смита было большой удачей привлечение к проекту К. Мюллера, который на момент задумки атласа уже был широко известен ученым-классикам как редактор «*Geogragraphi Graeci Minores*» и «*Fragmenta Historicum Graecorum*» в серии «Библиотека греческих авторов» («*Bibliothèque des auteurs grecs*») французского издательства «Фирмена-Дидо».

[26] Э. Уэллер занимался гравировкой большинства исторических карт 2-й половины XIX в. См.: The Student's Atlas of Historical Geography. London, 1873; The Public Schools Historical Atlas. London, 1885; The Public Schools Atlas of Ancient Geography. London, 1889; A School Atlas of English history. London, 1891.

[27] Smith W. Preface // An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical to illustrate the dictionary of the Bible and the classical dictionaries. London, 1874.

[28] Только в «Школьном атласе классической географии» А. К. Джонстона наряду с Гринвичским меридианом указан меридиан Ферро, который был более традиционен для французской картографии. Относительно Гринвичского меридиана долгота Ферро составляет 17°40′ (17.663494). Гришин Е. С., Крутов Д. А. Приемы атрибуции картографических источников как практика картографического источниковедения // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 131.

на картах XIX в., поэтому можно предположить, что использовалась коническая проекция[29]. В правом верхнем углу вставлены две карты-врезки по территории Каледонии (совр. север Шотландии) и Иберии (совр. Ирландия). Эти территории редко картографировались, в силу отсутствия валидных географических источников по ним, о чем пишет У. Смит в записке к карте-врезке по Иберии, ссылаясь на сомнительный характер сведений Клавдия Птолемея по наименованиям племен и рек. В правом нижнем углу дана врезка по валу Адриана, информация по опорным пунктам которого была почерпнута из «Списка должностей» (*Notitia Dignitatum*), о котором еще будет сказано ниже. За рамкой карты в углах можно увидеть упоминания Э. Уэллера, который рисовал и впоследствии занимался гравировкой рассматриваемой карты. В центральной части под рамкой, как правило, указывался издатель, по имени которого зачастую назывались сами атласы, что порой создает сложности в атрибуции реального авторства того или иного картографического произведения[30]. Внутри рамки привлекают внимание пространные записи к содержанию карты, что не было характерно для карт Римской Британии, отчасти в силу ограниченного пространства из-за мелкого масштаба. Преимущественно эти записи раскрывают особенность и различные детали географических источников Античности и раннего Средневековья. Например, в записи в районе Корнуолла указано, что Клавдий Птолемей перечисляет всего 56 локаций, в число которых входят основные города. В свою очередь, согласно Беде Досточтенному и Неннию, к концу римского периода насчитывалось около 28 городов, без учета многочисленных укрепленных пунктов. У карты нет особой легенды, так как, с одной стороны, не предусмотрена разная типология для точечных объектов, которую необходимо было пояснять, с другой стороны, на полотне карты вполне достаточно было свободного пространства, чтобы сделать там расшифровку к условным обозначениям (например, подписан предположительный маршрут перемещения войск Гая Юлия Цезаря, который показан жирной пунктирной линией). Таким образом, макет включает в себя множество различных элементов, которые дополняют и поясняют историческое содержание карты.

Дальнейшая оценка качества и достоверности исторического содержания карты формируется исходя из полноты привлекаемых для ее построения источников. К сожалению, авторы большинства исторических карт XIX в. не раскрывают процесс подготовки своих карт и не рефлексируют о состоянии исходных данных. Однако У. Смит сопроводил все карты в своем «Атласе древней географии» небольшими справками, где основное внимание уделяется критике сведений, полученных от античных авторов[31]. Подобная критика была не очень распространена в британской исторической картографии XIX в., что еще раз подчеркивает оригинальный научно-исследовательский характер рассматриваемого атласа. В большинстве случаев сопровождающие текстовые дополнения раскрывали событийную канву картографируемого периода и давали краткую справочную информацию об изображаемой территории. Это было вполне оправданно и достаточно в учебных целях, когда было предпочтительно «оживить» карту, которая без объяснения преподавателя или пояснительного повествования оставалась попросту нема. Однако У. Смит уже на этапе проекта исторического атласа отмечал, что его целевая аудитория — это «продвинутые ученики», которые знакомы с исторической подоплекой картографируемого периода и, соответственно, готовы для более глубокого погружения в пространство прошлого.

У. Смит, характеризуя имеющуюся источниковую базу по Римской Британии, отметил, что «сведения ранних классических авторов о местной географии настолько скудны, что нашим единственным удовлетворительным путеводителем по ранним британским поселениям являются археологические исследования…»[32] и топонимические изыскания, на которых специали-

[29] Коническая проекция подписана на карте Римской Британии в «Атласе древней географии для паблик скулс» (*The Public Schools Atlas of Ancient Geography*), который был опубликован два года спустя после «Атласа древней географии». Напр., см. переиздание этого атласа в начале XX в. The Public Schools Atlas of Ancient Geography. London, 1905.

[30] Напр., "*Murray's Small Classical Atlas*", редактором которого выступил Г. Б. Гранди, или "*Philips' New Historical Atlas for Students*", редактором которого был Р. Мьюир.

[31] Предположительно, большая часть текста была написана немецким историком К. Мюллером, однако с уверенностью можно констатировать, что к тексту и карте по Римской Британии руку приложил именно У. Смит. Talbert R. J. A. Mapping the classical world: major atlases and map series 1872–1990… P. 8.

[32] Smith W. An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical to illustrate the dictionary of the Bible and the classical dictionaries. P. 11.

зировался британский лексикограф. Подобной критической оценкой обуславливается необходимость и актуальность обращения к «Своду латинских надписей» (*Corpus Inscriptionum Latinarum*), 7-й том которых был посвящен латинской эпиграфике Британии[33] и другим антикварным исследованиям[34], позволившим исправить и расширить сохранившийся корпус сведений Античности. Вне зависимости от полноты и точности, информация, полученная от античных авторов, помогала пролить свет на многие географические аспекты римского периода Британии, и поэтому стоит кратко представить массив письменных свидетельств, который был в распоряжении авторов исторической карты.

Наименования племен, проживающих на территории Британии, брались из «Записок о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Жизнеописания Агриколы» Тацита[35] и «Географии» Клавдия Птолемея, который обобщил географические сведения первого столетия полноценного римского присутствия на острове от Клавдия до Антонинов. Из труда Клавдия Птолемея наиболее ценными являются свидетельства о топографии острова в то время, как его измерения зачастую ошибочны из-за неверного расположения острова, который сильно наклонен на восток от устья реки Тайн[36]. С еще большей осторожностью историки и картографы прибегали к более поздним авторам, например к анонимному географу из Равенны, в «Космографии» которого в том числе перечисляются британские локации[37]. Наиболее ценными источниками по географии и административному устройству Римской Британии являются «Итинерарий Антонина», в котором содержатся сведения о главных дорожных артериях и опорных военных пунктах провинции, и «Список должностей» (*Notitia Dignitatum*), где приводится список названий провинций, основные военные гарнизоны вдоль вала Адриана и девять крупных морских фортов т. н. Саксонского берега (*Littus Saxonicum*). Также обрывочные сведения можно подчерпнуть от Диона Кассия, Диодора Сицилийского, Светония и Плутарха. Однако, несмотря на вполне солидный список разрозненных письменных свидетельств, в подавляющем числе случаев их невозможно сопоставить и верифицировать путем сравнения, поэтому вполне закономерным смотрится замечание У. Смита о том, что остается полагаться на археологические изыскания в качестве единственного надежного источника по историческому картографированию Римской Британии.

---

[33] Этот том был опубликован в 1873 г., и отчасти с датами публикаций ценных коллекций надписей может быть связана задержка с изданием всего исторического атласа. Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1873. CIL VII: Inscriptiones Britanniae Latinae / ed. Aem *Hübner*.

[34] Horsley J. Britannia Romana or the Roman Antiquities of Britain. London, 1732; Lysons D., Lysons S. Magna Britannia; being a Concise Topographical Account of the Several Counties of Great Britain. London, 1808–1822; Petrie H. Monumenta Historica Britannica or Materials for the History of Britain, from the Earliest Period to the End of the Reign of King Henry VII. London, 1848; Roy W. Military Antiquities of the Romans in North Britain. London, 1793; Gordon A. Itinerarium Septentrionale: or, A journey thro' most of the Counties of Scotland, and those in the north of England. London, 1726; Chamber G. Caledonia: or, A Historical and Topographical Account of North Britain, from the Most Ancient to the Present Times; with a Dictionary of Places, Chorographical and Philological. Paisley, 1887–1894; Stuart R. Caledonia Romana: A Descriptive Account of the Roman Antiquities of Scotland. Edinburgh, 1852.

[35] Римский историк Тацит мог бы пролить больше света на ход завоевания Британии, однако фрагменты о кампании Авла Плавтия и событиях периода правления императоров из династии Флавиев были утрачены. Барышников А. Е. Римская Британия: 12 лекций для проекта Магистерия. М., 2023. С. 17.

[36] Британские картографы, начиная с А. К. Джонстона, включали карту-врезку Британии по представлению Птолемея в макет самой карты по Римской Британии или в текстовую справку по ней. На этих врезках Каледония показывается перпендикулярно по отношению ко всему острову. У. Смит поместил эту карту-врезку в текст, освободив на самой карте место для других врезок по Иберии (Ирландии) и Каледонии (Шотландии), которые в силу незначительного римского присутствия редко выступали в качестве самостоятельной территории для картографирования. Сами реконструкции географического кругозора Клавдия Птолемея, как и более обобщенные представления Страбона, впервые появились в атласе немецкого картографа Карла Шпрунера и впоследствии стали неотъемлемой частью всех британских исторических атласов. Johnston A. K. A School Atlas of Classical Geography. Edinburgh and London, 1853; Spuner K. Atlas Antiquus. Gotha, 1850.

[37] Ч. Пирсон предположил, что в распоряжении анонимного географа были не только греческие и латинские списки, но и кельтские источники (например, сведения ирландских миссионеров). По его наблюдениям, если «провести линию через Уинчестер и Ковентри к реке Тайн, то окажется, что более 100 названий находятся к западу от нее и около 40 — к востоку; 51 — вдоль вала Адриана или в Валенции; 10 — вдоль реки Тайн; 10 — вдоль вала Антонина; и 27 — на севере Шотландии». Pearson C. Historical Maps of England, During the First Thirteen Centuries. London, 1870. P. 7.

В качестве зыбкости письменных свидетельств можно привести в пример следующий казус. Некоторые авторы[38] исторических карт по Римской Британии апеллировали к «Описанию Британии», якобы принадлежащему перу английского хрониста Ричарда Сайренчестерского[39]. На деле это историческое сочинение оказалось подделкой, которую сфабриковал Ч. Дж. Бертрам в XVIII в., о чем пишет в сопровождении к своей карте Римской Британии (*Britannia Romana*) медиевист Ч. Пирсон[40]. Однако подделка была выполнена настолько искусно, что смогла ввести в заблуждение многих антикварных исследователей рубежа XVIII–XIX вв. В работе Дж. Уайтхеда «Серьезные забавы» даже утверждалось, что У. Смит также пал жертвой обмана и, как следствие, привел на страницах своего атласа карту Британии, которая хранит «следы безудержной фантазии Бертрама в области картографии»[41]. Здесь стоит сказать пару слов в защиту У. Смита и отметить, что ни в тексте[42], ни в заметках на самой карте британский лексикограф не ссылается на «Описание Британии» Ричарда Сайренчестерского и не приводит в пример подготовленную им карту. Если же говорить про картографические ориентиры для насыщения фактографией своей карты Римской Британии, то с более весомым основанием стоит назвать карту У. Хьюза, которая была подготовлена для «Британских исторических памятников» (*Monumenta Historica Britannica*)[43]. В частности, на этой карте было отмечено 15 мест с находками руин римского времени на территории Норфолка (например, Окснид (*Oxnead*) или Колни (*Colney*)). На эти объекты ссылался в своем «Словаре» У. Смит, и впоследствии все они были указаны на его карте[44].

В качестве источника У. Смит также называет, пожалуй, один из самых известных картографических источников римского периода — Певтингерову таблицу, которая представляет собой средневековую копию оригинальной римской карты, разрезанную на несколько частей[45]. К сожалению, фрагмент с большей частью Британских островов был утерян, и сохранился лишь тот кусок, на котором запечатлено юго-восточное побережье Британии с указанием населенных пунктов в виде домиков как художественных условных обозначений, римских дорог и реки Темзы. Однако даже этот сохранившийся фрагмент позволяет сделать выводы об античной топографии острова в районе современной болотистой местности Ромни-Марш (*Romnney Marsh*). В приложении приведен фрагмент карты с частью Британии из издания К. Миллера 1887 г.[46] (*см. цв. вклейку, рис. 2*).

Суммируя приведенный обзор осколочных источников по географии и устройству Римской Британии, становится понятен выбор автора в пользу нанесения большого количества современных населенных пунктов, которые на карте подписаны курсивом в скобках. Под большинство из них, как в случае с римскими находками в Норфолке, подведена археологическая база, но для многих современных гидронимов и топонимов просто неизвестны латинские аналоги, потому что они по тем или иным причинам не попали в географический кругозор античных авторов или их не уда-

---

[38] Напр., Э. Говер в своем атласе по исторической географии Средних веков и Нового времени, в который он включил карту «Британские острова: как [их] знали римляне». The Historic Geographical Atlas of the Middle and Modern Ages. London, 1853. P. 17.

[39] Этот хронист известен своим трудом «Историческое зерцало деяний королей Англии», который представлял собой компиляцию из множества средневековых исторических сочинений. В период с 1863 по 1869 г. вышли два академических издания этого латинского произведения.

[40] Pearson C. Op. cit. P. 11.

[41] Уайтхед Дж. Серьезные забавы. М., 1986. С. 105.

[42] Необходимо сделать оговорку, что в своем «Словаре» У. Смит все же ссылается на Ричарда Сайренчестерского и принимает во внимание его свидетельства по поводу территориальных границ расселения в Британии племени белгов. См.: Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Geography… P. 388. В оправдание У. Смита стоит отметить, что сомнения в подложности «Описания Британия» сохранялись вплоть до 1860-х гг., когда библиотекарь Виндзорского замка Б. Б. Вудворд убедительно продемонстрировал, что вменяемый Ричарду Сайренчестерскому стиль не имеет ничего общего с манерой латинского письма XIV столетия. Так или иначе возможные досадные промахи прошлого были учтены, и уже в «Атласе древней географии», как было сказано, нет даже намека на присутствие подложного сочинения и, соответственно, плодов картографической фантазии Ч. Дж. Бертрама.

[43] Map of Britannia Romana // Monumenta Historica Britannica… London, 1848.

[44] Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Geography… P. 442.

[45] Talbert R. J. A. Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered. Cambridge, 2010. P. 88.

[46] Miller K. Die Weltkarte des Castorius genannt die Peutingersche Tafel. Ravensburg, 1887.

лось локализовать. Подобных лакун много, особенно на территории провинции *Britannia Secunda* (совр. Уэльс) или Каледонии, значительная часть которой попросту не попадала в экстент исторических карт. От этого проникаешься уважением к смелой решимости авторов рассматриваемых карт максимально закрыть эти лакуны, где-то заполнив пустое пространство свидетельствами более позднего характера (например, нередко на карте можно встретить отсылки к Беде Достопочтенному или Неннию), где-то предложив свою версию высадок войск Гая Юлия Цезаря и их дальнейший маршрут по неизведанным землям местных кельтских племен. Плотная работа с источниками также проявляется в вопросе использования нескольких топонимических систем, что стало уникальным примером диахронного рассмотрения эволюции британских топонимов[47]. Таким образом, вне всякого сомнения, рассматриваемая карта Римской Британии заслуживает высокой оценки с точки зрения критической аккумуляции всех доступных письменных и археологических источников и опоры на весь корпус актуальных на момент создания карты исследований. После общей характеристики карты стоит подробнее рассмотреть ключевые аспекты ее содержания.

Одной из главных особенностей исторических карт в XIX в. является их инвариантный и эссенциалистский характер. Как правило, они ориентированы на целостное изображение фактографической и географической основы (населенных пунктов и территориальных образований) в рамках длительных хронологических периодов, без претензии отобразить динамику исторических событий. В большей степени это было характерно для исторических карт по древней географии, которая слабо сопровождается источниками. Соответственно, по этой причине по всему римскому периоду Британии в исторических атласах фигурировала только одна карта, косвенно отражающая динамику через всю совокупность нанесенных памятников римского присутствия на острове, от расположения легионов до строительства валов. В таком исполнении карты не обладали самодостаточностью и неизменно требовали сопровождающий исторический нарратив, который они были призваны просто проиллюстрировать и дать возможность читателям провести пальцем по дороге Уотлинг-стрит (*Watling Street*) или примерно представить, где происходила битва у Гравпийских гор (*Mons Graupius*) между Юлием Агриколой и местными племенами Каледонии[48].

Относительно рассматриваемой карты Римской Британии У. Смита: подобный статичный подход к иллюстрации исторического пространства был вполне осознанным выбором, о чем свидетельствует заявленная автором цель. Она состояла в том, чтобы «представить географическое положение Британии с того времени, когда остров стал известен древнему миру, вплоть до эпохи его оставления римлянами»[49]. Однако своего рода эссенциализму не были подвержены попытки картографов актуализировать топографические условия Британии на римский период.

Наибольшие изменения претерпела береговая линия Британии под воздействием приливов и эвстазии, ветряной эрозии и геоморфологических процессов в устьевых областях рек. Уже в середине XIX в. британский географ У. Хьюз в своей работе «География британской истории» отмчал, что наибольшие изменения произошли на восточном и юго-восточном побережье на территории Норфолка, Саффолка и Кента, в отличие от берегов Девона и Корнуолла, которые состоят из более твердых пород и меньше подвержены деструктивным факторам[50]. Британский географ особое внимание уделил заливу Уош, который является наиболее репрезентативным примером масштабных геоморфологических изменений. В XIX в. велись активные работы по дренажным

[47] Во многом оригинальное решение использования латинских, древнеанглийских (после англосаксонского завоевания в V в.), бриттских (местные наименования) и современных английских вариаций топонимов связано с профессиональной специализацией У. Смита, который был лексикографом и составлял словари. Для разведения языков были использованы следующие шрифтовые приемы: латинские подписи были выделены жирным и оставались прямым (напр. Durovernum), древнеанглийские подписи были сделаны готикой (напр. Cantwarabuрh), бриттские наименования даны в квадратных скобках (напр. [Caer Ceint]), и современные английские топонимы были записаны курсивом в скобочках (напр. *Canterbury*). Конечно, такую лексическую задумку можно было реализовать только на сравнительно крупном масштабе, в рамках которого можно было уместить подписи разных топонимических систем.

[48] К слову, исследователи до сих пор не определили точное место этого сражения, и поэтому картографы неизменно сопровождали нанесение этой локации знаком вопроса. Барышников А. Е. Римская Британия: 12 лекций… С. 169. Стоит отметить, что У. Смит на своей карте даже не осмелился сделать предположение о том, где могла находиться эта гора, что характеризует его подход — максимально идти от источников.

[49] Smith W. An Atlas of Ancient Geography… P. 11.

[50] Hughes W. The Geography of British History a Geographical Description of the British Islands at Successive Periods from the Earliest Times to the Present Day. London, 1863. P. 67–68.

и мелиоративным работам, которые препятствовали наводнениям и заболачиванию местности. В результате значительная территория, которая ранее и в римский период была покрыта непроходимыми болотами, была осушена. Для понимания обширности болот У. Хьюз приводит в пример остров Или, который находился в 23 километрах от Кембриджа и являлся самой высокой точкой окружающего Фенленда (*Fenland*)[51]. Помимо наиболее заметных изменений в береговой линии[52], обращает на себя внимание существенная дефорестация южных прибрежных территорий, которые ранее были покрыты густыми лесами[53], дававшими приют и защиту коренным жителям острова. Как отмечает британский историк Р. Мьюир в предисловии к своей карте, важным следствием подобной топографии на юго-востоке Британии стало повышение столичной значимости Лондона (римского Лондиниума) в качестве хаба римской транспортной системы, которая была зажата с одной стороны лесом, с другой стороны заболоченной устьевой областью Темзы[54]. Таким образом, историко-географические изыскания были важной частью изучения римского периода Британии, результаты которых в той или иной мере отражались в исторических картах.

Обращаясь к географической основе карты Римской Британии У. Смита, стоит особенно отметить работу автора и картографа по решению задачи актуализации топографии на римский период в рамках относительно крупного для карт своего времени масштаба. По заявлению У. Смита, значительная часть характерных особенностей древней географии Британии была взята с карты Ч. Пирсона[55]. В частности, пунктирной линией были отмечены актуальные на XIX в. очертания песчаной косы Сперн-Хэд (*Spurn Head*), которая до сих пор периодически затапливается приливами и становится островом[56]. В целом пунктирная линия являлась распространенным картографическим приемом для демонстрации береговой линии XIX в. на фоне античного побережья. Например, активно пользовался пунктирной линией в своих атласах шотландский картограф Дж. Бартоломью[57]. Единственное, нужно учитывать, что в случае, если в легенде карты отдельно не атрибутируется пунктирная линия или она не сопровождается подписью, как на карте У. Смита, тогда она означает местную дорогу (как, например, от Каеро (совр. часть Кардиффа) до Нидума (совр. Нит)). Как ранее было отмечено, наиболее бросаются в глаза изменения в районе залива Уош, где зеленая обводка подсвечивает не только очертания римской провинции Флавия Цезарианская (лат. *Flavia Caesariensis*), но и позволяет лучше представить морфологию побережья Римской Британии. Значительная часть территории в устьях рек, впадающих в залив, показана условным знаком болот, которые также фигурируют восточнее современного Норвича (подписан на карте в скобках, *см. цв. вклейку, рис. 1*).

Помимо болот, показаны обширные лесные массивы и горные хребты. Рельеф выполнен с помощью т. н. «теневых штрихов», которые вычерчиваются по принципу косого освещения[58]. Такие штрихи помогают передать относительную освещенность и затененность склонов, создавая пластический эффект рельефа. Как правило, источник света предполагается в северо-западном углу карты, тем самым эффект тени создается на восточных склонах, что хорошо видно на карте У. Смита. Подобный способ изображения рельефа был наиболее распространенным в британской исторической картографии XIX в., о чем явно свидетельствует приложен-

---

[51] Ibid.

[52] В качестве еще одного хрестоматийного примера можно привести легендарный побег Альфреда Великого от викингов в болота Сомерсета. По свидетельству «Англосаксонской хроники», Альфред «с небольшим отрядом возвел укрепление на острове Этелни», на месте которого сейчас находится одноименная деревня. В целом, в эстуарии реки Северн зафиксированы одни из самых больших приливов в мире. Англосаксонская хроника / пер. с англ. З. Ю. Метлицкой. СПб., 2010. С. 71.

[53] Самый известный лес, который хотя бы в качестве наименования фигурировал в большинстве карт по Римской Британии, был Андерида-Сильва (*Anderida Silva*). С опорой на «Англосаксонскую хронику» и других средневековых английских писателей У. Смит установил, что примерные размеры леса Андерида-Сильва были следующие: ок. 120 миль в длину и ок. 30 миль в ширину.

[54] Muir R. A New School Atlas of Modern History. London; Liverpool, 1911. P. XIX.

[55] Smith W. An Atlas of Ancient Geography… P. 11.

[56] Рядом с подписью косы У. Смит сделал приписку о том, что «побережье претерпело сильные изменения в наше время». Smith W. An Atlas of Ancient Geography… Map 10. Britannia.

[57] The Student's Atlas of Historical Geography. London, 1873; The Student's Atlas of Modern Geography (with Six maps of Ancient and Historical Geography). London; Glasgow; Edinburg, 1880.

[58] Салищев К. А. Картоведение: учебник. М., 1990. С. 107.

ная ниже таблица по географическим основам (табл. 1). Альтернативный гипсометрический способ отображения рельефа[59], который на момент подготовки рассматриваемой карты уже был задействован в атласах по физической географии[60] и впоследствии популяризирован шотландским картографом Дж. Бартоломью[61], проник в исторические карты только в начале XX в. в контексте переиздания «Атласа древней географии» У. Смита[62]. Гипсометрия помогала усилить визуальную привлекательность отображаемого рельефа, который раскрашивался в более глубокие оттенки коричневого или зеленого в зависимости от показателей высоты, однако в тот же момент она накладывала определенные ограничения на использование других цветов для решения содержательных задач. В частности, на британских исторических картах с гипсометрическим рельефом не обозначались римские провинции на территории Британии, хотя сама традиция не тонировать и даже не обозначать границ провинций зародилась еще до начала применения гипсометрии, о чем свидетельствует таблица по способам картографирования римских провинций (табл. 2). В частности, в подстрочном комментарии своего учебника «История Англии для учеников: с древнейших времен до 1885 г.» британский историк С. Р. Гардинер пишет, что «всё, что известно об их [римских провинциях] местоположении, — это то, что они находились не там, где указаны в наших атласах»[63]. Впоследствии ему вторил в предисловии к своей карте по Римской Британии Р. Мьюир, который отмечал, что «более поздние разделения Британии при Диоклетиане на четыре и даже пять провинций также слишком мало известны нам, чтобы мы могли допустить их картографическое представление»[64]. В рассматриваемой карте У. Смита римские провинции задаются с помощью разноцветной окантовки границ. Такой способ, например, задействовался на карте «Древней Британии» (*Ancient Britain*) из сборника «Карты общества распространения полезных знаний»[65], которая по своему исполнению и характеру наиболее похожа на работу У. Смита и Э. Уэллера. В отличие от других авторов, У. Смит ничего не говорит по поводу конфигурации римских провинций, тем самым не пытаясь подвергнуть сомнению те границы, которые традиционно наносились на карты Римской Британии[66]. На первый взгляд, воспроизводимое деление на провинции имеет под собой топографическую основу, например, граница между *Britannia Prima* и *Flavia Caesariensis* проходит по Темзе[67]; значительная часть границы между *Flavia Caesariensis* и *Britannia Secunda* дается по реке Северн и во многом повторяет морфологию границы между Уэльсом и Англией; в свою очередь, граница между *Flavia Caesariensis* и *Maxima Caesariensis* задается на востоке рекой Дон, а на западе рекой Мерси. Также в качестве границы выступает антропогенная форма рельефа, например вал Андриана, отделяющий *Maxima Caesariensis* от *Valentia*. Таким образом, несмотря на отсутствие точных письменных свидетельств, по косвенным признакам вполне убедительно можно очертить конфигурацию римских провинций, которая едва ли сильно расходилась с реальностью, о чем писал С. Р. Гардинер.

Возвращаясь к географической основе карты Римской Британии У. Смита, стоит обратить внимание на остров Танет, о котором лексикограф упоминает в своей текстовой справке. Этот остров

---

[59] Этот способ подразумевает раскрашивание различных ступеней рельефа, которые задаются горизонталями с определенным индикатором высоты. Карты с гипсометрическим рельефом сопровождаются цветовой шкалой, демонстрирующей уровень перехода с одной ступени на другую. Гришин Е. С., Крутов Д. А. Приемы атрибуции картографических источников… С. 129.

[60] The Student's Atlas of Physical Geography. London; Glasgow; Edinburg, 1873.

[61] Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 119.

[62] Murray's Small Classical Atlas. London, 1904.

[63] Gardiner S. R. A Student's History of England: from the earliest times to 1885. London, 1896. Vol. I. B. C. 55 — A. D. 1509. P. 25. С высокой долей вероятности в этом комментарии С. Р. Гардинер ссылается на карту Ч. Колбека, который использует различные цвета для насыщенной окантовки границ римских провинций.

[64] Muir R. A New School Atlas of Modern History… P. XIX.

[65] Ancient Britain I // Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge. Plate 26.

[66] Единственное, в записке на самой карте У. Смит раскрывает генезис этих провинций и высказывается по поводу невозможности точного проведения границы между Верхней и Нижней Британией, на которые был поделен остров римским императором Севером около 208 г.

[67] В месте слияния реки Черн с Темзой пунктирной линией дается предположительная граница вплоть до Бристольского залива.

имеет большое символическое значение для христианской топографии Британии[68], ведь именно здесь, по Беде Достопочтенному, высадился святой Августин в 597 г. во время своей миссии по обращению языческого англосаксонского населения в христианство[69]. Помимо христианской значимости остров с проливом играл важную стратегическую роль в завоевательных походах римлян, англосаксонских племен и впоследствии викингов. Танет оставался островом до XV в., когда заиление пролива Ванцум (*Wantsum Channel*) окончательно соединило его с берегом Кента[70]. Таким образом, изображение Танета как острова на исторических картах Римской Британии является важным аспектом актуализации топографии, так как это позволяет реконструировать ход и логику важных для британской истории событий. У. Смит был одним из первых, кому удалось успешно и наглядно продемонстрировать не только остров Танет, но и стратегически выгодное положение Рутупии (совр. Ричборо) в качестве гавани, защищенной Стонарской отмелью (*Stonar Bank*), которая служила в роли волнореза во время сильных штормов. Для сравнительной иллюстрации исторического картографирования этого важного топографического сюжета ниже представлен ряд фрагментов из британских исторических карт, выстроенных в хронологическом порядке[71]. На первых двух фрагментах (*см. цв. вклейку, рис. 3 и 4*) видно, что авторы карт изображают Танет как часть Кента, без каких-либо подписей. На следующем фрагменте (*см. цв. вклейку, рис. 5*) Танет уже картографирован как остров, но при этом в силу мелкого масштаба не подписан. На фоне предыдущих фрагментов выгодно отличается рассматриваемая в настоящей статье карта У. Смита (*см. цв. вклейку, рис. 6*), на которой не только подписывается сам остров, но и готическим шрифтом дано название пролива. По следующим фрагментам стоит отметить, что уже на всех из них Танет фигурирует в качестве острова (*см. цв. вклейку, рис. 7–10*, только на *цв. вклейке, рис. 9,* остров не выражен в масштабе карты, но при этом подписывается только на *цв. вклейке, рис. 8 и 9*).

Обобщая наблюдения по географической основе карты Римской Британии У. Смита, стоит отметить высокую ее проработанность в рамках выбранного масштаба, который позволил запечатлеть ряд топографических нюансов. Единственное существенное замечание, которое можно адресовать карте, заключается в неравномерной актуализации топографии в восточной и западной части острова. Если на востоке, помимо озвученных примеров, также можно отметить подробную реконструкцию приливного залива в районе Ромни-Марш, то на западе не показана болотистая местность Сомерсета рядом с Бристольским заливом. Также совершенно остались без внимания береговые линии на северо-западе современной Англии в районе реки Ди и Риббл, заливов Моркам и Солуэй, однако на момент составления карты античная топография этой местности была еще слабо изучена в силу отсутствия данных. Со всем комплексом морфологических изменений прибрежной зоны можно ознакомиться на карте (1:12) в атласе Б. Джонса и Д. Мэттингли[72].

Помимо неравномерной проработки географической основы на римский период, стоит остановиться еще на одном недостатке рассматриваемой карты. Как уже было сказано ранее, карта не сопровождается легендой, и, хотя существенная часть вопросов отпадает благодаря развернутым пояснениям около картографируемых объектов, все равно остается ряд позиций, о значении которых приходится только догадываться. Например, на карте представлено три разных типа отображения путей сообщения, но ни один из них не пояснен. Из более поздних карт с наличием развернутой легенды становится понятен смысл, вкладываемый в различную типологию дорог. Так, двумя параллельными сплошными линиями обозначается дорога, которая упоминается в «Итинерарии Антонина», одной сплошной линией — дорога, известная по другим источникам, пунктирной линией — продолжительные дороги, связывающие сосед-

[68] В начале XV в. этому острову была посвящена карта монаха-бенедиктинца из Кентербери, которая была приложена к «Монастырской истории святого Августина Кентерберийского» (*Historia Monasterii Sancti Augustini Cantnariensis*). С контекстом создания этой карты можно ознакомиться в следующей работе: Hiatt A. The Cartographic Imagination of Thomas Elmham // Speculum. 2000. Vol. 75, no. 4. P. 859–886.

[69] Parker P. History of Britain in Maps. HarperCollins, 2018. P. 46.

[70] Jones B., Mattingly D. J. An Atlas of Roman Britain. Cambridge, 2007. P. 9.

[71] С датами издания атласов (или отдельных карт) можно ознакомиться в таблицах.

[72] Jones B., Mattingly D. J. Op. cit. Map 1:12. Coastal change (i) all Britain.

ние населенные пункты, но направление которых досконально не известно. Кроме того, У. Смит не дифференцирует условные обозначения точечных объектов, отдавая предпочтения топонимическому подчеркиванию статуса той или иной локации (например, часто встречается сокращение *Cast,* под которым подразумевается каструм — постоянный военный лагерь). Однако топонимы не всегда могут отразить тип объекта, например, Ф. Хэверфилд для карты «Исторического атласа современной Европы» Р. Лейн Пула предусмотрел следующие типы: кружки — города; треугольники — виллы; квадраты — укрепленные лагеря (крепости); для городов важного значения были сделаны составные условные знаки в виде двойного квадрата. В соответствии с этими обозначениями Чедворт в Глостершире является виллой, в то время как у У. Смита Чедворт ничем не выделяется на фоне других объектов. Хотя карта Римской Британии Ф. Хэверфилда значительно уступает в детальности, насыщенности и проработке географической основы (например, не указаны леса), однако в ней лучше представлено тематическое разнообразие римских локаций в Британии. Примечательно, что именно Ф. Хэверфилд впоследствии занимался генерализацией карты Римской Британии У. Смита для «Классического атласа Мюррея»[73], в котором она впервые для британской исторической картографии была представлена с послойной цветовой окраской рельефа. По мнению автора, этот способ отображения рельефа стал «наиболее эффективным методом быстрого ознакомления с природой страны, которую он изучает»[74]. Именно в таком виде изначальная крупномасштабная и пространная карта Римской Британии под авторством У. Смита и У. Уэллера переиздавалась несколько раз, вплоть до 1967 г.[75]

На первый взгляд это кажется парадоксальным, но при детальном рассмотрении становится вполне закономерным, что столь качественная и добротно сделанная историческая карта Римской Британии не сформировала традицию, не получив должной репликации в последующих историко-картографических произведениях[76]. С одной стороны, это связано с тем, что сам «Атлас древней географии» не пользовался большим спросом, и тем самым карта У. Смита была вытеснена с рынка массой более генерализированных исторических карт по Римской Британии, которые было легче тиражировать и распространять. Насколько известно, всего было издано около 1500 экземпляров атласа[77], что явно недостаточно, чтобы стать настольной книгой и окном в пространство прошлого. С другой стороны, сам формат листа (43 х 57) сильно выбивался из стандартных размеров изданий и, соответственно, просто не мог быть механически перенесен без должной редактуры. Впоследствии, на рубеже XIX–XX вв., подобные широкоформатные атласы не издавались. Более того, атласы по древней географии практически переставали создаваться последующие полвека (всего два учебных атласа, один из которых был переработкой рассматриваемого атласа У. Смита). Таким образом, можно сказать, что карта Римской Британии стала квинтэссенцией развития исторического картографирования британской античности.

Одной из главных причин, почему атлас не получил своего широкого распространения, без сомнения, является высокая цена (6 гиней / 126 шиллингов)[78]. Для сравнения, атлас А. К. Джонстона стоил всего полкроны (2,5 шиллинга), что отражено в его названии, чтобы привлечь доступной ценой потенциальных покупателей[79]. Размышляя о других возможных причинах

---

[73] Не менее примечательно, что уже на ней никак не упоминается первоначальный вклад в разработку географической основы У. Уэллера. Вместо имени британского географа значится Стэнфордское географическое учреждение.

[74] Talbert R. J. A. Mapping the classical world: major atlases and map series 1872–1990… P. 11.

[75] Murray's Classical Atlas. London, 1967.

[76] Это не столь удивительная история, когда узнаваемость и доступность того или иного произведения зависит не от его качества, а от возможности его «продать». Показателен обратный пример, когда критикуемый историками-картографами «Генеалогический, хронологический, исторический и географический атлас» (*Genealogical, Chronological, Historical, and Geographical Atlas*) французского педагога и секретаря Наполеона I Э. де Лас Каза завоевал общественное расположение в силу активного маркетинга со стороны самого автора и, несмотря на весь скепсис, пережил множество изданий, и не только на территории Франции (напр., в Российской империи: Исторический, генеалогический, хронологический, географический атлас г. Лесажа / пер. Е. М. Шаврова. СПб., [1809–1812]). Las Cases E. Atlas historique, généalogique, chronologique et géographique. Paris, 1808.

[77] Talbert R. J. A. Mapping the classical world: major atlases and map series 1872–1990… P. 9.

[78] Ibid. P. 8.

[79] Как писал сам А. К. Джонстон, эта цена «настолько умеренна», что доступна всем учащимся. Johnston A. K. Prefatory Note // The Half-Crown Atlas of British History. Edinburgh and London, 1871.

низкой востребованности у широкой публики «Атласа древней географии», Р. Дж. А. Тальберт предположил, что слишком многих покупателей могли отпугивать продуманные детали исторических карт, не говоря уже о весе и размере всего издания[80]. Действительно, даже для образованного человека, поверхностно знакомого с историей Античности, этот атлас мог быть сложным для восприятия, так как сопровождающие тексты были направлены на верификацию исторического содержания карт, а не их последовательного «оживления». В конечном итоге «Атлас древней географии» постепенно стал библиографической редкостью и позиционировался в качестве дополнения к «Словарям классической античности», которые получили несравненно большее распространение[81]. Впоследствии атлас даже не упоминался в листовках Исторической ассоциации[82]. Однако было бы неверно совсем отрицать значимость «Атласа древней географии», хотя она и была меньше, чем стоило бы ожидать в отрыве от контекста. Например, британский адвокат Э. Г. Банбери в своей «Истории древней географии» выражал огромную признательность подготовленным картам, на которые он опирался для подготовки собственных карт[83]. Также активно пользовался плодами атласа британский географ и педагог Г. Ф. Тозер в рамках подготовки своего известного труда «История древней географии»[84].

***

«Атлас древней географии» стал одним из самых амбициозных проектов в истории британской исторической картографии. Как и другие историко-картографические проекты, например «Карты общества распространения полезных знаний» (16 лет работы, 1828–1844) или «Исторический атлас современной Европы» Р. Лейн Пула (11 лет работы, 1891–1902), он стал яркой вспышкой в истории картографии, мгновенно озарив и затмив все остальные картографические работы, но и при этом также быстро вновь погрузился во тьму времен, являя себя лишь в отголосках переработанных исторических карт. В то же время учебные исторические атласы, особенно по национальной истории, процветали и массово тиражировались, знаменуя значительные перемены не только в сфере образования, но и в векторе развития государства. Школьные исторические карты не требовали тщательной проработки географической основы, плотной и кропотливой работы с историческими источниками и актуальными исследованиями. Они были призваны снабдить преподавателей компактным инструментом для целостной передачи исторических знаний, который позволил бы удовлетворить спрос на формирование представлений о национальной истории сотни тысяч новоявленных учеников, с определенного момента обязанных посещать школы. В свою очередь, перечисленные историко-картографические проекты также играют важную роль, но прежде всего в узкопрофессиональной среде. Именно они аккумулируют и агрегируют весь комплекс накопленных по тому или иному периоду и территории знаний, тем самым подводя своеобразную черту под исследовательской вехой и открывая новые горизонты для следующих изысканий. С точки зрения картографии они не задают своеобразные тренды и, собственно, не призваны это делать; скорее, их задача заключается в том, чтобы абсорбировать весь имеющийся картографический арсенал и предложить новые решения в случае нехватки имеющихся средств

[80] Talbert R. J. A. Mapping the classical world: major atlases and map series 1872–1990… P. 9.

[81] Весьма показательно, что в «Руководстве по изучению и использованию справочной литературы» американского библиотекаря А. Б. Крюгера от 1902 г., прежде всего, упоминается «Словарь» У. Смита, который, по всей видимости, был в библиотеке в твердой копии, в отличие от «Атласа древней географии», который был вскользь упомянут «среди хороших атласов». Kroeger A. B. Guide to the Study and Use of Reference Books; a Manual for Librarians, Teachers and Students. Boston, 1902. P. 49–50.

[82] В листовке № 13 от 1908 г. перечисляются «лучшие картографические материалы», которые могут заполнить лакуну «неполноценности исторического образования». Из-за проработанной физической географии приводится в пример «Классический атлас Мюррея», который составлялся на основе «Атласа древней географии» с адаптацией под нужды школьного образования с соответствующей доступной ценой в 6 шиллингов. Кроме того, можно было приобрести отдельные листы стоимостью в 1 шиллинг из серии «Карманных классических карт Мюррея» (Murray's Handy Classical Maps). Leaflets of the Historical Association. London, 1908. Leaflet No. 13. P. 1.

[83] Bunbury E. H. A History of Ancient Geography among the Greeks and Romans, from the Earliest Ages till the Fall of the Roman Empire. London, 1879. Vol. I–II.

[84] Tozer H. F. A History of Ancient Geography. Cambridge, 1897. 444 p.

визуализации актуальных разнородных данных. Впоследствии те или иные решения начинают проникать и активно использоваться в картографии, но такие памятники историко-картографического усердия и мужества целиком редко воспроизводятся вновь, уходя тем самым на второй план, но при этом зримо обозначая свое косвенное присутствие в любой последующей карте схожей тематики. Таким образом, любая новая историческая карта, по сути, является достижением предыдущей, получая новую жизнь в совершенно иных исторических и историографических реалиях.

Наверное, «Атласу древней географии» У. Смита не очень сильно повезло, потому что он стал символом уходящей эпохи классического элитарного образования и, соответственно, очень быстро прекратил соответствовать духу и запросам времени. Сама же карта «Римской Британии» вобрала в себя весь доступный корпус письменных свидетельств по античной географии, сформировав прекрасную базу для последующего компаративного обобщения с археологическими данными, ценность накопления которых уже осознается и напрямую обозначается. Претендуя на фактографическую и тематическую всеохватность, рассматриваемая карта все же не отразила весь накопленный историко-картографический опыт Британии. В частности, в макете не перечислены локации, которые обозначены в основных источниках — «Итинерарии Антонина» и «Списке должностей», как это сделано еще на карте «Древней Британии» 1834 г. в рамках упомянутого выше проекта «Общества распространения полезных знаний». Дифференциация объектов по источникам также могла повысить исследовательскую привлекательность карты и более наглядно представить пространственное распределение имеющихся сведений. Ведь во многом именно исторические источники определяют, насколько равномерно будет распределена информация на полотне карты и насколько она будет тематически вариативна. Однако, учитывая эти моменты, нельзя не отметить главное достоинство этой карты, которое заключается в синхронном использовании нескольких топонимических систем, которые часто бывают очень востребованы. В этом проявляется одна из самых выгодных черт подобных исследовательских карт, а именно компактность хранения и организации объемной и разнородной информации.

В завершение хотелось пару слов сказать о прилагаемых к статье таблицах, которые во многих аспектах самодостаточны и весьма красноречивы. В них осознанно были включены несколько версий одних и тех же исторических карт в рамках новых изданий атласов, где они были первоначально опубликованы, или их использования в новых картографических произведениях. С одной стороны, максимальный учет любой картографической единицы позволяет понять, какая историческая карта могла иметь наибольший успех попасть в библиотеку того или иного покупателя в определенный промежуток времени, с другой стороны, поздние переиздания карт могут вводить в заблуждение, так как может сформироваться неверное восприятие актуальных картографических подходов и обширности изображаемого исторического содержания. Например, в таблице по способам картографирования римских провинций Британии в британских исторических картах XIX–XX вв. (табл. 2) сильно выделяются карты «Римская Британия ок. 400 г.» из «Исторического атласа для паблик скулс» Ч. Колбека и «Британия» из «Атласа древней географии для паблик скулс» Г. Батлера, в силу своего заведомо вторичного характера. В этом плане исследователям или авторам исторических карт нужно быть осторожными в своих суждениях и в выборе репрезентативного референса, который может не соответствовать достижениям исторической картографии рассматриваемого периода. Непродуманный выбор может повлечь за собой масштабирование и репликацию возможных ошибок, поэтому необходимо тщательно подходить к процессу подбора и анализа исходных данных. В случае с рассмотренной картой «Римской Британии» У. Смита внутренняя критика выявила неравномерную актуализацию топографии и скудную представленность типологии пространственных объектов, которую можно восполнить в картографических произведениях последующих авторов. Поэтому важно рассматривать любую историческую карту как составную часть накопленных удачных и не очень релевантных примеров, учет и синтез которых позволяет не только проследить развитие исторического картографирования определенной территории, но и конвертировать наблюдения в оригинальную авторскую историческую карту.

Таблица 1

Характер оформления географической основы в британских исторических картах XIX — начала XX в.

Table 1

The nature of the geographical framework in British historical maps of the 19th – early 20th centuries

Название карты	Автор(ы)	Источник (атлас)	Дата	Наличие рельефа	Способ отображения рельефа		Актуализация топографии
					Штриховка	Гипсометрия	
Britannicae Insulae en Aevi Romani Monumentis	E. Bourne; R. Wilkinson	Wilkinson's Atlas Classica	1800	0	0	0	0
Britannia Romana	E. Bourne; Wilkinson R.	Wilkinson's Atlas Classica	1800	0	0	0	0
Insulae Britannicae. The British Isles	S. J. Neele; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	1	1	0	0
England and Wales Roman and modern	H. Mutlow; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	1	1	0	0
Scotland ancient and modern	Jones & Smith; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	1	1	0	0
Hibernia, vel Ierne. Ireland	H. Mutlow; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	1	1	0	0
Insulae Britannicae	A. Arrowsmith	A Comparative Atlas of Ancient and Modern Geography	1828	1	1	0	0
Ancient Britain I.	J. & C. Walker	Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge	1834 (1844)[85]	1	1	0	0
Ancient Britain II.	J. & C. Walker	Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge	1834 (1844)	1	1	0	0
The British Isles As Known To The Romans	E. Gover	The Historic Geographical Atlas of the Middle and Modern Ages	1853	0	0	0	1
Insule Britannice (et Brit. Strabonis, Brit. Ptolemiei, &c.)	A. K. Johnston	A School Atlas of Classical Geography	1853	1	1	0	0
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1856	1	1	0	0

[85] Карты Ancient Britain I. и Ancient Britain II. были изданы отдельно в 1834 г. и в 1844 г. в составе атласа.

Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1859	1	1	0	0
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1867	1	1	0	0
Insule Britannice (et Brit. Strabonis, Brit. Ptolemiei, &c.)	A. K. Johnston	A School Atlas of Classical Geography	1867	1	1	0	0
Britannia Romana	C. Pearson	Historical Maps of England during the First Thirteen Centuries	1869	1	1	0	1
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1870	1	1	0	0
The British Islands, during the Roman period	W. Hughes	Popular Atlas of Comparative Geography	1870	0	0	0	0
Insule Britannice (et Brit. Strabonis, Brit. Ptolemiei, &c.)	A. K. Johnston	A School Atlas of Classical Geography	1870	1	1	0	0
Britannia Romana	C. Pearson	Historical Maps of England during the First Thirteen Centuries	1870	1	1	0	1
England (Britannia: under the Romans)	A. K. Johnston	Half-Crown Atlas of British History	1871	1	1	0	1
Scotland (Roman Period)	A. K. Johnston	Half-Crown Atlas of British History	1871	1	1	0	0
Britain under the Romans	J. Bartholomew	The Student's Atlas of Modern Geography (with Six maps of Ancient and Historical Geography)	1873	1	1	0	1
Britain under the Romans	E. Weller; W. F. Collier.	The Student's Atlas of Historical Geography	1873	1	1	0	1
Britannia	E. Weller; W. Smith	An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical	1874	1	1	0	1
Britain under the Romans	William Collins, Sons, & Company	The Collegiate Atlas (with Eighteen Maps of Historical Geography)	1876	1	1	0	1

Britannia	E. Weller; G. Butler	The Public Schools Atlas of Ancient Geography	1876	1	1	0	0
Britain under the Romans	J. Bartholomew	The Student's Atlas of Modern Geography (with Six maps of Ancient and Historical Geography)	1880	1	1	0	1
England (Britannia): under the Romans	A. K. Johnston	Johnston's Historical Atlas	1880	1	1	0	1
Scotland (Roman Period)	A. K. Johnston	Johnston's Historical Atlas	1880	1	1	0	0
Britannia Romana	C. Pearson	Historical Maps of England during the First Thirteen Centuries	1883	1	1	0	1
Roman Britain circa 400	E. Weller; C. Colbeck	The Public Schools Historical Atlas	1885	1	1	0	1
Britannia	E. Weller; G. Butler	The Public Schools Atlas of Ancient Geography	1889	1	1	0	0
Roman Britain circa 400	E. Weller; C. Colbeck	The Public Schools Historical Atlas	1891	1	1	0	1
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1891	1	1	0	1
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1892	1	1	0	1
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1902	1	1	0	1
Roman Britain	F. Haverfield; R. Lane Poole	Historical Atlas of Modern Europe	1902	1	1	0	1
Roman Britain	E. Reich	A New Student's Atlas of English History	1903	0	0	0	0
Britannia	G. B. Grundy	Murray's Small Classical Atlas	1904	1	0	1	1
Britannia	E. Weller; G. Butler	The Public Schools Atlas of Ancient Geography	1905	1	1	0	0

Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1905	1	1	0	1
Roman Britain circa 400	C. Colbeck	The Public Schools Historical Atlas	1905	1	1	0	0
Roman Britain — Physical	R. Muir	A New School Atlas of Modern History	1911	1	0	1	1
Roman Britain — Physical	R. Muir	Philips' New Historical Atlas for Students	1911	1	0	1	1
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1914	1	1	0	1
Roman Britain — Physical	R. Muir	Philips' New Historical Atlas for Students	1914	1	0	1	1
			47	42	38	4	23

Таблица 2

Способы картографирования римских провинций Британии в британских исторических картах XIX — начала XX в.

Table 2

Methods of mapping the Roman provinces of Britain in British historical maps of the 19th – early 20th centuries

Название карты	**Автор(ы)**	**Источник (атлас)**	**Дата**	**Картографирование провинций**		
				Подпись (легенда)	**Границы**	**Цветовая заливка**
Britannicae Insulae en Aevi Romani Monumentis	E. Bourne; R. Wilkinson	Wilkinson's Atlas Classica	1800	1	1	1
Britannia Romana	E. Bourne; Wilkinson R.	Wilkinson's Atlas Classica	1800	1	1	1
Insulae Britannicae. The British Isles	S. J. Neele; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	0	0	0
England and Wales Roman and modern	H. Mutlow; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	1	0	0
Scotland ancient and modern	Jones & Smith; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	1	0	0
Hibernia, vel Ierne. Ireland	H. Mutlow; E. Patteson	A General and Classical Atlas	1804	0	0	0
Insulae Britannicae	A. Arrowsmith	A Comparative Atlas of Ancient and Modern Geography	1828	1	1	0
Ancient Britain I.	J. & C. Walker	Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge	1834 (1844)	1	1	0
Ancient Britain II.	J. & C. Walker	Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge	1834 (1844)	0	1	0

The British Isles As Known To The Romans	E. Gover	The Historic Geographical Atlas of the Middle and Modern Ages	1853	1	1	0
Insule Britannice (et Brit. Strabonis, Brit. Ptolemiei, &c.)	A.K. Johnston	A School Atlas of Classical Geography	1853	1	1	1
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1856	1	1	0
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1859	1	1	0
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1867	1	1	0
Insule Britannice (et Brit. Strabonis, Brit. Ptolemiei, &c.)	A.K. Johnston	A School Atlas of Classical Geography	1867	1	1	1
Britannia Romana	C. Pearson	Historical Maps of England during the First Thirteen Centuries	1869	1	0	0
Britannia	W. Hughes	An Atlas of Classical Geography	1870	1	0	0
The British Islands, during the Roman period	W. Hughes	Popular Atlas of Comparative Geography	1870	1	1	1
Insule Britannice (et Brit. Strabonis, Brit. Ptolemiei, &c.)	A. K. Johnston	A School Atlas of Classical Geography	1870	1	1	1
Britannia Romana	C. Pearson	Historical Maps of England during the First Thirteen Centuries	1870	1	0	0
England (Britannia: under the Romans)	A. K. Johnston	Half-Crown Atlas of British History	1871	1	1	1
Scotland (Roman Period)	A.K. Johnston	Half-Crown Atlas of British History	1871	1	1	1
Britain under the Romans	J. Bartholomew	The Student's Atlas of Modern Geography (with Six maps of Ancient and Historical Geography)	1873	1	1	1
Britain under the Romans	E. Weller; W. F. Collier.	The Student's Atlas of Historical Geography	1873	1	1	1
Britannia	E. Weller; W. Smith	An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical	1874	1	1	0
Britain under the Romans	William Collins, Sons, & Company	The Collegiate Atlas (with Eighteen Maps of Historical Geography)	1876	1	1	1
Britannia	E. Weller; G. Butler	The Public Schools Atlas of Ancient Geography	1876	1	1	0

Britain under the Romans	J. Bartholomew	The Student's Atlas of Modern Geography (with Six maps of Ancient and Historical Geography)	1880	1	1	1
England (Britannia): under the Romans	A. K. Johnston	Johnston's Historical Atlas	1880	1	1	1
Scotland (Roman Period)	A. K. Johnston	Johnston's Historical Atlas	1880	1	1	1
Britannia Romana	C. Pearson	Historical Maps of England during the First Thirteen Centuries	1883	1	0	0
Roman Britain circa 400	E. Weller; C. Colbeck	The Public Schools Historical Atlas	1885	1	1	1
Britannia	E. Weller; G. Butler	The Public Schools Atlas of Ancient Geography	1889	1	1	0
Roman Britain circa 400	E. Weller; C. Colbeck	The Public Schools Historical Atlas	1891	1	1	1
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1891	0	0	0
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1892	0	0	0
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1902	0	0	0
Roman Britain	F. Haverfield; R. Lane Poole	Historical Atlas of Modern Europe	1902	0	0	0
Roman Britain	E. Reich	A New Student's Atlas of English History	1903	0	0	0
Britannia	G. B. Grundy	Murray's Small Classical Atlas	1904	0	0	0
Britannia	E. Weller; G. Butler	The Public Schools Atlas of Ancient Geography	1905	1	1	0
Roman Britain (circa 400)	S. R. Gardiner	A School Atlas of English history	1905	0	0	0
Roman Britain circa 400	C. Colbeck	The Public Schools Historical Atlas	1905	1	1	1
Roman Britain — Physical	R. Muir	A New School Atlas of Modern History	1911	0	0	0
Roman Britain — Physical	R. Muir	Philips' New Historical Atlas for Students	1911	0	0	0
Roman Britain (circa 400)	S.R. Gardiner	A School Atlas of English history	1914	0	0	0
Roman Britain — Physical	R. Muir	Philips' New Historical Atlas for Students	1914	0	0	0
			47	33	28	17

References

Averyanov K. A. [Historical Cartography of Russia XIX — Beginning of the XXI Century (Review of Historical Atlases)]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History], 2017, no. 14, pp. 283–295. EDN: ZSVYWJ. (In Russian).

Baryshnikov A. E. [Roman Britain and the Problem of Romanization: Crisis of a Traditional Concept and the Discussion about New Approaches in Contemporary British Classical Scholarship]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012, no. 6 (3), pp. 200–211. EDN: RELIPJ. (In Russian).

Baryshnikov A. E. *Rimskaya Britaniya: 12 lektsiy dlya proyekta Magisteriya* [Roman Britain: 12 Lectures for the Magisterium Project]. Moscow: Rosebud Publishing, 2023. (In Russian).

Batalov R. N., Radchenko L. K. [Ways of Development of Historical Cartography]. *Vestnik SGUGiT (Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologiy)* [Vestnik SSUGT (Siberian State University of Geosystems and Technologies)], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 90–109. EDN: TICYNE. DOI: 10.33764/2411-1759-2022-27-5-90-109 (In Russian).

Black J. Historical atlases. *The Historical Journal*, 1994, vol. 37, no. 3, pp. 643–667. (In English).

Black J. Historical Atlases: Recent Works and General Reflections. *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*, 1995, Bd. 22, Nr. 2, S. 153–157. (In English).

Black J. *Maps and History. Constructing Images of the Past*. New Haven; London: Yale University Press, 1997. (In English).

Goffart W. *Historical Atlases: The First Three Hundred Years, 1570–1870*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2003. (In English).

Grishin E. S., Krutov D. A. [The Practice of Composing Regional Complex Historical Atlases]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 1, pp. 44–59. EDN: MMKGPC. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-1-44-59 (In Russian).

Grishin E. S., Krutov D. A. [Attribution Techniques of Primary Cartographic Sources as a Practice of Cartographic Source Studies]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2024, no. 3 (84), pp. 125–133. EDN: OVBCBG. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-125-133 (In Russian).

Grishin E. S., Umansky L. A. [Methodological Foundations of Regional Historical Mapping Based on the Material of a Unified Digital Model of the European Part of the Russian Empire]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 1, pp. 6–29. EDN: YXKIQO. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-1-6-29 (In Russian).

Harley J. B. Deconstructing the Map. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 149–168. (In English).

Harley J. B. Maps, Knowledge, and Power. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 51–82. (In English).

Hiatt A. The Cartographic Imagination of Thomas Elmham. *Speculum*, 2000, vol. 75, no. 4, pp. 859–886. DOI: 10.2307/2903544 (In English).

Jones B., Mattingly D. J. *An Atlas of Roman Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. (In English).

Larcher V. Historical Atlases' Western Studies in English and German: A Review. *Rivista geografica italiana*, 2017, annata 124, fasc. 4, pp. 369–377. (In English).

Parker P. *History of Britain in Maps*. UK: HarperCollins, 2018. (In English).

Postnikov A. V. *Razvitiye kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart* [The Development of Cartography and Issues Surrounding the Use of Old Maps]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian).

Raffestin C. *Pour une géographie du pouvoir*. Paris: Librairies techniques, 1980. (In French).

Salishchev K. A. *Kartovedeniye: uchebnik* [Cartography: A Textbook]. Moscow: MGU Publ., 1990. (In Russian).

Schraut S. *Kartierte Nationalgeschichte: Geschichtsatlanten im internationalen Vergleich 1860–1960*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2011. (In German).

Talbert R. J. A. Mapping the Classical World: Major Atlases and Map Series 1872–1990. *Journal of Roman archaeology*, 1992, vol. 5, pp. 5–38. (In English).

Talbert R. J. A. Carl Müller (1813–1894), S. Jacobs, and the Making of Classical Maps in Paris for John Murray. *Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography*, 1994, vol. 46, no. 1, pp. 128–150. (In English).

Talbert R. J. A. *Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. (In English).

Turco A. *Verso una teoria geografica della complessità*. Milano: Edizioni Unicopli Milano, Unicopli, 1988. (In Italian).

Whitehead J. *Ser'yeznyye zabavy* [This Solemn Mockery]. Moscow: Kniga Publ., 1986. (In Russian).

Wolf A. Das Bild der europäischen Geschichte in Geschichtsatlanten verschiedener Länder. *Internationales Jahrbuch für Geschichts-und Geographie-Unterricht*, 1970, vol. 13, S. 64–101. (In German).

УДК 902.2(470.5)"632" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-42-53

Дубовцева Екатерина Николаевна
к. и. н., с. н. с., Центр археологии каменного века, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0000-0003-3214-7173
E-mail: ket1980@yandex.ru

Леонтьев Арсений Алексеевич
студент Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0009-0001-6607-4112
E-mail: stockvstoys@gmail.com

Тепловые карты как инструмент пространственного анализа находок в раскопе на примере памятника эпохи энеолита Каквинские печи I*

АННОТАЦИЯ. Анализ распределения находок в раскопе — один из ключевых этапов изучения археологического памятника. На современном этапе для обработки данных индивидуальной трехмерной фиксации большого количества артефактов перспективно применение метода тепловых карт (оценка ядерной плотности, KDE). В статье на примере энеолитического поселения Каквинские печи I (Северное Зауралье) демонстрируются возможности этого метода. Объектом исследования стала полуземлянка площадью 28 кв. м с углубленным центральным очагом. В раскопе получена представительная коллекция керамики и каменного инвентаря (4357 ед.). Для визуализации плотности распределения артефактов созданы авторские скрипты на языке Python (библиотеки seaborn, pandas) с гауссовым ядром и оптимальным параметром сглаживания. Анализ тепловых карт позволил установить зоны концентрации каменного инвентаря и керамики внутри жилища: каменные орудия и отходы их производства локализуются к югу от очага, тогда как керамика — в северо-западной части. Это дало возможность реконструировать бытовую структуру жилого пространства: рядом с очагом проводилось приготовление пищи, ремонт и изготовление каменных орудий (наконечников стрел, скребков, ножей). Выявленное пространственное разделение керамики и каменного инвентаря указывает на функциональное зонирование жилища, вероятно, отражающее разделение хозяйственных задач. Преобладание среди орудий охотничьего вооружения (наконечников стрел) при отсутствии рыболовных грузил и малочисленности рыбьих костей в очаге свидетельствует о зимнем сезоне обитания с ориентацией на охоту как основное занятие. Предложенный метод KDE показал высокую эффективность для анализа структуры жилого пространства даже при неполной сохранности материала и может быть рекомендован для изучения как однослойных, так и многослойных памятников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Северное Зауралье, энеолит, пространственный анализ, планиграфия, оценка ядерной плотности (KDE), Python в археологии, структура жилого пространства

Для цитирования: Дубовцева Е. Н., Леонтьев А. А. Тепловые карты как инструмент пространственного анализа находок в раскопе на примере памятника эпохи энеолита Каквинские печи I // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 42–53. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-42-53.

Поступила в редакцию 07.05.2026
Принята к публикации 06.07.2026

© Дубовцева Е. Н., Леонтьев А. А., 2026

* Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования», рег. номер 124032100052-6.

UDC 902.2(470.5)"632" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-42-53

Elena N. Dubovtseva
Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0000-0003-3214-7173
E-mail: ket1980@yandex.ru

Arseniy Al. Leontiev
Specialized Educational and Research Center of the Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0009-0001-6607-4112
E-mail: stockvstoys@gmail.com

Heat Maps as a Tool for Spatial Analysis of Finds in an Excavation Trench: A Case Study of the Kakvinskiye Pechi I Eneolithic Site

ABSTRACT. Analyzing finds distribution within an excavation trench is a key step in the study of an archaeological site. At the current stage, the use of heat maps (Kernel Density Estimation — KDE) is a promising method for processing data from individual three-dimensional recording of a large number of artifacts. The article demonstrates the potential of this method using the example of the Kakvinskiye Pechi I Eneolithic settlement (Northern Trans-Urals). The object of the study is a semi-dugout dwelling covering an area of 28 sq. m with a recessed central hearth. A representative collection of pottery and stone tools (4,357 items) was recovered from the excavation. To visualize the density distribution of the artifacts, the authors developed original scripts in Python (seaborn, pandas) using a Gaussian kernel and an optimal smoothing parameter. The analysis of heat maps identified areas of concentration of stone tools and pottery within the dwelling: stone tools and production waste are localized south of the hearth, while pottery is concentrated in the northwestern part. This allowed the reconstruction of the functional structure of the living space: food preparation, repair and manufacture of stone tools (arrowheads, scrapers, knives) took place near the hearth. The identified spatial separation of pottery and stone tools indicates functional zoning of the dwelling, likely reflecting the division of household tasks. The predominance of hunting weapons (arrowheads) among the tools, combined with the absence of fishing weights and the small number of fish bones in the hearth, suggests a winter occupation season with hunting as the main activity. The proposed KDE method has proven highly effective for analyzing the structure of living space even when the material is not fully preserved, and can be recommended for the study of both single-layer and multilayered sites.

KEYWORDS: Northern Trans-Urals, Eneolithic, spatial analysis, planigraphy, Kernel Density Estimation (KDE), Python in archaeology, structure of living space

For citation: Dubovtseva E. N., Leontiev A. Al. [Heat Maps as a Tool for Spatial Analysis of Finds in an Excavation Trench: A Case Study of the Kakvinskiye Pechi I Eneolithic Site]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 42–53. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-42-53 (In Russian).

Received 7 May 2026
Accepted 6 July 2026

© 2026 The Authors

Введение

В изучении социального устройства, хозяйственных практик и повседневной жизни древних обществ ключевое место занимает выявление структуры жилого пространства. Важной методической задачей в этом направлении является объективное выявление функциональных зон поселений и жилищ на основе анализа пространственного распределения материальных остатков[1], что особенно сложно в условиях фрагментированности археологического источника и влияния различных факторов в процессе археологизации.

Концепция цифровой георахеологии (Digital Geoarchaeology) широко внедряется в полевые и аналитические археологические исследования[2].На современном этапе решение этой задачи в российских исследованиях связано с междисциплинарными исследованиями, высокоточными цифровыми методами фиксации культурных слоев и артефактов, а также автоматизацией статистических расчетов для реконструкции антропогенных ландшафтов и интерьеров[3]. Такие исследования в основном сосредоточены на картографировании, моделях расселения и поиске новых памятников с помощью анализа космоснимков и карт[4]. Значительно меньше примеров изучения жилого пространства с помощью цифровых методов[5]. Они основываются на анализе точечной планиграфии находок, методе связей, ремонтаже каменных орудий[6].

Исследователи сталкиваются с трудностями в объективном разграничении функциональных зон, что влияет на объективность интерпретации. Таким образом, несмотря на длительную историю вопроса, поиск эффективных методов разграничения функциональных зон внутри жилищ остается актуальной задачей, требующей внедрения новых приемов и алгоритмов анализа.

В качестве решения предлагается использовать метод оценки ядерной плотности (Kernel Density Estimation, далее — KDE). Этот непараметрический статистический метод, активно внедряемый в археологическую практику с начала 2000-х гг., позволяет преобразовать дискретные точечные данные о местоположении находок в непрерывную поверхность плотности, визуализирующую пространственную интенсивность распределения артефактов в виде тепловой карты, где увеличение плотности обозначено «горячими зонами». Полученная карта плотности становится вторичным объектом анализа — формализованной пространственной моделью, которая позволяет выявлять концентрации артефактов, скрытые объекты и предполагаемые зоны разной активности внутри жилища. Важно отметить, что любой археологический объект не дает полной информации о культуре оставившего его населения, так как часть артефактов утрачивается как в процессе жизнедеятельности, так и в процессе археологизации. В этих условиях скопления артефактов рассматриваются как результат направленной деятельности, и, следовательно, могут рассказать о функции различных локаций, изученных в раскопе.

Объектом для апробации методики служит энеолитическое жилище поселения Каквинские печи I, расположенное в Северном Зауралье. Этот памятник представляет собой редкий для региона пример однослойного и целостного жилищного комплекса, практически не затронутого инокультурными вмещениями, что делает его идеальным полигоном для микроуровневого пространственного анализа. Исследование внутренней организации постройки, распределения артефактов и функционального зонирования важно для реконструкции повседневной жизни древнего общества и понимания культурных процессов конца каменного века в слабо изученном Северном Зауралье.

---

[1] Hodder I., Orton C. Spatial Analysis in Archaeology. Cambridge; New York, 1976. 278 p.

[2] Digital Geoarchaeology: New Techniques for Interdisciplinary Human-Environmental Research / eds C. Siart, M. Forbriger, O. Bubenzer. Heidelberg, 2018.

[3] Коробов Д. С. Цифровая археология сегодня: достижения и проблемы // Историческая информатика. 2023. № 3 (45). С. 107–121.

[4] Костомаров В. М., Булакова Е. А. Нижнее Притоболье в эпоху бронзы: географические паттерны и культурные ареалы // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 2. С. 331–343; Закономерности пространственного расположения археологических объектов на территории Томской области / Зольников И. Д. [и др.]. // Российская археология. 2020. № 1. С. 22–31.

[5] Юдина Е. А. Структура жилого пространства // Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006. С. 40–46.

[6] Марченко Д. В. Становление и развитие планиграфических исследований в области археологии верхнего палеолита в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 7. С. 26–38.

Объект исследования

Поселение Каквинские печи I находится на территории ГО Карпинск в Свердловской области, на левом берегу р. Каква, в 0,85 км к ЮВ от центра п. Каквинские Печи, в 0,95 км к СЗ от автомобильного моста через южный рукав р. Каква (*см. цв. вклейку, рис. 11*).

Памятник открыт в 2007 г. в ходе разведки под руководством Б. А. Шакаева[7]. Поселение расположено на небольшом каменистом мысу, образованном р. Каква и ее старицей. Высота берега в этой точке составляет более 3 м от уреза воды. Разведочной группой ИИиА УрО РАН на левом высоком берегу старицы в лесу, примыкающем к мысу, были обнаружены четыре впадины — остатки древних жилищных конструкций (*см. цв. вклейку, рис. 12*). Одна из них, впадина 3, и послужила объектом исследования. Углубление округлой формы размером 4,5 х 4,5 м и глубиной 0,7 м было исследовано раскопом 1 площадью 48 кв. м под руководством Е. Н. Дубовцевой.

Изучены остатки древней полуземлянки прямоугольной формы со скругленными углами. Ее размер на верхнем уровне фиксации (гл. — 0,45 м)[8] составлял 5 х 5,6 м, размер котлована на уровне пола (гл. — 0,9 м) 3,6 х 3,4 м. Заполнение жилища представлено серо-коричневым суглинком. Вдоль стенок в пятнах рыжего и бордового прокала фиксировались углистые плашки — остатки деревянных конструкций, вероятно, жилище было оставлено в результате пожара. Котлован был углублен в материк на 0,4–0,5 м, который представлен светло-желтым суглинком и разборной скалой. Пол ровный, с небольшим углублением к центру, маркирован прокаленной красновато-углистой прослойкой суглинка. В центре жилища в виде линзы серой супеси с костной крошкой и пятнами прокала находился очаг размером 0,6 х 0,8 м. Под полом фиксировалась яма, заполненная желтой рыхлой супесью с углистыми плашками и пятнами прокала, ее размеры 2 х 2,5 м, глубина от уровня пола составила 0,5 м, последние очертания фиксировались на уровне 1,5 м, размеры на этой глубине 1,1 х 1 м. Ее назначение установить не удалось. Местонахождение выхода не было четко установлено в процессе раскопок, так как в направлении реки от котлована отходило несколько продолговатых углублений, содержащих угли и редкие находки. В 0,6 м от восточной стенки жилища зафиксирован внешний очаг.

Находки

В раскопе обнаружено 4357 находок, из них 1427 фрагментов керамики, 2918 изделий из камня, 12 кусков спекшейся почвы и охры. Кости представлены мелкими кальцинированными обломками. Большинство каменных артефактов представляют собой отходы производства каменных орудий — отщепы и чешуйки, пластины и сколы. Преобладают чешуйки и отщепы, пластины и микропластинки встречаются гораздо реже, большинство из них имеют неправильную форму (*рис. 1*). Орудийный набор представлен крупными рубящими орудиями, ножами, наконечниками стрел, скребками, остриями, отщепами с ретушью, сверлами (*рис. 2; рис. 3*). Основным сырьем служил темно-серый кремень с коричневой коркой, другие виды кремня использовались реже. Деревообрабатывающие орудия — топоры, тесла, стамески — изготовлены из кремнистого алевролита серого и зеленоватого цвета и зеленого сланца.

Фрагменты керамики как минимум от 18 сосудов (*рис. 3*), в основном мелкие и плохой сохранности. Только один сосуд (№ 9) залегал в развале, от него сохранилось 126 фрагментов. По количеству фрагментов его превосходят три сосуда (№ 1, 7 и 15), остальные емкости представлены скромнее, количество фрагментов колеблется от 3 до 91 (*рис. 4*). Вся посуда полуяйцевидной формы с округлым дном. Венчики без наплывов, с приостренным, скошенным внутрь краем. Толщина стенок 3–6 мм. Внешняя поверхность гладкая, в ряде случаев лощеная. Внутренняя поверхность заглажена гребенчатым штампом, в верхней части емкостей следы заглаживания штампом перекрыты лощением. Сосуды сильно фрагментированы, поэтому диаметр венчика и объем установить сложно. Можно лишь сказать, что большинство из них относится к средним емкостям.

---

[7] Шакаев Б. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Североуральского городского округа и городского округа Карпинск Свердловской области в 2008 г. // Архив Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области. Д. 145.

[8] Здесь и далее глубины указаны от условного 0.

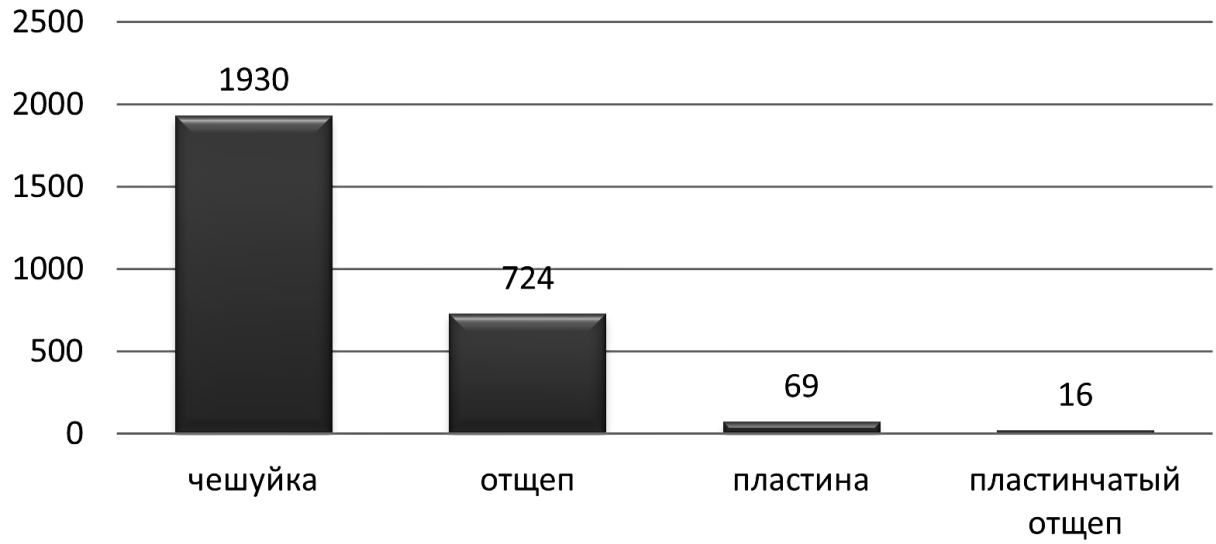

Рис. 1. Соотношение продуктов расщепления из раскопа 1 поселения Каквинские печи I
Fig. 1. Proportion of knapping products from Excavation Trench 1 at the Kakvinskiye Pechi I settlement

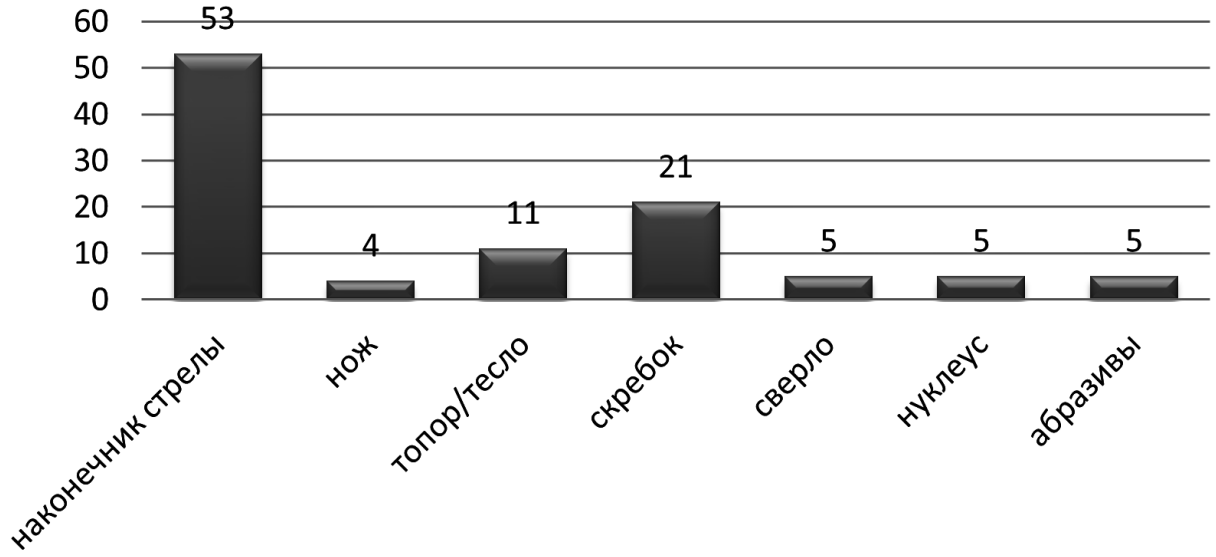

Рис. 2. Количество каменных орудий из раскопа 1 поселения Каквинские печи I
Fig. 2. Number of stone tools from Excavation Trench 1 at the Kakvinskiye Pechi I settlement

На части фрагментов есть нагар, что свидетельствует о том, что их использовали для приготовления пищи. Вся внешняя поверхность и венчик изнутри декорированы. Орнамент состоит из оттисков гребенчатого штампа. Использовались тонкие гребенчатые штампы, количество зубцов колеблется от 3 до 8. Преобладают прямоугольные и квадратные зубчики. Под венчиком с внешней стороны фиксируется один или два ряда некрупных наколов. Композиции построены по смешанному принципу: верхняя и нижняя часть тулова украшены монотонными горизонтальными рядами из наклонных оттисков гребенчатого штампа, средняя часть сосуда украшена вертикальными столбиками, наклонными лесенками и удлиненными треугольниками, которые чередуются с незаполненными зонами.

Особенности орнаментации и морфологии позволили соотнести посуду жилища 3 поселения Каквинские печи I с энеолитической посудой атымьинского типа, известного в бассейне р. Конды в IV тыс. до н. э. [9]

[9] Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита Севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. С. 189–214.

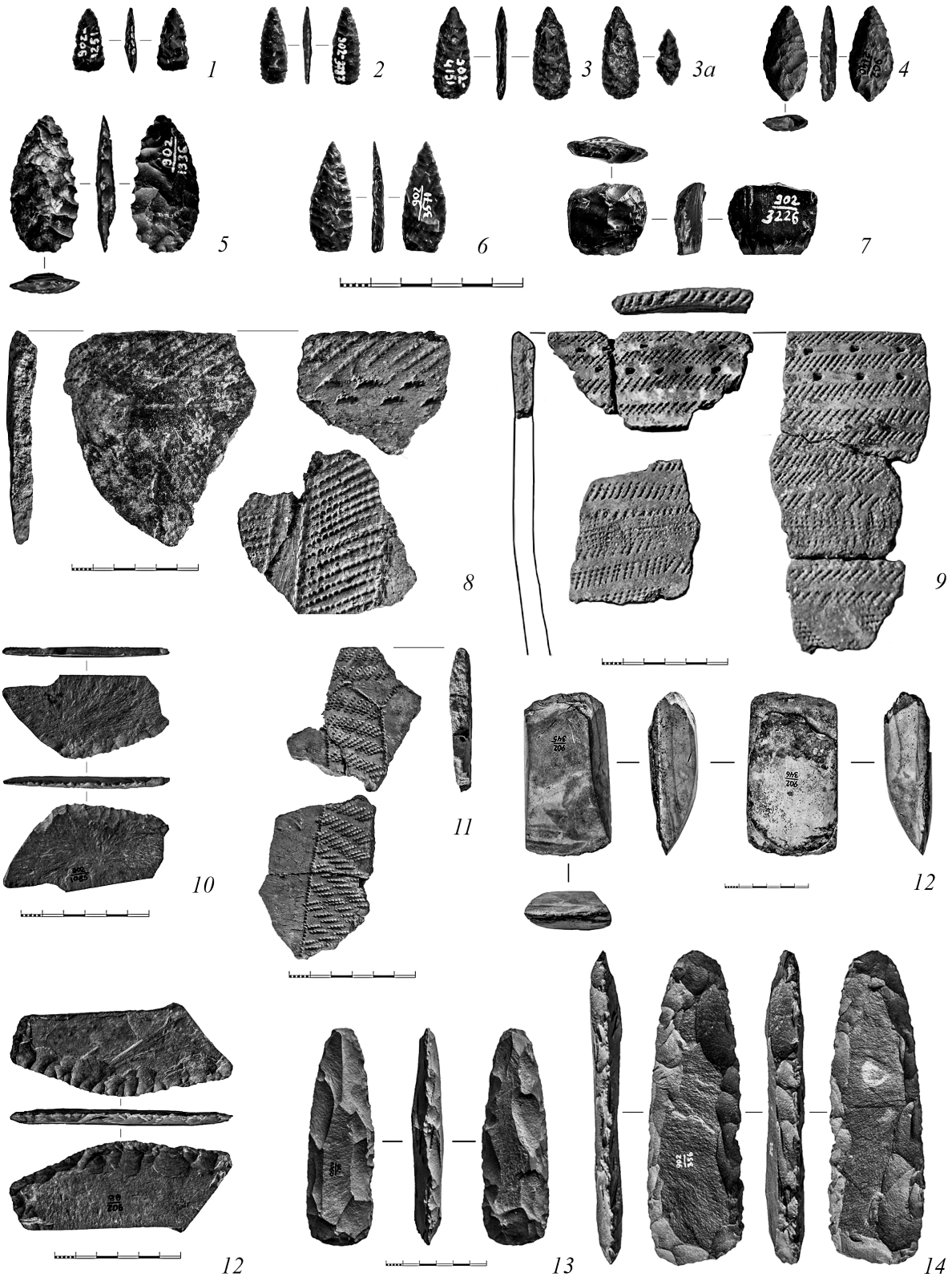

Рис. 3. Находки из раскопа поселения Каквинские печи I:
1–6 — наконечник стрелы; 7 — скребок; 8–9, 11 — фрагменты сосудов; 10, 13 — нож; 12, 14–15 — топор; 8–9, 11 — керамика, остальное — камень
Fig. 3. Finds from the excavation trench at the Kakvinskiye Pechi I settlement.
Note: 1–6 — arrowhead; 7 — scraper; 8–9, 11 — pottery fragments; 10, 13 — knife; 12, 14–15 — axe; 8–9, 11 — ceramics, the rest — stone

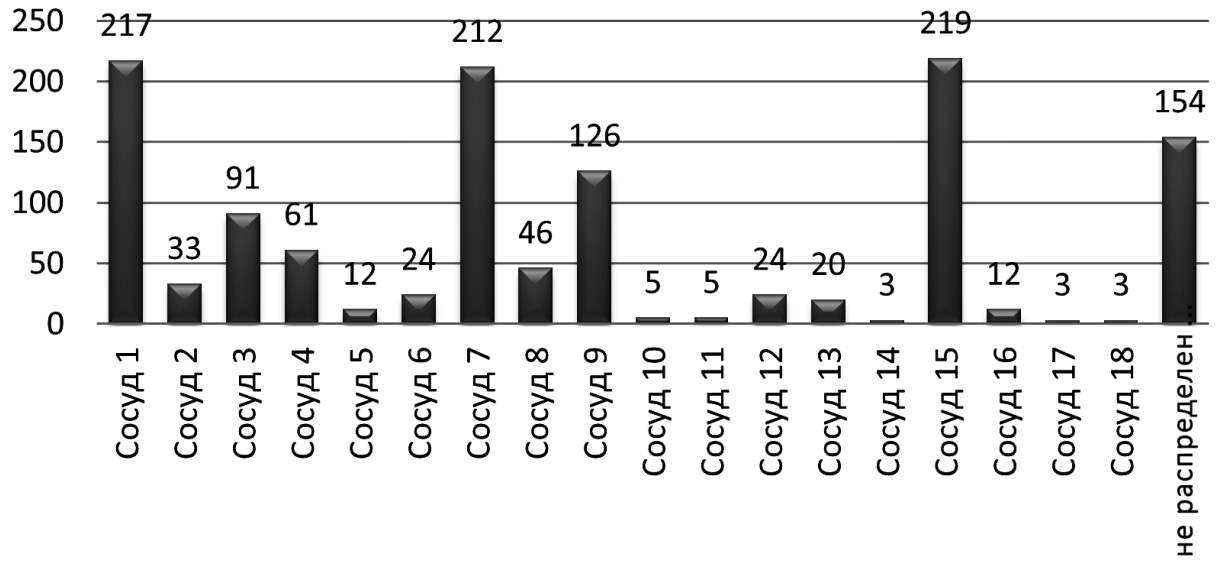

Рис. 4. Распределение фрагментов керамики поселения Каквинские печи I по сосудам
Fig. 4. Distribution of ceramic fragments by vessel at the Kakvinskiye Pechi I settlement

Методы

Большое количество находок с преобладанием отходов производства каменных орудий (чешуек и отщепов) поставило перед нами задачу машинного анализа распределения артефактов в раскопе. Гипотеза заключалась в том, что такой анализ позволит изучить структуру жилого пространства, выявить места скопления каменных орудий и отходов производства, а также фрагментов керамики от одного сосуда и, таким образом, приблизиться к пониманию образа жизни древних людей.

В качестве машинного анализа данных был выбран метод создания карты плотности находок с помощью ***оценки ядерной плотности*** (Kernel Density Estimation — KDE). Выбор данной методики обусловлен необходимостью перехода от дискретного описания координат отдельных артефактов к анализу непрерывных полей их концентрации. Согласно принципам разведочного анализа данных (Exploratory Data Analysis), подробно изложенным в работах М. Бакстера, применение непараметрических статистических процедур позволяет выявлять пространственные кластеры и скрытые структуры данных, невидимые при стандартном планиграфическом осмотре, минимизируя при этом субъективное влияние исследователя на интерпретацию границ скоплений[10].

При оценке ядерной плотности для каждой ячейки сетки вычисляют плотность находок (количество на единицу площади), при этом каждая точка «размывается» по заданному радиусу, создавая сглаженную поверхность. Таким образом, массив точечных данных (индивидуальные координаты находок) преобразуется в градиентную визуальную модель («тепловую карту»), где интенсивность цвета отражает плотность распределения объектов: «горячие зоны» (красные) — места интенсивной деятельности, а «холодные зоны» (синий цвет) — участки без находок. В отличие от плана находок, где каждый артефакт отмечен точкой, то есть является прямым отображением данных, карта плотности — продукт математических вычислений. По мнению Д. Уитли и М. Гиллингса, такой способ репрезентации является наиболее адекватным для анализа археологического пространства как активной среды человеческой деятельности и позволяет увидеть границы зон активности: возможные мастерские, места хранения утвари и складирования отходов[11].

[10] Baxter M. J. Statistics in Archaeology. London; New York, 2003. 270 p.
[11] Wheatley D., Gillings M. Spatial Technology and Archaeology: The Archaeological Applications of GIS. London; NewYork, 2002. 272 p.

Математическая реализация метода выполнена с помощью авторских скриптов на языке Python, использованы библиотеки seaborn и pandas. Пространственные паттерны распределения артефактов анализировались методом KDE. Применение стандартного гауссова ядра обеспечило получение гладкой и статистически устойчивой оценки плотности, пригодной для последующего анализа структуры внутреннего пространства жилища. Для построения моделей плотности использовалась функция kdeplot библиотеки Seaborn. Параметр сглаживания (bandwidth) был установлен на уровне 1 методом Scott, что позволило достичь оптимального баланса между детализацией локальных скоплений артефактов и общим визуальным восприятием структуры жилого пространства. Форма полученной тепловой карты соответствует форме раскопа, что позволяет сопоставить с ней очертания культурных слоев и планы находок. Плотность находок подсчитывалась на 1 кв. мм. Для облегчения работы одним из авторов был разработан простой интерфейс (*рис. 5*), где созданы окна для ввода данных (путь к файлу, координаты находок и раскопа, деление на горизонты, параметры секторов и критерии фильтрации). Использование авторской программы, а не стандартного программного обеспечения (QGIS или ArcGIS) позволило гибко настраивать параметры тепловой карты и отфильтровывать данные по нужным критериям: выделять типы артефактов, сырье каменных орудий, а также рассматривать находки на заданной глубине.

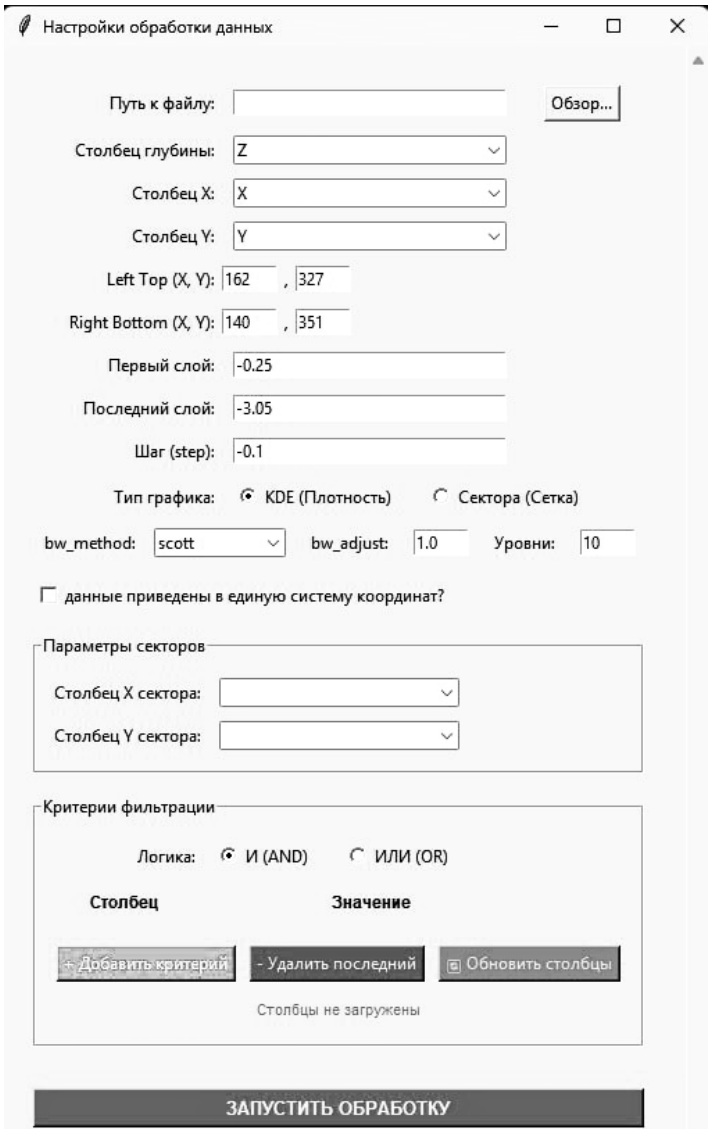

Рис. 5. Интерфейс программы
Fig. 5. Program interface

Наш опыт показал, что точность построения модели зависит от точности фиксации находок в процессе раскопок. Здесь следует сказать несколько слов о методике раскопок. Раскоп 1 площадью 48 кв. м был разбит по сторонам света и разделен на участки 1 х 1 м. Культурные напластования разбирались зачистками, фиксация очертаний производилась с помощью зарисовки и фотофиксации через 5–10 см. Производилась фотограмметрия очертаний жилища. Границы слоев и объектов вычерчены в программе очертаний объектов AutocadCivil. Индивидуальная трехмерная фиксация находок производилась с помощью рулетки и нивелира, всегда от СЗ угла квадрата, в котором был обнаружен артефакт. Данные о координатах и глубинах, характере слоя заносились на этикетку. Кроме того, весь грунт просеивался. Артефакты, найденные при просеве, также имеют привязку к квадрату и глубине.

Первичный анализ исходных данных показал, что требуется преобразование полевой описи в унифицированную базу данных. Данные о находке (тип, сырье, участок, координаты, глубина, слой и т. д.) необходимо было унифицировать, разделить параметры по колонкам для фильтрации, привести координаты к единой системе условных координат (пересчет был произведен от СЗ угла раскопа, глубины указаны от условного 0). Параллельно шла работа с коллекцией артефактов — уточнение типа каменного изделия и сырья, из которого он изготовлен; раскладка фрагментов керамики по сосудам; измерение размеров артефактов. Вся вновь поступающая информация заносилась в базу данных, на основе которой производились вычисления.

В результате было получено несколько десятков тепловых карт по различным критериям. Верификация графиков проводилась по планам и статистическим диаграммам распределения находок. Для отслеживания количественных показателей плотности находок справа от графика расположена цветовая шкала с цифровыми значениями. Для наглядности на тепловую карту можно наложить сетку раскопа и очертания культурных слоев (*см. цв. вклейку, рис. 13*). Сопоставление планов раскопа и тепловых карт позволяет верифицировать полевые наблюдения. Так, в процессе раскопок было выявлено несколько канавок с округлым дном, отходящих от котлована в сторону реки. Шлейф находок в сторону одной из них позволил подтвердить гипотезу о расположении выхода из жилища на этом месте, хотя по цветности этот объект не отличался от других (*см. цв. вклейку, рис. 12, 13*).

Результаты

На первом этапе мы создали карту плотности всех артефактов (*см. цв. вклейку, рис. 14*). Она показала, что в целом концентрация находок соотносится с очертаниями котлована и внешним очагом. С глубины –0,6 м находки концентрируются исключительно внутри котлована, их плотность увеличивается на порядок в придонной части и на полу жилища на гл. –0,8–1,0 м. Это соответствует статистическим наблюдениям (*рис. 6*).

На втором этапе мы сравнили плотность распределения керамики и каменных орудий (*см. цв. вклейку, рис. 15*). Плотность изделий из камня внутри жилища выше, чем плотность керамики. Каменные орудия и отходы их производства концентрируются южнее очага, вероятно, здесь было место изготовления и ремонта орудий. Небольшое скопление каменных орудий в правой части графика связано с внешним очагом. Интересно, что керамики рядом с этим очагом не обнаружено. Подавляющее большинство керамических фрагментов расположено внутри жилища. Здесь фиксируется несколько горячих зон, которые концентрируются в центральной части вокруг очага.

С чем связаны эти горячие зоны? Ответить на этот вопрос помогли тепловые карты плотности для отдельных сосудов. Наличие сосудов разной степени сохранности наводит на мысль о том, что жилище функционировало достаточно длительное время, за которое фрагменты разбившихся сосудов были утилизированы. Возможно также периодическое посещение жилища. Необходимость возвращаться могла быть связана с сезонным промыслом. Можно предположить, что сосуды, от которых сохранилось больше всего осколков, относятся к последнему эпизоду заселения. Распространение фрагментов эти сосудов (№ 1, 3, 7, 9, 15) было проанализировано.

Фрагменты сосудов концентрируются в разных локациях. Развал сосуда 7 был найден на участке Е/6-7 на гл. –0,82–0,86 м, на тепловой карте (*см. цв. вклейку, рис. 16 — В*) это место занимает красная зона. Исходя из этого, можно предположить, что и другие горячие (красные) зоны связаны с местом, где емкости были оставлены или разбиты. Распространение фраг-

ментов по глубине связано, на наш взгляд, с их перемещением уже после оставления жилища в результате природных процессов. А распространение по площади жилища может иметь другое объяснение. Возможно, после поломки сосуда его фрагменты были разнесены обитателями. Экспериментально подтверждено, что перенос фрагментов от места, где был разбит сосуд, может достигать нескольких метров, особенно в местах особой хозяйственной значимости (например, у очага)[12]. Согласно экспериментам по распределению фрагментов, можно реконструировать траектории перемещений и структурировать зоны проживания человека. Растаскивание фрагментов сосудов 3, 7, 9 имеет трек по линии СЗ — ЮВ, часть фрагментов обнаружена в канаве на уч. И-К/9-10, где зафиксирован выход.

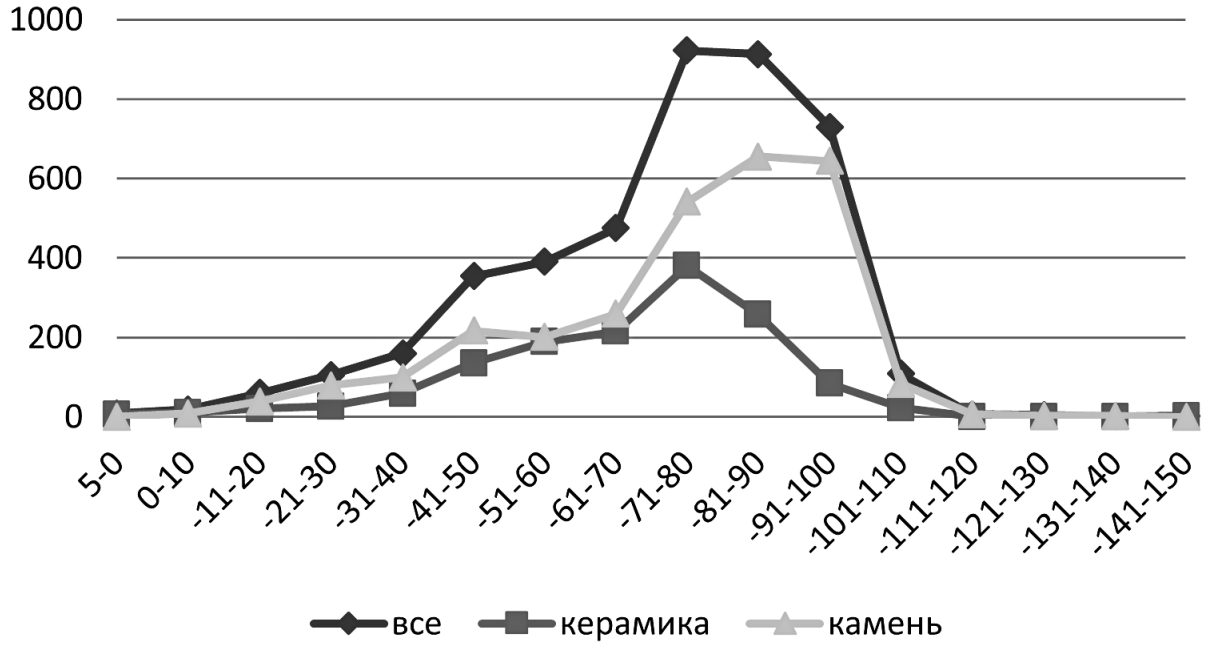

Рис. 6. Распределение находок поселения Каквинские печи I по глубинам
Fig. 6. Distribution of finds by depth at the Kakvinskiye Pechi I settlement

Исключение составляет сосуд 15. Наличие нескольких зон концентрации его обломков по площади раскопа, как внутри жилища, так и за его пределами, может свидетельствовать об ошибках при отнесении фрагментов к этой емкости, однако это предположение требует проверки.

В целом на графиках видно, что большинство зон максимальной плотности керамики связано с СЗ частью жилища. Вероятно, именно здесь располагалась кухонная зона.

Место концентрации каменных изделий, напротив, локализовано к югу от очага (*см. цв. вклейку, рис. 15* — А). В этой части высока плотность как отходов производства (чешуйки, отщепы), так и орудий (обломки наконечников стрел, скребки и др.). Как уже упоминалось, большинство каменных артефактов представлено чешуйками и мелкими отщепами — отходами производства ножей, наконечников стрел и скребков. На графиках плотности чешуек (*см. цв. вклейку, рис. 17* — А) видно несколько скоплений. Они относятся к разным глубинам. Скопление на гл –0,3–0,55 м связано с восточными участками у внешнего очага. Интересно, что с этим объектом не связаны орудия, за исключением двух наконечников стрел. Внутри жилища плотность чешуек возрастает на глубине –0,85–1,05 м (придонная часть и уровень пола жилища), они концентрируются на меньшей площади в виде трех пятен в очаге и вокруг него, что может указывать на то, что мастер менял свое местоположение или что одновременно работало несколько человек. Сравнение графиков плотности залегания чешуек, скребков и наконечников стрел показало, что красные зоны этих категорий находок частично перекрываются (*см. цв. вклейку, рис. 17* — А–Б).

[12] Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1996. С. 87–91.

Наконечники стрел и скребки имеют небольшую разницу в локализации. Возможно, скребки и сломанные наконечники стрел маркируют функциональную зону разделки животных и выделки шкур на участке Е-Ж/6-7. Концентрация наконечников стрел на уч. Ж/7, вероятно, связана с их изготовлением и ремонтом. Две функциональные зоны частично перекрываются.

Обсуждение результатов

Полученные результаты в совокупности с типологией орудийного комплекса позволяют сделать несколько предположений о предназначении жилища, сезонности обитания и структуре жилого пространства.

В орудийном наборе преобладают наконечники стрел и скребки, что наряду с отсутствием рыболовных грузил может указывать на то, что основной деятельностью обитателей жилища была охота. Изготовление орудий и их ремонт, приготовление пищи и выделка шкур происходили внутри жилища вокруг очага — единственного источника света и тепла, что, на наш взгляд, указывает на холодное время года. Внешний очаг, судя по небольшому количеству находок, отсутствию орудий и керамики вокруг него, использовался кратковременно. Кроме того, у нас нет бесспорных доказательств, что жилище и внешний очаг существовали одновременно.

Количество керамики — 18 сосудов — невелико для жилища с круглогодичным обитанием. На других энеолитических памятниках Зауралья количество керамики может превышать 100 сосудов[13]. Вместе с тем значительная разница в количестве фрагментов между сосудами (*рис. 3*) показывает, что одна часть посуды вышла из употребления раньше, чем другая. От старых сосудов остались единичные осколки. Это может указывать как на периодическую чистку жилого пространства от мусора, так и на перерывы в обитании. Пять сосудов, имеющих 100 и более фрагментов, видимо, относятся к последнему эпизоду обитания жилища. Большинство их частей осталось на том месте, где они разбились, наиболее справедливо это утверждение для сосуда № 7, который найден в развале. Концентрация сосудов в СЗ части жилища маркирует кухонную (женскую?) зону жилища, частично с ней пересекается зона повышенной плотности залегания скребков.

Концентрация наконечников стрел совпадает с пиками плотности чешуек и отщепов, локализована по другую сторону от очага и маркирует место производства каменных орудий (точок). На наш взгляд, важно отметить, что большинство наконечников стрел найдено в обломках. Зафиксированы сколы с рабочих краев скребков, один случай ремонтажа наконечника стрелы и отщепа, снятого с него. Таким образом, зафиксированный точок, на наш взгляд, является местом производства и ремонта каменных орудий. Плотность залегания других категорий орудий рассчитать невозможно ввиду их малочисленности (*рис. 2*).

Сопоставление тепловых карт распространения керамического и каменного материала показало, что обе категории находок располагались внутри жилища в разных локациях. Возможно, такая локализация отражает разделение жилища на мужскую и женскую части.

Заключение

Представленная работа является первым опытом применения тепловых карт плотности находок в раскопе для анализа жилищных комплексов эпохи энеолита в Зауралье. Этот метод позволяет визуализировать объекты, не выраженные в плане и профиле из-за особенностей состава и цветности почвы (в нашем случае таким образом выявлен выход), выявлять производственные площадки, анализировать распространение частей одной емкости в раскопе и даже верифицировать работу по распределению фрагментов по сосудам. На наш взгляд, метод построения тепловых карт с помощью оценки ядерной плотности является перспективным для анализа не только однослойных построек, но также многослойных памятников с не выраженными в слое объектами. Применение этого метода невозможно без использования трехмерной фиксации находок, четкой типологической атрибуции артефактов, анализа планиграфии и стратиграфии объекта. Существенным ограничением является количество анализируемого материала: чем меньше количество находок, тем ниже достоверность расчетов. Составление тепловых карт для категорий находок, насчитывающих меньше трех десятков предметов, нецелесообразно. Важным ограничением явля-

[13] Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. С. 79, 130, 165.

ется необходимость индивидуальной фиксации находок в поле. Это ограничение можно снять, если использовать метод кластеризации. Плотность находок в этом случае рассчитывается внутри ограниченного кластера, размер которого задается исследователем. Он может быть равен участку раскопа заданной величины. Это позволит анализировать материалы раскопок, где трехмерная фиксация находок не проводилась, что особенно актуально для музейных собраний.

References

Baxter M. J. *Statistics in Archaeology*. London: Arnold; New York: Oxford University Press, 2003. (In English).

Chairkina N. M. *Eneolit Srednego Zaural'ya* [Eneolithic of the Middle Trans-Urals]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2005. (In Russian).

Digital Geoarchaeology: New Techniques for Interdisciplinary Human-Environmental Research. Heidelberg: Springer, 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-25316-9 (In English).

Glushkov I. G. *Keramika kak istoricheskiy istochnik* [Ceramics as a Historical Source]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 1996. (In Russian).

Hodder I., Orton C. *Spatial Analysis in Archaeology*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976. (In English).

Koksharov S. F. *Pamyatniki eneolita Severa Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic Sites of the North of Western Siberia]. Ekaterinburg: Izd-vo NPMP "Volot" Publ., 2009. EDN: QPNCET. (In Russian).

Korobov D. S. [Digital Archaeology Today: Achievements and Challenges]. *Istoricheskaya informatika* [Historical informatics], 2023, no. 3 (45), pp. 107–121. EDN: XIBIVP. DOI: 10.7256/2585-7797.2023.3.44036 (In Russian).

Kostomarov V. M., Bulakova E. A. [Lower Tobol Region in the Bronze Age: Geographical Patterns and Cultural Areas]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 331–343. EDN: TPLZDU. DOI: 10.31833/uav/2023.23.2.011 (In Russian).

Marchenko D. V. [Development of Planigraphic Studies in Archaeology in Russia (Upper Paleolithic)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2017, vol. 16, no. 7, pp. 26–38. EDN: YNSGPB. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-7-26-38 (In Russian).

Wheatley D., Gillings M. *Spatial Technology and Archaeology: The Archaeological Applications of GIS*. London; New York: Taylor & Francis, 2002. DOI: 10.4324/9780203302392 (In English).

Yudina E. A. [Structure of Residential Space]. *Poseleniye Bystryy Kul'yogan 66: pamyatnik epokhi neolita Surgutskogo Priob'ya* [The Bystry Kulyogan 66 Settlement: Neolithic Site of the Surgut Ob Region]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoye izd-vo Publ., 2006, pp. 40–46. (In Russian).

Zolnikov I. D., Nikulina A. V., Pavlenok K. K., Vybornov A. V., Postnov A. V., Bychkov D. A., Glushkova N. V. [Regularities in the Spatial Location of Archaeological Objects in Tomsk Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2020, no. 1, pp. 22–31. EDN: BONPRY. DOI: 10.31857/S086960630008251-5 (In Russian).

УДК 94(399.7): 004.94 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-54-77

Сафронов Александр Владимирович
к. и. н., доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)
ORCID: 0000-0002-2121-1136
E-mail: alexsafronov@bk.ru

Территориально-политическая организация и общинные объединения древних майя в долине Лаканхи в поздний классический период (методика ГИС-реконструкции)*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию территориально-политической организации древних майя позднего классического периода на основе применения ГИС-подхода. Главным объектом исследования является царство Шукальнах, сложившееся в VI в. долине Лаканхи (Чиапас, Мексика) с центрами в археологических памятниках Бонампак и Лаканха. Реконструкция общей территории царства и определение элементов его внутренней организационной структуры строится на основе письменных источников и анализе распределения археологических памятников долины Лаканхи. В рамках исследования применяется 4-уровневая поселенческая модель, принятая современной историографией, характерная для раннего государства майя, но в комплексе с данными физической географии. Особое место в работе занимает анализ роли общинных объединений в структуре политии майя. В результате исследования было определено, что царство Шукальнах в период своего расцвета VII–VIII вв. занимало площадь порядка 700–800 км^2. Его территория формировалась на основе ядра вокруг двух городских центров с высокой плотностью населения, которое было распределено по 12 общинным объединениям. С VI в. в царстве начала складываться периферия, представленная 8 небольшими областями площадью порядка 50–100 км^2, управлявшихся князьями, а позже наместниками сахалями. Таким образом, Шукальнах представлял собой царство среднего уровня со сложной организационной структурой, по большей части зависимое от могущественных соседей (Пачан, Сакц'и, Йокиб), но обладавшее и своей сферой влияния в долине Лаканхи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древние майя, долина Лаканхи, Лакандонская сельва, раннее государство, поселенческая археология, эпиграфика, ГИС

Для цитирования: Сафронов А. В. Территориально-политическая организация и общинные объединения древних майя в долине Лаканхи в поздний классический период (методика ГИС-реконструкции) // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 54–77. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-54-77.

Поступила в редакцию 08.05.2026
Принята к публикации 06.07.2026

© Сафронов А. В., 2026

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 28-25-00652 «Община в цивилизационных моделях древнего Ближнего Востока и Мезоамерики: генезис, структура, региональное своеобразие»: https://rscf.ru/project/25-28-00652.

UDC 94(399.7): 004.94 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-54-77

Alexander V. Safronov
Candidate of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)
ORCID: 0000-0002-2121-1136
E-mail: alexsafronov@bk.ru

Ancient Maya Territorial and Political Organization in the Lacanha Valley in the Late Classic. A GIS Reconstruction

ABSTRACT. The article examines the territorial and political organization of the ancient Maya of the Late Classic period based on the GIS approach. The main object of the study is the Xukalnaah Kingdom, which developed in the 6th century in Lacanha Valley (Chiapas, Mexico) with centers in the archaeological sites of Bonampak and Lacanha. The reconstruction of the kingdom's territory and the identification of the elements of its internal organizational structure are based on epigraphic sources and an analysis of the distribution of archaeological sites in the Lakanha Valley. The study employs 4-level settlement patterns model adopted in contemporary historiography and characteristic of the early Maya state, but combined with physical geography data. A particular focus of this work is the analysis of the role of community associations within the Maya polity's structure. The research concluded that, at the height of its power in the 7th–8th centuries, the Xukalnaah Kingdom covered an area of around 700–800 km². Its territory was formed around a core comprising two densely populated urban centers with 12 local community associations. From the 6th century onwards, a periphery began to take shape within the kingdom, comprising eight small regions covering an area of around 50–100 km², which were governed by local lords and later by sajals (governors). Thus, Xukalnaah was a mid-level kingdom with a complex organizational structure, largely dependent on its powerful neighbors (Pachan, Saktz'i, Yokib), but which also had its own sphere of influence in the Lakanha Valley.

KEYWORDS: ancient Maya, Lacanha Valley, Lacandon selva, early state, settlement archaeology, epigraphy, GIS

For citation: Safronov A. V. [Ancient Maya Territorial and Political Organization in the Lacanha Valley in the Late Classic. A GIS Reconstruction]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 54–77. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-54-77 (In Russian).

Received 8 May 2026
Accepted 6 July 2026

© 2026 The Author

Введение

Исследование исторической географии древних майя классического периода (III–IX вв.) является одним из весьма актуальных и активно развивающихся последние четверть века направлений в современной майянистике, и это связано с несколькими важными факторами. Во-первых, с успехами в изучении иероглифических надписей майя на рубеже XX–XXI вв., а также реконструкции династической истории древних майя классического периода, которая включает около сотни царств — ранних государств разного масштаба и уровня политического влияния. Во-вторых, с развитием археологии зоны майя в конце XX в., которое определило повсеместный переход от исследования отдельных крупных памятников к широким региональным проектам, что дало обширный материал по поселенческой структуре общности древних майя. Кроме того, в последнее десятилетие в региональных проектах стали активно применяться новейшие методы дистанционного зондирования, в частности LiDAR-съемка, позволяющая получить подробнейшие данные по локализации археологических объектов на обширных площадях под покровом тропической растительности, характерной для зоны майя[1]. И наконец, в-третьих, с начала XXI в. в исследование исторической географии майя внедряются геоинформационные системы (ГИС), дающие возможность анализа данных письменных и археологических источников в комплексе с рельефом местности[2]. В связи с этим традиционные методы пространственного анализа области майя (концепция Центрального места, полигоны Тиссена (диаграммы Вороного), определивших наше представление о территориально-политической организации региона к началу 2000-х гг., требуют основательного пересмотра[3]. В данном исследовании мы ставим цель продемонстрировать возможности современного ГИС-подхода, основанного на комплексном анализе разнотипных источников, систематизировать методику применения подхода в реконструкции территориально-политической организации майя и выявить конкретные результаты в моделировании границ и внутренней структуры отдельной политии древних майя классического периода.

Фокус нашего исследования будет сосредоточен вокруг долины реки Лаканха — одном из важных районов политической жизни майя в поздний классический период (VII–VIII вв.), известной по многочисленным эпиграфическим памятникам. В долине Лаканхи последние четверть века ведутся систематические археологические исследования, давшие представление о поселенческой структуре области, однако зона исследования пока охватывает лишь небольшую территорию, поэтому данная часть региона майя обладает высокими перспективами для дальнейшего изучения.

Долина реки Лаканхи расположена на востоке штата Чиапас (Мексика) (*рис. 1*), в юго-восточной части обширного бассейна Усумасинты, находящегося на западе Центральных низменностей майя (Западный регион). Лаканха является левым притоком реки Лакантун, одного из истоков Усумасинты, и протекает по обширной долине, вытянутой с северо-запада на юго-восток, ограниченной с северо-востока горными грядами Сьерра-Гираль и Сьерра-Кохолита, а на юго-западе горной грядой Сьерра-Халапа. На этой обширной территории также расположена группа небольших речных долин в предгорьях Чиапасского нагорья (Агиляр, Сан-Педро, Цендалес и Негро), которые вместе с долиной Лаканхи в настоящее время объединяют под общим названием «Лакандонская сельва» (или «природный заповедник Монтес-Асулес»), под которым понимается историко-географическая область зоны майя[4].

В долине Лаканхи в классический период сформировалось несколько средних и малых царств майя, их династическая история неплохо прослеживается по письменным источникам, среди которых много монументов неизвестного происхождения, чья археологическая атрибуция

[1] Reanalyzing environmental lidar data for archaeology: Mesoamerican applications and implications / Golden C. [et al.] // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016. Vol. 9. P. 293–308.

[2] Anaya A. Site Interaction and Political Geography in the Upper Usumasinta Region during the Late Classic: A GIS Approach // BAR International Series 994. Oxford, 2001.

[3] Сафронов А. В. Методы пространственного анализа ГИС в исследовании структуры раннего государства древних майя // Археология и геоинформатика. М., 2012. Вып. 7. URL: https://archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-7/index.html (дата обращения: 10.11.2025).

[4] Ekholm S. Aspectos arqueológicos de la Reserva de la Biósfera Montes Azules // Reserva de la Biósfera Montes Azules, Selva Lacandona. Mexico, 1992. № 1. P. 253–265.

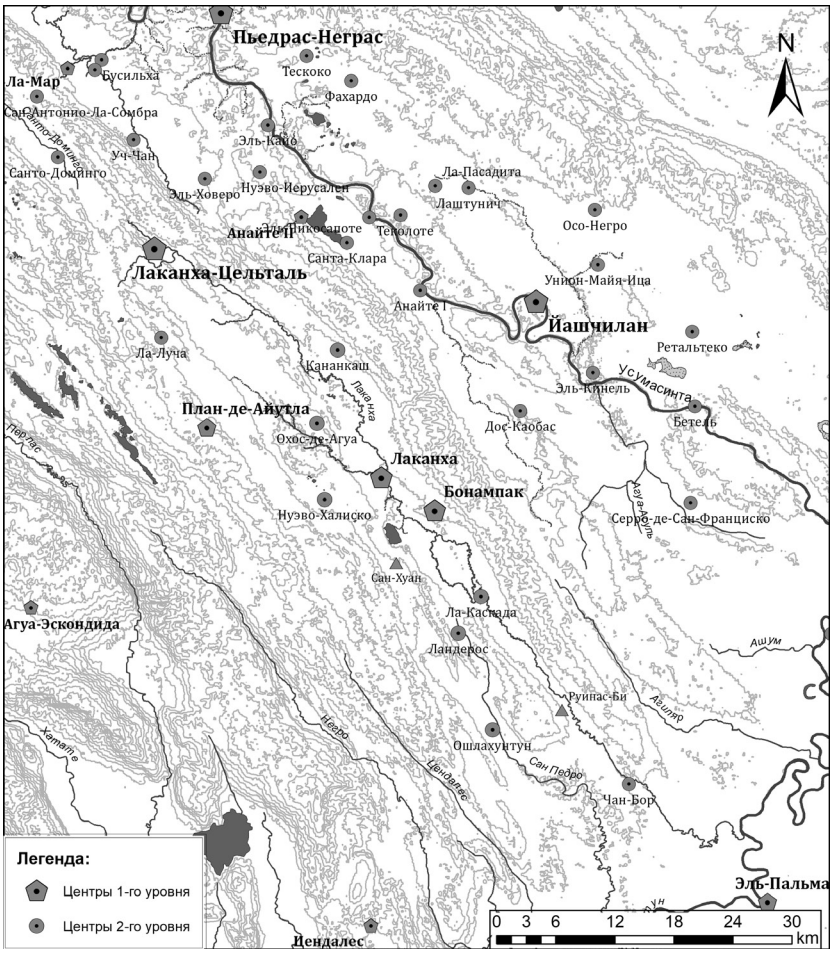

Рис. 1. Область Верхней Усумасинты и долина Лаканхи (составлено А. В. Сафроновым)
Fig. 1. The Upper Usumacinta region and the Lacanha Valley (compiled by A. V. Safronov)

не определена[5]. Важнейшей политией майя в данной области в период VI–VIII вв. являлось царство Шукальнах, центр которого располагался в археологических памятниках Лаканха и Бонампак[6], локализуемых в средней части долины. Бонампак является одним из первых археологических памятников, обнаруженных в долине Лаканхи в 1946 г., и известен благодаря сохранившимся в одном из храмов полихромным настенным росписям конца VIII в., изображающим батальную и ритуальные сцены[7]. Также в долине Лаканхи известны царства Ак'е, со столицей, предположительно, в археологическом памятнике План-де-Айутла на северном склоне гряды Сьерра-Халапа, и достаточно могущественное царство Сакц'и у истоков реки Лаканха, чей центр был недавно локализован в городище Лаканха-Цельталь[8].

Династическая история царства Шукальнах

Династическая история Шукальнаха к настоящему времени исследована достаточно хорошо и представлена в серии публикаций рубежа XX–XXI вв., поэтому мы отметим лишь ее основные вехи и наиболее важные события. Изучение истории долины Лаканхи началось в 1980-х гг., когда австралийский эпиграфист Питер Мэтьюз опубликовал статью, посвященную анализу

[5] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и: проблема реконструкции династических списков древних майя классического периода по материалам эпиграфики // Эпиграфика Востока. 2021. Т. 36, № 3. С. 153.

[6] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Ак'е и Шукальнах: история и политическая география государств майя бассейна Верхней Усумасинты // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. М., 2004. Вып. 6. С. 133.

[7] Blom F., Duby G. La selva lacandona. Mexico, 1957. Vol. 2. P. 137–138.

[8] Centering the Classic Maya Kingdom of Sak Tz'i' / Golden C. [et al.]. // Journal of Field Archaeology. 2019. Vol. 45, № 2. P. 67–85.

царских надписей на монументах из Бонампака, в которой выделил имена царей VIII в.[9] Также Мэтьюз определил в надписях т. н. «эмблемный иероглиф»[10] Бонампака, позже прочитанный как **ʾa-k'e-ʾAJAW**, *ʾAk'eʾ ʾajaw* — «царь Ак'е», встречающийся в надписях региона с VI в. и являвшийся, по его мнению, основным титулом царей Бонампака[11]. Но он указал и на существование второго титула, который ассоциировался с городищем Лаканха[12] и в начале 2000-х гг. был прочитан как **xu-ka-la-NAAH-ʾAJAW**, *Xukalnaah ʾajaw* — «царь Шукальнаха»[13]. Таким образом, он обозначил схему политических связей в долине Лаканхи, легшей в основу последующей реконструкции территориальной организации области Верхней Усумасинты мексиканского специалиста Армандо Анайи, впервые применившего ГИС-подход в исследовании исторической географии майя[14]. Чуть ранее, в 1997 г., мексиканский исследователь Альфонсо Арельяно составил первый полный династический список царей Бонампака, показав, что династическая традиция долины Лаканхи сформировалась еще в V в.[15] Однако он также придерживался идеи П. Мэтьюза, ассоциировавшего Бонампак с царством Ак'е, а его чтения царских имен вызывают массу нареканий.

На следующем этапе, в 2004 г., российские специалисты Д. Д. Беляев и А. В. Сафронов опубликовали совместное исследование по реконструкции политической истории области Лакандонской сельвы, в котором они опровергли схему П. Мэтьюза и определили, что Лаканха (до конца VI в.) и Бонампак (с начала VII в.) являлись двумя столицами царства Шукальнах, а также предположили, что столицей Ак'е являлся обнаруженный в начале 2000-х гг. крупный памятник План-де-Айутла[16]. В начале 2000-х гг. в рамках дискуссии о политической географии долины Лаканхи План-де-Айутла был ассоциирован Питером Биро с царством Сакц'и[17], но открытие в 2018 г. археологического памятника Лаканха-Цельталь, где были найдены монументы царей Сакц'и, отчасти сняло вопрос о локализации Ак'е[18].

Точное время появления царской династии Шукальнаха неизвестно, вероятно, это произошло на рубеже V–VI вв. Наиболее раннее упоминание «эмблемного иероглифа» Шукальнаха датируется 564 г., когда некий К'ан-Ток-Лук из Шукальнаха был захвачен в плен царем Пачана, одного из наиболее крупных царств региона с центром в археологическом памятнике Йашчилан. Первый царский монумент Шукальнаха — Стела 7 из Лаканхи[19], датируемый 594 г.[20], на которой изображен царь в боевом облачении теотиуаканского типа в шлеме-*ко'хав*[21] и с прямоугольным щитом, с предполагаемым именем *ʾAj Witz*'… — Ах-Виц'-…[22], воцарившийся в 554 г. Причем в тексте упомянут его отец, условно именуемый «Узлоглазый Ягуар» I («*Knot-Eye*» *Jaguar* в зарубежной историографии), царствовавший до 554 г. Этим же временем датируется и Стела 1 из Охос-де-Агуа — небольшого археологического памятника в 9 км к северо-западу от Лаканхи, установленная в 588 г. князем … ин-Патом, который совершил ритуал в «земле царя Шукальнаха», по всей видимости, он являлся вассалом Ах-Виц'а-…[23], Охос-де-Агуа может быть определено как княжество в составе Шукальнаха.

---

[9] Mathews P. Notes on the Dynastic Sequence of Bonampak, Part 1 // Third Palenque Round Table, 1978. Austin; London, 1980. Part 2. P. 60–73.

[10] Царский титул майя, уникальный для каждого царства, включающий топоним, связанный с местом происхождения династии (прим. авт.).

[11] Mathews P. Op. cit. 1980. P. 60–61; Idem. The Emblem Glyph of Bonampak, Chiapas, Mexico // Texas Notes on Precolumbian Art, Writing, and Culture. 1993. № 44. P. 2–3.

[12] Mathews P. Notes on the Dynastic Sequence… P. 61, 64, 68–70.

[13] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Указ. соч. С. 119. А. В. Токовинин предложил альтернативное чтение топонима: tz'i-ka-la-NAH, *Tz'ikalnaah* (см.: Tokovinine A. Place and Identity in Classic Maya Narratives. Washington, 2013. P. 82–84). Впрочем, этимология топонима до сих пор неясна.

[14] Anaya A. Op. cit. P. 49–50.

[15] Arellano A. Dialogo con los abuelos // La pintura mural prehispanica en Mexico: Area maya, Bonampak. Mexico, 1998. T. 2. P. 290.

[16] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Указ. соч. С. 132–135.

[17] Martos López L. A. The Discovery of Plan de Ayutla, Mexico // Maya Archaeology 1. San Francisco, 2009. P. 73–74.

[18] Centering the Classic Maya… P. 14–16.

[19] Стела была обнаружена в 1947 г. Павоном Абро в Лаканхе, однако впоследствии пострадала от грабителей, которые распилили монумент на несколько частей и вывезли крупные фрагменты с городища (In: Blom F., Duby G. Op. cit. P. 149–150).

[20] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 156–157.

[21] *Кохав* — мозаичный шлем теотиуаканского типа, символ военно-политической власти царей майя (прим. авт.).

[22] Сафронов А. В. Иероглифическая надпись майя на Стеле 1 из Охос-де-Агуа // GRAPHOSPHAERA: Письмо и письменные практики. 2025. Т. 5, № 2. С. 37.

[23] Там же. С. 35–37.

Затем в царских надписях фигурирует царь Шукальнаха Йахав-Чан-Муван I, взошедший на трон в 600 г. в месте, называемом Усихвиц[24], то есть в Бонампаке, куда он перенес свою резиденцию из Лаканхи. Его жена, Иш-К'ан-Ток-Са…, происходила из соседнего царства Ак'е — ее отец, …-Муван, назван «священным царь Ак'е»[25]. Йахав-Чан-Муван I правил всего 5 лет, и ему унаследовал сын Ах-…ль-Наль, который в 610–611 гг. участвовал во внутридинастическом конфликте в Шукальнахе и вынужден был обратиться за поддержкой к царю Пачана[26]. Затем известно о воцарении Ах-Нак'ея в 631 г., который также борется за власть и окончательно получает ее в 633 г.[27], скорее всего, он царствовал до 642 г. Следующий виток династического конфликта случился уже в 642 г. при участии некоего «флотоводца из Саклакаля», который вторгся в Пачан. После этого в мае 643 г. с санкции пачанского царя Йашун-Балама III был коронован новый царь Шукальнаха Винакхаб-Тоок'. Хотя через четыре года, в декабре 647 г., он бежал из Усихвица, но вскоре вернулся в свою столицу и окончательно закрепился на троне в феврале 648 г.[28]

В середине VII в. Шукальнах был зависим от могущественного царства Йокиб, в 658 г. четыре шукальнахских князя участвуют в ритуале «взятия ко'хава» йокибским царем Ицам-К'ан-Аком III, это некий флотоводец Чаналь-Чак-Чиво, князь из Саклакаля Ах-Чак-Холь, князь из Бубульхи Йич'ак-Пат и князь из Патальака …-К'ин[29], впрочем, полузависимые князья могли вести и самостоятельную внешнеполитическую деятельность, поскольку сам шукальнахский царь там не присутствует[30]. История Шукальнаха 2-й пол. VII в. совершенно не отражена в письменных источниках, но на рубеже VII–VIII вв. в долине Лаканхи доминирует царство Сакц'и, которое в 693 г. впервые завоевало Ак'е и около 719 г. окончательно его покорило на два десятилетия. Скорее всего, в это время Шукальнах вошел в сферу влияния Сакц'и, поскольку следующий известный царь Йахавте-К'инич-Чак-Чих в 726 г. назван вассалом царя Сакц'и К'аб-Чанте III[31]. А в 729 г. происходит война между Пачаном и Шукальнахом, когда был пленен Ах-Пополь-Чай-Ах-Пайаль-Мо, царь или князь Шукальнаха[32], что еще раз подтверждает переход Шукальнаха под власть другого сюзерена.

Далее в надписях фигурирует царь «Узлоглазый Ягуар» II, родившийся в 728 г. и занявший трон Шукальнаха в 737 г. по «повелению царя Сакц'и К'аб-Чанте III».[33] Он связан с княжеской династией Паталя — то же место, откуда происходил участник церемонии в Йокибе в 658 г.[34] В 746 г. его сахаль Ах-Сак-Телес, который управлял в городе Шукальнах (Лаканха), называет своего владыку двойным царским титулом «царь Ак'е, царь Шукальнаха»[35], что можно объяснить смертью К'аб-Чанте' III в 740 г.[36] и утерей царями Сакц'и контроля над царством Ак'е. «Узлоглазый Ягуар» II правил до 748 г., когда потерпел поражение в борьбе за трон от Ах-Сак-Телеса[37], который поддерживался Пачаном. Подробности царствования Ах-Сак-Телеса неизвестны, но после его смерти в 776 г. на трон взошел сын Йахав-Чан-Муван II. Его военный союз с царем Пачана, скрепленный династическим браком с пачанской царевной Иш-Йаш-Чит-Хун-Виник-Нах-Кан[38], позволил одержать грандиозную победу над царем Сакц'и Йехте'-К'иничем в начале 787 г.[39], в честь которой

---

[24] Stuart D. Bonampak's Place Name // Maya Decipherment. 2008. URL: https://mayadecipherment.com/2008/03/16/bonampaks-place-name/ (дата обращения: 10.03.2026).
[25] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Указ. соч. С. 124.
[26] Там же. С. 122–123.
[27] Spetzler Ch. A Reconsideration of T1736 as the Numeral Six // The PARI Journal. 2025. Vol. 25, № 4. P. 13–14.
[28] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 158.
[29] Сафронов А. В. Местные элиты в ранговой структуре и административном управлении царств майя Западного региона в поздний классический период // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 5. С. 119–120.
[30] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Династическая история Йокиба во 2-й половине VIII в. // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 538–540.
[31] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Ак'е и Шукальнах: история… С. 124.
[32] Сафронов. А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 160.
[33] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Ак'е и Шукальнах: история… С. 124.
[34] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 160.
[35] Сафронов А. В. Двойной «эмблемный иероглиф» в иероглифических надписях майя // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. М., 2005. Вып. 7. С. 177–178.
[36] Centering the Classic Maya… P. 12–14.
[37] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 160–161.
[38] Там же. С. 161–162.
[39] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Ак'е и Шукальнах: история… С. 124.

в 791 г. в Усихвице был возведен парадно-храмовый комплекс с настенными росписями[40]. На росписях, предположительно, записана и последняя дата, связанная с историей Шукальнаха, относящаяся к 805 г. В начале IX в. сведения о шукальнахских царях исчезают, а царство распадается.

География и структура царства Шукальнах в VII–VIII вв.

Данные по древней топонимике и локализации археологических памятников в долине Лаканхи позволяют утверждать, что в поздний классический период (VII–VIII вв.) царство Шукальнах включало в себя несколько областей, управлявшихся либо князьями, либо (с начала VIII в.) сахалями. Нам известны: ранняя столица Шукальнах (*Xukalnaah*), поздняя столица Усихвиц (*ʾUsiijwitz*), локальные владения Бубульха (*Bʾubʾulhaʾ*), Саклакаль (*Saklakal*) и Паталь(ак) (*Patal(aak)*). При этом северо-западную часть долины Лаканхи занимало царство *Ак'е,* ассоциируемое нами с археологическим памятником План-де-Айутла, но, несмотря на объединение обоих царств в конце VIII в., изначально это были две самостоятельные территории, а граница между Ак'е и Шукальнахом должна была проходить приблизительно по линии археологических памятников Кананкаш — Охос-де-Агуа — Нуэво-Халиско.

Нет сомнений, что археологический памятник Лаканха являлся ранним политическим центром царства и местом первой резиденции династии, собственно, в древности он носил название *Xukalnaah* — «Дом…?». В середине VIII в. местный сахаль (наместник) Ах-Сак-Телес, управлявший Лаканхой, называл себя «человеком из Шукальнаха»[41]. Именно этот топоним в ранний классический период (в начале VI в.) был включен в «эмблемный иероглиф» местной династии. В древности Лаканха являлась небольшим городским центром, чье ядро включает в себя несколько архитектурных групп, расположенных на вершинах невысоких холмов, и занимает площадь приблизительно 20 га; впервые было задокументировано Францом Бломом при первичном обследовании памятника в 1948 г.[42] В начале 2000-х гг. руководитель регионального археологического проекта Бонампака мексиканский археолог Алехандро Товалин определил общую площадь жилой застройки Лаканхи в 80 га[43], он также показал, что развитие города продолжалось до начала IX в.

Бонампак, древнее название *Usiijwitz* — «Холм грифов», был основан на левом берегу Лаканхи, близ юго-западного склона Сьерра-Кохолита, при этом главный акрополь устроен на склоне небольшой естественной возвышенности и поднимается над центральной площадью на 15 м, образуя архитектурное ядро города. Несмотря на статус главного политического центра Шукальнаха в течение двух веков, площадь города к концу VIII в. оказалась несколько меньше Лаканхи, главная архитектурная группа и жилая застройка с дисперсным расположением домохозяйств разного ранга занимают территорию порядка 35 га. Это еще раз подтверждает, что даже после переноса царской резиденции Лаканха продолжала развиваться, как один из главных городских центров Шукальнаха, в частности, там еще какое-то время продолжалась традиция установки царских монументов. Надпись на малоизвестной Стеле 6, обнаруженной в Лаканхе в 1945 г., начинается с юбилейной даты, предположительно относящейся к 623 г.[44] Впрочем, судя по исследованию округи Бонампака, проведенному А. Товалином, там в поздний классический период сложилась обширная агломерация, состоявшая из нескольких общинных групп, занимающая площадь порядка 12 км^2 [45].

Локализация других топонимов, выделенных в надписях, достаточно дискуссионна, тем не менее Д. Д. Беляев и А. В. Сафронов сделали предположение, что древним топонимом Охос-де-Агуа является *Bʾubʾulhaʾ* — «Бурлящая вода»[46], известная по нескольким текстам середины

[40] Martin S., Grube N. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. London, 2008. P. 135–136.

[41] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 161.

[42] Blom F., Duby G. Op. cit. P. 149–161.

[43] Tovalin A., Ortiz V. M., Corrales F. Sitio arqueólogico Lacanhá, municipio de Ocosingo, Chiapas. Primeros resultados de campo // Los Investigadores de la Cultura Maya 14. Campeche, 2006. T. 1. P. 289.

[44] Blom F., Duby G. Op. cit. P. 175.

[45] Tovalín A. Organización social de Bonampak a tráves de patrón de asentamiento. Tuxtla Gutiérrez, Chiapas, 2019.

[46] Топоним *Bʾubʾulhaʾ,* вероятно, восходит к глагольной основе *bul* («погружать в воду, топить, мочить»), а удвоение основы, скорее всего, является звукоподражанием бурлящей воды (буль-буль), следовательно, значение *Bʾu(l)bʾulhaʾ* — букв. «бьющая вода» (то есть родник). Подобные источники в современной топонимике области майя местным населением часто именуются термином *ojo de agua* (исп.) — «глаз воды».

VII в.[47] Вывод был сделан на основании совпадения ономастической формулы владыки…н-**Пата** со Стелы 1 из Охос-де-Агуа с именами шукальнахских князей Йич'ак-**Пата**, который упомянут на Панели 2 из Пьедрас-Неграс под 658 г., а также Акуль-**Пата**, протагониста т. н. «Чикагского алтаря», монумента неизвестного происхождения, представленного в музейной коллекции Института искусства в Чикаго и датируемого 670 г.[48] Оба князя VII в. имеют титул происхождения *ʾaj-B'ub'ulhaʾ* — «тот, кто из Бубульхи». Примечательно, что кроме Стелы 1 в Охос-де-Агуа было обнаружено еще 6 стел и 1 круглый алтарь, располагавшиеся на небольшом монументальном акрополе. На площади перед акрополем был устроен один из наиболее крупных в бассейне Усумасинты стадионов для игры в мяч[49]. Все это указывает на функции Охос-де-Агуа в качестве малого административного центра, контролировавшего небольшую область в составе царства[50]. По всей видимости, Бубульха являлась одним из наиболее старых княжеских владений в составе Шукальнаха, хотя его упоминаний в VIII в. пока не обнаружено, но, очевидно, оно входило в состав царства до конца его существования. Синхронная надпись на т. н. «Брюссельской стеле» (княжеский монумент неизвестного происхождения, хранящийся в Королевском музее искусства и истории в Брюсселе) свидетельствует, что земли владыки Охос-де-Агуа располагались на границе с царством Ак'е — протагонист «Брюссельской стелы» одновременно был вассалом царя Ак'е и братом князя из Охос-де-Агуа[51].

Локализация топонима *Patal(ʾaak)* — «Место строений?» вызывает меньше вопросов, судя по всему, он связан с археологическим памятником Нуэво-Халиско в 11 км к западу от Бонампака, откуда, предположительно, происходят т. н. «Панели из Эль-Седро», посвященные царю Шукальнаха, «Узлоглазому Ягуару» II. Они содержат историю его жизни от рождения в 728 г. до воцарения в 737 г.[52] Нуэво-Халиско был обследован в начале 1980-х гг., там обнаружен архитектурный комплекс, включающий несколько небольших храмов, выстроенных на платформах, образующих прямоугольную площадь, что характерно для малых административных центров VIII в.[53] В период правления царя «Узлоглазого Ягуара» II (737–748), происходившего из патальской княжеской династии, Нуэво-Халиско могло выполнять функцию временной резиденции для царя Шукальнаха, поскольку в самом Бонампаке его монументы не обнаружены.

С царством Шукальнах тесно ассоциируется топоним *Saklakal* — «Место белых кузнечиков»: в 642 г. флотоводец из Саклакаля воюет в Пачане; в 658 г. князь из Саклакаля участвует в церемонии взятия кохава царя Йокиба[54]; в конце 689 г. молодой царь Пачана Ицам-Коках-Балам III захватил в плен Ах-Сак-Ичий-Пата из Саклакаля[55]; и, наконец, монумент неизвестного происхождения, т. н. «Стендальская панель» (или «Цюрихская панель»), установленный в 726 г., посвящен Куй-Пану, сахалю шукальнахского царя Йахавте-К'инич-Чак-Чиха, который в 723 г. соорудил гробницу своему умершему родственнику, называемому «человек из Саклакаля»[56]. Видимо, в начале VIII в. у власти в Саклакале находятся назначаемые наместники, а не князья. С конца VII в. процесс перехода от одной формы локального управления к другой наблюдается по всему региону Усумасинты[57].

Локализация топонима Саклакаль остается наиболее проблематичной, однако мы предполагаем, что он может быть ассоциирован с малоизученным археологическим памятником Канкаш (Ранчо-Охо-де-Агуа), расположенным в 19 км к северу от Бонампака. Это еще один малый административный центр, обнаруженный в 1948 г. Ф. Бломом и обследованный в начале 2000-х гг. А. Товалином[58], находящийся у западного склона Сьерра-Кохолита, то есть на границе с территорией

---

[47] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Ак'е и Шукальнах: история… С. 121.
[48] Сафронов А. В. Местные элиты в ранговой структуре… С. 119–121.
[49] Blom F., Duby G. Op. cit. P. 134–135.
[50] Сафронов А. В. Иероглифическая надпись майя… С. 31, 40.
[51] Там же. С. 37–40.
[52] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 160.
[53] Carrasco R. Informe del sitio arqueologico Nuevo Jalisco, Chiapas // Estudios de cultura maya. Mexico, 1981. T. 13. P. 339–348.
[54] Сафронов А. В. Местные элиты в ранговой структуре… С. 119–120.
[55] Беляев Д. Д., Сафронов А. В. Ак'е и Шукальнах: история… С. 124.
[56] Там же. С. 127.
[57] Сафронов А. В. Местные элиты в ранговой структуре… С. 123–126.
[58] Tovalin A., Ortiz V. M., Velazquez de Leon A. Región del norte del valle del Río Lacanhá, Chiapas // BOLOM. Revista del Centro de investigaciones Frans Blom. 2004. № 1. P. 65–66.

Пачана, — нам известно о двух конфликтах между пачанскими царями и князьями из Саклакаля в VII в. Также Кананкаш близко расположен к территории царства Йокиб на севере, в этом случае князь Саклакаля мог принимать участие в церемонии 658 г. в Пьедрас-Неграс. Не менее важно, что, по сообщениям Ф. Блома и А. Товалина, на фасаде Здания 1 обнаружена настенная роспись с сильно поврежденным текстом, в котором в том числе записан титул *sajal*[59], что согласуется с упоминанием сахальского линиджа на «Стендальской панели». Таким образом, владение Саклакаль занимало пограничное положение одновременно между Шукальнахом, Йокибом, Пачаном, а также Ак'е и Сакц'и, и локализация Кананкаш (Ранчо-Охо-де-Агуа) подходит здесь наиболее удачно[60].

Кроме северо-западных и центральных владений Шукальнаха ему подчинялись и земли на юго-востоке, однако они определяются больше на основании археологических, а не эпиграфических данных. Точно обозначить владения царства на юге сложнее, поскольку эта область гораздо хуже исследована археологически, и там практически неизвестно наличие иероглифических надписей. Однако на юге локализуется несколько малых памятников, которые могли контролироваться Шукальнахом, в частности, в 10 км южнее Бонампака задокументирован археологический памятник Ла-Каскада (Памятник 23), в котором зафиксирован небольшой монументальный акрополь и две стелы, характерные для административных центров 2-го уровня[61]. Также, по предположению А. Товалина, этот центр мог иметь и оборонительные функции, прикрывая южные рубежи царства, поскольку доступ от него на север в сторону Бонампака крайне затруднен.

Важная находка была сделана в археологическом памятнике Ошлахунтун, расположенном в 13 км южнее Ла-Каскады, открытом в 1948 г. американским археологом Джайлсом Хили[62]. Там, на внутренней штуковой отделке храма, он обнаружил фрагмент вырезанной иероглифической надписи, которая содержит две даты, относящиеся к 663 и 692 гг., причем вторая дата связана с установкой юбилейной стелы — традиционным царским ритуалом. Примечательно, что палеография знаков надписи идентична текстам на Панелях 1 и 5 из Бонампака середины VII в. Кроме того, архитектурный стиль Ошлахунтуна соответствует монументальным сооружениям Лаканхи, Бонампака и другим малым центрам долины Лаканхи. К сожалению, никаких особых фактов династической истории там не упоминается, но есть основания полагать, что Ошлахунтун мог выполнять функции либо административного центра, либо же полузависимого княжества, связанного с династией Шукальнаха, или же отдаленной резиденции царей Шукальнаха. Вероятно, еще одно владение Шукальнаха можно ассоциировать с археологическим памятником Ландерос, который, по скупым описаниям, подходит под центр 2-го уровня, расположенный в 12 км к югу от Бонампака, на полпути из Бонампака в Ошлахунтун.

Таким образом, суммируя все данные, мы можем заключить, что центр царства Шукальнах формировался вокруг городов Лаканха и Бонампак, в его состав входили три владения на северо-западе, которые ассоциируются с археологическими памятниками Нуэво-Халиско, Охос-де-Агуа и Кананкаш (Ранчо-Охо-де-Агуа), а также несколькими владениями на юге, прежде всего это Ла-Каскада, а также, возможно, Ошлахунтун и Ландерос. То есть территориальная организация Шукальнаха была вполне типична для «номовых царств» среднего размера и включала в среднем 5–8 областей, управлявшихся центрами 2-го уровня.

Методика ГИС-анализа территориальной организации майя I тыс. н. э.

Применение ГИС-подхода в исследовании исторической политической географии древних майя классического периода с начала 2000-х гг. в настоящее время привело к выработке определенных методов и алгоритмов реконструкции территориально-политической организации, которые можно в полной мере использовать к материалу долины Лаканхи. В настоящее время мы отошли от традиционных методов пространственного анализа области майя, сформулированных еще в 1970-е гг., к которым можно отнести метод полигонов Тиссена (диаграмм Вороного), опиравшийся

[59] Blom F., Duby G. Op. cit. P. 119.
[60] Tovalin A. Op. cit. P. 130–132.
[61] Tovalin A. Op. cit. P. 130, 134; Tovalin A., Ortiz V. M. Echauri I. Consideraciones sobre territorio y gobierno en Bonampak y el norte del Río Lacanjá // El despliegue del poder entre los mayas: nuevos estudios sobre la organización política. Mexico, 2011. P. 86.
[62] Healey G. Oxlahuntun // Archaeology. 1948. Vol. 1, № 3. P. 129–133.

на концепцию «городов-государств», то есть небольших политий, которые на карте представлялись набором многоугольников, выстраиваемых вокруг политического центра[63], а также теорию центральных мест, которая показывала взаимосвязь между центрами разного уровня и определяла маркировку крупных региональных государств на основе сети подобных связей[64]. Исследование политической организации майя в конце 1990-х гг. показало, что она отличалась сложностью внутренних связей и неоднородностью политических образований, представляя собой комбинацию как небольших «номовых» государств, так и более сложных иерархически организованных региональных политий, причем первый тип лежал в основе более масштабных объединений[65].

В попытке дать более детальный и обоснованный взгляд на историческую географию майя в начале XXI в. мексиканский специалист Армандо Анайя одним из первых предложил использовать ГИС-подход. Его метод, примененный к области Верхней Усумасинты (*рис. 2*), был основан на концепции Гравитационной модели, предполагающей вычисление радиуса условного влияния группы политических центров майя (***dij***), при этом линии пересечения радиусов влияния двух соседних центров маркировали границы этих царств. Определение величины радиусов, а также точек их пересечения осуществлялись с помощью набора математических формул[66]:

$$Iij = k\,((Pi)\,(Pj) / (dij)2$$
$$dij = \sqrt{}\,1 / k\,[(Pi) / (Pj) / Iij\,]$$
$$rd = dab / Dab$$
$$Dij = ((dab - dij) / rd) + Dab$$
$$Dxj = dij / 1 + \sqrt{}\,Pi,$$

в которых:

I — сумма интенсивности связей между двумя политиями;

k — константа; ее значение индивидуально для каждого анализа и определяется исходя из данных по археологическим городищам, задействованным в исследовании (=251.671);

Pi u Pj — число взаимных упоминаний в надписях политий ***i*** и ***j***;

d — «гравитационное расстояние» между политическими центрами; то есть коэффициент, определяемый реальным расстоянием в км и степенью интенсивности связей;

ij — известный и неизвестный политические центры;

D — расстояние между городищами в километрах;

ab — два известных политических центра;

rd — коэффициент отношения расстояния в км к «гравитационному расстоянию»;

x — конечная точка, в которой влияние прекращается.

По сути, мы имеем дело с математическим методом, нежели ГИС-анализом, и, несмотря на то, что расчеты осуществлялись в программном комплексе ГИС, они не учитывают фактор физической географии в политических связях, только фактическое прямое расстояние между центрами (***Dij***). Кроме того, формализация данных эпиграфических источников, осуществленных А. Анайей, для определения уровня политического взаимодействия царств (***I***)[67] сейчас не выдерживает никакой критики. За четверть века многие сведения царских надписей, анализируемых в его исследовании, были передатированы, пересмотрено их значение и определены новые, неизвестные ранее события.

Тем не менее в подходе, предложенном А. Анайя, есть и весьма интересные идеи. На первом этапе анализа, до расчета Гравитационных моделей, с целью маркировки базовой территорий влияния главных политических центров он предложил использовать инструмент распределения

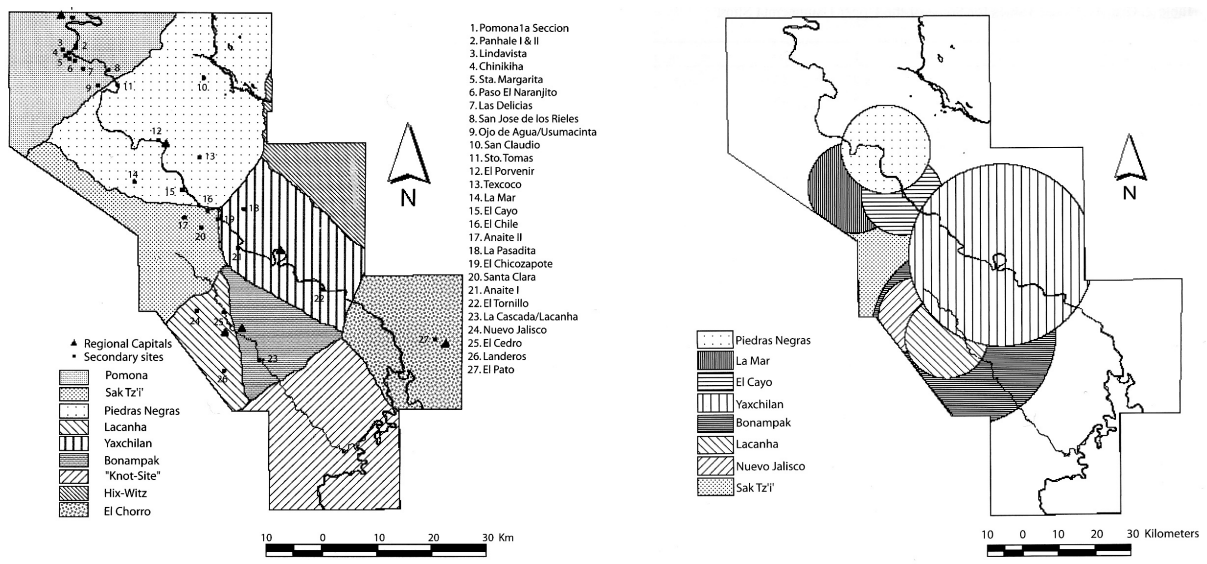
[63] Сафронов А. В. Исследование исторической географии древних майя: традиционный подход и ГИС-метод // Российская археология. 2012. № 2. С. 98–100.

[64] Marcus J. Ancient Maya political organization // Lowland Maya Civilization in the Eighth Century A. D. A Symposium at Dumbarton Oaks 7th and 8th October 1989. Washington, D. C., 1993. P. 153–154; Сафронов А. В. Исследование исторической географии… С. 98–99.

[65] Martin S. Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE. Cambridge, 2020. P. 303–317, 366–382.

[66] Anaya A. Op. cit. P. 41–50.

[67] Ibid. P. 42.

а б

Рис. 2. Пример реконструкции политической географии майя А. Анайя на основе концепции гравитационной модели: а) моделирование базовых территорий царств Верхней Усумасинты с помощью расчета распределения стоимостного пути; б) расчет радиусов условного политического влияния — гравитационных моделей, для центров Верхней Усумасинты

Fig. 2. An example of A. Anaya's reconstruction of Maya political geography based on the concept of a Gravity Model: (a) modelling the core territories of the kingdoms of Upper Usumacinta using a value-path distribution calculation; (b) calculation of the radii of conditional political influence — Gravity Model — for the centers of Upper Usumacinta

стоимостного пути (*cost distance allocation*) с учетом затрат на преодоление поверхности (*cost surface*). Анайя предлагает учитывать в анализе не только главные центры, но и малые административные центры, поскольку их зоны условного контроля позволяют корректировать конфигурацию территории всего царства[68]. Это совершенно новый взгляд на схему территориальной организации майя по сравнению с использовавшимся ранее методом полигонов Тиссена (диаграмм Вороного). Хотя в результатах исследования А. Анайя есть определенные недочеты: не ограничен радиус анализа для каждого центра, не все малые центры были учтены, использованные модели поверхности земли не отличались высокой точностью, тем не менее сам подход является хорошей основой для адаптации под современные возможности инструментов ГИС.

В настоящем исследовании мы предлагаем использовать модифицированный ГИС-подход, изложенный А. Анайя, но взять за его основу идею о зависимости размеров и конфигурации территории политий майя от фактора физической географии. Мы исходим из положения, что в раннегосударственных аграрных обществах одной из ключевых функций верховной власти является контроль над территорией, то есть землей — основным средством производства, при этом политические центры (как, впрочем, и все нижестоящие уровни управления, вплоть до локальных сельских общин) адаптируются к существующей природной среде с целью обеспечения наиболее эффективного контроля над территорией[69]. То есть процессы формирования и изменения фактической подконтрольной территории посредством различных стратегий власти (завоевание, основание малых административных центров, обустройство коммуникаций и т. п.) напрямую связаны с удобством доступа от ключевых центров принятия решений и при этом ограничены степенью влияния извне (то есть от других центров сходного уровня). Здесь отметим, что вся коммуникация в области майя (если не считать нескольких крупных рек) осу-

[68] Ibid. P. 38–41.

[69] Smith A. The Political Landscape. Constalation of Authority in Early Complex Polities. Berkley, 2003. P. 109–111; Johnson A., Earle T. The Evolution of Human Societies: From Foraging groups to Agrarian State. Stanford, 2000. P. 317–380.

ществлялась пешком, то есть мы можем оценивать удобство доступа к территории через среднюю скорость дневного перемещения, равную ок. 30 км в сутки[70].

Оценки возможностей контроля территории опираются на особенности внутренней организации политий древних майя в классический период, которая определяется как по данным археологии (поселенческая структура), так и по письменным источникам (данные топонимики и социально-ранговой организации). Эпоха I тыс. н. э. — это время формирования и расцвета у майя раннегосударственных политических объединений, называемых в отечественной историографии «номовыми государствами», со свойственной им формой территориально-административной структуры, рассмотренной выше на примере царства Шукальнах[71]. Именно приложение этой структуры к местности, определяемой на основе совокупных данных исторических источников, является одной из главных задач нашего исследования. Мы предлагаем именовать подобный анализ «сегментным», поскольку конечный результат — реконструкция территории политии — складывается из оценки отдельных структурных компонентов («сегментов») внутренней территориальной организации, расположенных на различных уровнях иерархии.

Исходя из представлений о территориально-политической организации майя и нашего опыта применения ГИС-анализа в ее реконструкции, а также с учетом функциональных возможностей инструментов в современных программных комплексах ГИС, мы выделяем следующие этапы исследования:

1. Локализация главных и малых административных центров в рамках зоны исследования как центров контроля над территорией политии.

2. Расчет стоимостного расстояния от главного политического центра до малых административных центров с учетом рельефа местности (*cost weighed distance*) для определения максимального радиуса эффективного контроля (то есть определение приблизительных масштабов территории политии).

3. Расчет распределения стоимостного расстояния (*cost allocation*) с учетом рельефа местности аналогичного радиуса для всех известных соседних политических центров для маркировки возможных территорий соседних царств. Они будут являться ограничениями для пределов территории исследуемой политии.

4. Расчет распределения стоимостного расстояния с учетом рельефа местности для совокупности всех малых административных центров, которые, предположительно, входили в состав исследуемой политии. Радиус расчета определяется усредненным показателем расстояний между соседними административными центрами. При этом главный политический центр рассматривается также как локальный административный центр, поскольку отвечал за непосредственный контроль над своей с/х округой.

5. В рамках исследуемой территории политии, если позволяют данные археологии, определяется локализация общинных поселений. Выделяются и маркируются их скопления — общинные объединения. При этом общинные объединения предлагается представлять в качестве площадных объектов, а не набора точечных данных, по причине дисперсного и несистемного характера поселенческой структуры (см. далее).

6. Производится расчет распределения стоимостного расстояния с учетом рельефа для совокупности общинных объединений с целью выделения наиболее удобных зон хозяйственной деятельности. Радиус расчета зависит от усредненного расстояния между соседними объединениями.

7. Уточнение и корреляция рассчитанных границ областей царств с границами зон сельскохозяйственной деятельности общинных объединений (на основании модели управления: административный центр → общинное объединение → община, см. далее).

8. Общая оценка территории политии, исходя из полученных расчетов отдельных компонентов системы. Выделение центральных областей (ядро царства), периферийных областей (пограничье царства), вероятных областей (территории слабо исследованные, но, по расчетам, входившие в зону контроля царства). Определение соотношений территории исследованной политии с соседними царствами.

---

[70] Сафронов А. В. Военные походы древних майя: организация и логистика // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Т. 231. С. 91.

[71] Сафронов А. В. Исследование исторической географии… С. 97–98.

В качестве программного комплекса ГИС для осуществления расчетов мы использовали пакеты ArcGIS 10.8.2 и ArcGIS Pro. Топографическая основа анализа — данные дистанционного зондирования SRTM с разрешением 90 m/pxl[72]. Данные по гидрографии бассейна Усумасинты составлены автором на основании космофотоснимков ESRI ArcGIS Imagery. База данных археологических памятников майя, включая их локализацию и ранжировку, составлена автором на основании открытых источников и опубликованных данных.

Община в структуре царства Шукальнах

Археологические данные по долине Лаканхи позволяют определить не только верхние организационные уровни управления в царстве Шукальнах, но также и дать оценку месту сельской общины в структуре политии. С 1993 г. Археологический проект Бонампака Национального института антропологии и истории Мексики (INAH) под руководством Алехандро Товалина получил статус регионального проекта, в сферу интересов которого была включена область средней долины Лаканхи. Непосредственно археологическая зона Бонампака была значительно расширена и стала включать не только центральные архитектурные группы, но и обширную округу на площади 3150 га (в дальнейшем до 4000 га), где началось сплошное обследование малых археологических памятников, включая небольшие одиночные платформы[73]. К окончанию работ проекта в 2006 г. исследовательская группа на севере и юге вышла за пределы границ основной зоны и охватила площадь в общей сложности более 80 км^2. Кроме того, проект начал повторную документацию крупных археологических памятников на севере долины Лаканхи, которые были открыты еще в середине XX в.: Охос-де-Агуа, Нуэво-Четумаль, Нуэво-Халиско, Ранчо-Охо-де-Агуа, Бетель и др., также были проведены точечные раскопки в Лаканхе[74]. В итоге археологическим проектом в ближайшей округе Бонампака было задокументировано 156 архитектурных групп, которые в основной своей массе представляют остатки малых культовых комплексов или рядовых домохозяйств, таким образом, составлена детальная картина о поселенческой структуре средней долины Лаканхи[75].

В современной историографии археологически раннее государство определяется по наличию 4-уровневой иерархии поселений[76], которая в конце XX в. была зафиксирована на материале классического общества майя. Исследование американских археологов Джозефа Болла и Дженифер Ташек[77] показало, что для региона низменностей майя можно выделить четыре основных функциональных уровня памятников: 1) *регально-ритуальные комплексы* (многофункциональные городские центры), 2) *административно-жилые центры* (локальные архитектурные группы с административными функциями), 3) *группы с площадью* (общинные центры с постройками высокого статуса и ритуальными функциями, образующими церемониальную площадь), 4) *группы с площадками* (изолированные платформы с несколькими основаниями под жилые сооружения, образующие патио-комплексы, то есть домохозяйства)[78].

Теорию центральных мест, принятую в качестве основополагающей модели для определения связей внутри политического объединения майя в 1970-е — 90-е гг., можно использовать в качестве теоретической основы нашего исследования. В частности, она предполагает, что памятники нижних уровней иерархии строго подчиняются памятникам следующего по сложности уровня[79]. Согласно этой модели, два первых уровня, ассоциируемые с управленческой элитой, отражают масштабы контроля — город (1-й уровень) отвечает за управление всей территорией царства, а подчиненные ему административные центры (2-й уровень) отвечают за управление отдельными областями. При этом только эти два уровня иерархии могут быть представлены

[72] CGIAR-CSI SRTM. SRTM 90m DEM Digital Elevation Database. URL: https://srtm.csi.cgiar.org/srtmdata/ (дата обращения: 05.06.2026).
[73] Tovalin A., Ortiz V. M. Echauri I. Op. cit. P. 63–65.
[74] Tovalin A., Ortiz V. M., Corrales F. Op. cit. P. 279–296.
[75] Tovalín A. Op. cit. P. 138–146.
[76] Ancient Oaxaca. The Monte Alban State / Blanton R. [et al.]. Cambridge, 1999. P. 70–87; Беляев Д. Д. Древние майя (III—IX вв.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002. С. 138–145.
[77] Ball J. W., Taschek J. Late Classic Lowland Maya political organization and central-place analysis // Ancient Mesoamerica. 1991. Vol. 2, № 2. P. 149–165.
[78] Ibid. P. 156–157.
[79] Marcus J. Op. cit. P. 153–154.

монументами с иероглифическими надписями. Два нижних уровня иерархии отражают общинные поселения разного масштаба. Археологически общинные центры (3-й уровень) представлены малыми архитектурными группами с ритуальными функциями, вокруг которых наблюдается концентрация домохозяйств, превышающая по численности и площади рядовые общины, то есть они выполняли роль точек притяжения сельского населения[80]. Рядовая сельская община древних майя (4-й уровень) ассоциируется со скоплениями (кластерами) домохозяйств (порядка 5–12), расположенными на территории около 4–9 га[81]. Еще раз подчеркнем, что в аграрных обществах, к которым относятся и древние майя, сельская община являлась основным производителем, то есть осуществляла непосредственную эксплуатацию части территории политического объединения[82], таким образом, каждое общинное поселение подразумевает не только группы домохозяйств (то есть жилых и хозяйственных построек), но и некий объем сельскохозяйственных угодий на близлежащих территориях, являющихся частью владений царства. Материал, полученный по долине Лаканхи, позволяет провести оценку их масштабов и организационной структуры.

Для комплекса памятников, обнаруженных в области Бонампака, А. Товалином была введена более дробная классификация, чем описано выше. Она включает в себя 9 рангов памятников и была определена на основе количества построек в архитектурных комплексах, от крупного акрополя до отдельно стоящей платформы под домохозяйство, при этом важное значение при классификации имеет физический объем сооружений (от более чем 8000 м^3 до 1 м^3). Вместе с тем А. Товалин отдельно указывает и на некоторые функциональные особенности памятников: крупный ритуальный комплекс, малый ритуальный комплекс (с триадными основаниями), комплекс с круглыми алтарями, комплекс с защитными функциями и т. д.[83] Это все вносит определенную путаницу, поскольку не всегда понятно, о каком уровне памятника с точки зрения общепринятой модели идет речь.

Поэтому для нашего анализа классификацию А. Товалина необходимо привести в соответствие с общепринятой 4-уровневой поселенческой моделью для общей унификации. Получается следующая схема:

Классификация А. Товалина	**Объем сооружения**	**4-уровневая функциональная иерархия**
Ранг 1 (акрополь)	более 8000 м^3	**1-й уровень** (город)
		2-й уровень (малый административный центр)
Ранг 2 (крупные группы с ритуальными комплексами	6000–8000 м^3	**3-й уровень** (группы с площадью — общинные ритуальные и знатные комплексы)
Ранг 3 (средние группы с ритуальными комплексами)	1900–2500 м^3	
Ранг 4 (малые группы с ритуальными комплексами)	1100–1400 м^3	
Ранг 5 (крупные группы жилых платформ)	600–1000 м^3	**4-й уровень** (группы с площадками — скопления патиогрупп (домохозяйств), то есть община)
Ранг 6 (средние группы жилых платформ)	300–590 м^3	
Ранг 7 (малые группы жилых платформ)	100–290 м^3	
Ранг 8 (отдельные жилые платформы)	1–99 м^3	**5-й уровень** (изолированные платформы под малые домохозяйства)
Ранг 9 (малые постройки)	менее 1 м^3	

Корреляция между классификацией А. Товалина и единой типологией Дж. Болла и Дж. Ташек не всегда очевидна. Тем не менее мы попытались сгруппировать памятники области Бонампака по четырем основным уровням, исходя из их функционального назначения. Таким образом,

[80] Ball J. W., Taschek J. Op. cit. P. 57.
[81] Ball J. W., Taschek J. Op. cit. P. 157; Беляев Д. Д. Указ. соч. С. 133–134.
[82] Johnson A., Earle T. Op. cit. P. 330–365.
[83] Tovalín A. Op. cit. P. 140–149.

все локальные комплексы с ритуальными функциями были отнесены к категории общинных центров (3-й уровень), а скопления платформ под жилые патио-группы (домохозяйства) разного количества были отнесены к рядовым общинным поселениям (4-й уровень). Выделяемые А. Товалином изолированные платформы под домохозяйства можно вынести в отдельный типологический уровень (5-й уровень), а не причислять к более крупным общинным поселениям. Введение нового уровня в типологии должно продемонстрировать нерегулярный характер поселенческой структуры древних майя, в которой плотность застройки уменьшается по мере удаления от центра скопления домохозяйств, что особенно будет заметно при визуализации данных на карте (*см. цв. вклейку, рис. 22*).

Отдельно стоит упомянуть разделение Ранга 1 на 1-й и 2-й уровни поселенческой иерархии. Дело в том, что в классификацию А. Товалина попали только те памятники, которые локализованы в рамках зоны исследования, и туда включается всего один памятник с монументальным акрополем — Бонампак. Однако если судить по маркировке других объектов на карте, то к этому же классу относится как городской центр Лаканха, так и административный центр Ла-Каскада, то есть памятники с разными функциями. Фактически для мексиканского исследователя важен просто факт наличия крупного монументального акрополя, а не его место в территориально-административной структуре, который положен в основу нашего анализа. Поскольку в нашем исследовании в подобную категорию попадают практически все описанные ранее археологические памятники (Бонампак, Лаканха, Охос-де-Агуа, Нуэво-Халиско, Кананкаш, Ла-Каскада, Ошлахунтун), то их разделение на две категории обязательно.

Вместе с тем следует обратить внимание на один важный результат исследования А. Товалина — он сгруппировал всю совокупность исследованных памятников в 11 объединений по территориальному признаку, вне зависимости от количества памятников разного типа в каждом из них[84]. То есть разнотипные памятники 3-го, 4-го и 5-го уровней, маркирующие сельские поселения, представляют собой не хаотично расположенные на местности жилые группы, а группирующиеся в своеобразные общинные объединения. По нашему мнению, именно их следует рассматривать в качестве одного из уровней структуры территориальной организации политии майя, а не отдельно взятые малые археологические памятники. При этом мы не можем утверждать, что внутри объединения сохраняется строго фиксированный набор иерархических связей: группа с площадью → группы с площадками → домохозяйства. Как уже было отмечено, количество памятников разного уровня внутри объединения не нормировано, например, может присутствовать несколько памятников 3-го уровня (обычно воспринимаются как центр общинного объединения), или оно состоит только из нескольких скоплений домохозяйств без ярко выраженного культового центра, но при этом внутри объединение было связано прочными социальными связями, на что указывает А. Товалин[85]. В дополнение к 11 сгруппированным им объединениям, мы выделим еще три, в которые войдут поверхностно исследованные памятники в районе Лаканхи и к северу от нее. И хотя классификация этих памятников не будет столь точна, тем не менее сами по себе скопления общинных поселений являются основанием для выделения важных структурных элементов территориальной организации царства Шукальнах.

Территориально-политическая организация долины Лаканхи

В рамках определенных выше этапов ГИС-анализа, примененного к комплексу исторических данных (археологического материала и письменных свидетельств), можно сформулировать следующие результаты для долины Лаканхи:

Этап 1. В долине Средней Лаканхи локализовано несколько памятников 1-го и 2-го уровней (*см. цв. вклейку, рис. 18*). Следует выделить два городских центра, которые в разные периоды являлись столицами царства Шукальнах, — Лаканха (до начала VII в.) и Бонампак (VII–VIII вв.). В территориальную структуру входили центры 2-го уровня: Охос-де-Агуа, Кананкаш и Нуэво-Халиско на северо-западе долины, а также Ла-Каскада и, предположительно, Ландерос, Ошлахунтун на юге долины.

[84] Idem. P. 232–234.
[85] Idem. P. 235–298.

Этап 2. С помощью операции расчета стоимостного расстояния (*cost weighed distance*) в модуле ArcGIS Spatial Analyst проводим оценку стоимостного расстояния в R = 50 км от Бонампака (основного политического центра) с учетом рельефа местности. При таком радиусе оценочная модель стоимостного расстояния захватывает соседние политические центры (Лаканха-Цельталь, План-де-Айутла, Йашчилан), то есть гарантированно перекрывает вероятную территорию царства Шукальнах.

Полученная модель наглядно показывает, что все центры 2-го уровня, ассоциируемые с Шукальнахом, включая Ошлахунтун, локализуются на расстоянии не более 30 км стоимостного пути (однодневный переход) от Бонампака. Это позволяет маркировать потенциальную экономическую зону[86] политии (R = 30 км стоимостного пути), которая может эффективно контролироваться из главного центра. При этом все центры 2-го уровня расположены не ближе 10 км стоимостного пути от Бонампака, за исключением городского центра Лаканхи (*см. цв. вклейку, рис. 19*).

Этап 3. С помощью операции распределения стоимостного расстояния (*cost distance allocation*) в модуле ArcGIS Spatial Analyst рассчитываем полигон, отражающий потенциальную экономическую зону царства Шукальнах для R = 30 км стоимостного расстояния. Одновременно проводим расчет распределения стоимостного расстояния аналогичного радиуса для всех известных соседних политических центров. Набор полученных полигонов будет отражать общее распределение территорий между царствами изучаемого региона, но для нашего исследования гораздо важнее ограничения, которые накладывают потенциальные экономические зоны царств Ак'е и Пачан на вероятную территорию царства Шукальнах. С учетом этого его территория вряд ли распространялась восточнее горной гряды Сьерра-Кохолита, а на северо-западе граница проходила по линии Кананкаш — Охос-де-Агуа — Нуэво-Халиско (*см. цв. вклейку, рис. 20*).

Довольно интересно, что в такой конфигурации царство Ак'е на севере имело бы общую границу с Пачаном, и этот факт подтверждают раннеклассические письменные источники. Нам известно о серии войн между Ак'е и Пачаном в V — начале VI в., однако потом эти данные исчезают[87].

Этап 4. На следующем этапе переходим к моделированию внутренней структуры царства. С помощью операции распределения по стоимостному расстоянию с R = 10 km рассчитываем потенциальные зоны для всех центров 2-го уровня, причем к их числу относим и городские центры 1-го уровня — Бонампак и Лаканху, поскольку в локальном масштабе они также выполняют функции административных центров для с/х округи. Оценочное расстояние в 10 км определено на основании удаленности ближайших центров 2-го уровня от Бонампака, то есть это наибольшее расстояние, которое можно было контролировать из малого административного центра (в реальности меньше) (*см. цв. вклейку, рис. 21*).

К категории административных центров 2-го уровня мы условно отнесем археологические памятники Сан-Хуан на западе и Руинас-Би на юге. Это небольшие городища, обнаруженные еще в середине XX в., но до сих пор подробно не исследованные, по сохранившимся данным, они могут относиться как ко 2-му, так и к 3-му уровню поселенческой иерархии. Однако их локализация дает возможность маркировать слабо исследованные области, попадающие в потенциальную экономическую зону Шукальнаха. Без точных археологических сведений это предположение, конечно же, носит гипотетический характер, что найдет отражение в визуальной маркировке, но демонстрирует возможности ГИС-реконструкции, когда к предполагаемым объектам моделирования применяются критерии уже известных идентичных элементов ряда.

Этап 5. Переходим к анализу территориальной организации Шукальнаха на уровне памятников 3-го, 4-го и 5-го уровней поселенческой иерархии. На основании данных, представленных А. Товалином, мы проводим локализацию всего массива малых археологических памятников и маркируем общинные объединения (определены А. Товалином) с помощью операции распределения по евклидову (прямому линейному) расстоянию (*euclid distance allocation*)[88] в R = 300 м для каждого памятника. С нашей точки зрения, это позволяет очертить ближайшую хозяйственную зону для сельских поселений, а кроме того, представить 3-й уровень террито-

[86] Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии. М., 2011. С. 121.
[87] Сафронов А. В. Цари Ак'е, Шукальнаха и Сакц'и… С. 155–156.
[88] Коробов Д. С. Указ. соч. С. 120.

риальной организации — общинные объединения — в качестве единого массива (площадных объектов), а не набора разрозненных точечных данных. Мы уже указали, что на материале долины Лаканхи не прослеживается строгой корреляции между памятниками разного уровня внутри объединения, то есть их расположение и количество обусловлены исключительно местными условиями. Таким образом, мы маркируем 11 объединений, проанализированных А. Товалином, и добавляем к ним еще 3 на северо-западе, в районе Лаканхи, которые включают обнаруженные там малые археологические памятники (*см. цв. вклейку, рис. 22*).

Этап 6. Для каждого из 14 общинных объединений мы рассчитываем потенциальную экономическую зону с помощью операции распределения по стоимостному расстоянию (*cost distance allocation*) в R = 2 км от границ общинного объединения. Данная величина обусловлена тем, что прямое расстояние между соседними общинными объединениями в долине Лаканхи не превышает 4 км. Пространство между ними, судя по всему, представляло незаселенные обрабатываемые земли, которые распределялись между ближайшими общинами с учетом удобства доступа к ним, то есть их потенциальная экономическая зона.

Получилось следующее распределение общинных зон (*см. цв. вклейку, рис. 22*):

№	Зона общинного объединения	Численность населения: (оценка А. Товалина)	Прибл. площадь эконом. зоны
1	Зона Рио-Лаканха, крайний северо-западный сектор	—	10,973 км^2
2	Зона Рио-Лаканха, северо-западный сектор	—	8,067 км^2
3	Зона Лаканхи	—	9,939 км^2
4	Зона Сьерры, крайний северо-западный сектор	476 чел.	14,139 км^2
5	Зона к северу от Холмов 2	52 чел.	1,766 км^2
6	Зона Холмов 1-2	427 чел.	7,870 км^2
7	Зона Бонампака (Холмов 3)	370 чел.	4,301 км^2
8	Зона Рио-Лаканха, центральный сектор	64 чел.	7,853 км^2
9	Зона Холмов 5-7	274 чел.	7,417 км^2
10	Зона Холмов 8 и 9	281 чел.	10,832 км^2
11	Зона Сьерры, северо-западный сектор	93 чел.	3,714 км^2
12	Зона Сьерры, центральный сектор	262 чел.	7,769 км^2
13	Зона Сьерры, юго-восточный сектор	480 чел.	9,285 км^2
14	Зона Сьерры, крайний юго-восточный сектор	79 чел.	11,226 км^2

Прежде всего, обращает на себя внимание высокая концентрация общинных поселений близ Бонампака, и это не случайно. Мы полагаем, что зоны 5, 6, 7, 8, 9 и 11 являются не просто общинными объединениями, а частью большой городской агломерации, поэтому при высокой плотности населения с/х зоны здесь относительно небольшие. Вероятно, значительную долю населения могли составлять люди, не занимавшиеся непосредственно земледелием (администраторы, ремесленники т. п.).

Мы не вполне согласны с оценкой численности населения А. Товалина, поскольку она основана на минимальном размере состава домохозяйства (малая семья — 3–4 чел., большая семья — 10 чел.) и преимущественно на данных по постклассическому и колониальному Юкатану, Чиапасскому нагорью и долине Мехико[89]. Но на Юкатане при более бедных почвах, иной форме земледелия с более низкой урожайностью численность общин тоже ниже, поэтому сравнение не совсем корректно. Можно предположить, что для области Верхней Усумасинты позднего классического периода оценка численности должна быть почти вдвое выше (малая семья — 5–7 чел., большая семья — 15–20 чел.). Для сравнения, оценка А. Товалином средней численности населения долины Лаканхи составляет около 34 чел/км^2, что, например, ниже показателей

[89] Tovalin A. Op. cit. P. 59–117.

синхронной средней численности для долины Копана на юго-востоке области майя (современный Гондурас), составлявшей примерно 55 чел/км^2 на долину в 500 км^2, притом что в зоне городской застройки она доходила до 935 чел/км^2[90]. Впрочем, это тема отдельного исследования.

Тем не менее возникает вопрос, насколько рассчитанные нами потенциальные экономические зоны могут отражать реальный масштаб общинных владений? Здесь можно проанализировать в качестве примера территории № 12 «Зона Сьерры, центральный сектор». На этой территории было зафиксировано 16 памятников, все относятся к 4-му или 5-му уровням поселений, то есть среди них нет крупных общинных центров. А. Товалин выделяет в общей сложности платформы для 44 домохозяйств (23 большесемейных, 11 малых семей)[91]. При рассчитанной нами площади экономической зоны более 7 км^2 (= 700 га) выходит средняя площадь угодий на 1 домохозяйство ~16 га, и, учитывая, что домохозяйства разного размера, то площадь могла варьироваться в диапазоне 10–20 га. Поскольку детальных исследований по палеоэкологии и палеоботаники долины Лаканхи до сих не проводилось, мы не можем заключить, какая форма земледелия практиковалась в данной области, но можно предположить, что это была комбинация многополья, террасного земледелия на многочисленных склонах холмов, садоводства и грядкового земледелия на придомовых территориях (в пределах выделенной зоны 300 м вокруг поселений), могли также обрабатываться небольшие заболачиваемые низины в речных поймах[92]. Высокопродуктивные формы земледелия, развитые к концу классической эпохи, в целом могли обеспечивать более многочисленное население, чем рассчитано А. Товалином.

Этап 7. Естественной границей земельных угодий в долине могла быть река Лаканха (хотя в целом ее несложно пересечь), имеющая несколько русел, поэтому мы проведем небольшую коррекцию границ общинных зон (с минимальными изменениями их площади), с таким расчетом, чтобы они упирались в берега рек, особенно на юге. Логично предположить, что общинам удобнее вести хозяйственную деятельность на одном берегу крупной реки и исключить необходимость ее регулярного пересечения.

Далее мы внесем изменения в границы центральных областей царства Шукальнах так, чтобы они соответствовали границам потенциальных экономических зон общинных объединений. Эти изменения строятся на идее, что под управлением административных центров 2-го уровня (напомним, что в нашем анализе на локальном уровне мы рассматриваем в качестве таковых и городские центры) находились не только сами общинные поселения, но и земли, которые они эксплуатируют. Поэтому мы определяем принадлежность рассчитанных зон общинных владений целиком к одному из административных центров. Фактически изменения касаются только областей Бонампака и Лаканхи, где подробно исследована поселенческая структура. В результате в область Бонампака мы включаем 10 общинных объединений (в т. ч. сам Бонампак), в область Лаканхи — 3 объединения, 1 относится к области Ла-Каскады (*см. цв. вклейку, рис. 23*).

Области Бонампака и Лаканхи составляют ядро территориальной организации царства Шукальнах с высокой плотностью общинных поселений и отсутствием каких-либо малых административных центров (с оговоркой, что в VIII в. Лаканха имела статус сахальства), то есть общинные центры 3-го уровня подчиняются непосредственно городским центрам 1-го уровня, что не соответствует рассмотренной выше концепции иерархии поселенческой структуры, в которой подчинение должно было осуществляться последовательно для каждого уровня.

В письменных памятниках данной области есть крайне интересная параллель выстроенной нами модели территориальной организации. В надписи на т. н. «Брюссельской панели»[93] (*рис. 3*), происходящей с территории царства Сакц'и и датируемой 693 г., содержится описание событий военно-политической истории долины Лаканхи конца VII в. В финальном пассаже, посвященном победе царя Сакц'и Каб-Чанте III над царством Ак'е в апреле 693 г.[94], сообщается следующее:

---

[90] Webster D., Freter A., Gonlin N. Copán. The Rise and Fall an Ancient Maya Kingdom. Belmont, 2000. P. 166.

[91] Tovalin A. Op. cit. P. 283–286.

[92] Demarest A. Ancient Maya. The Rise and Fall of a Rainforest Civilization. Cambridge, 2004. P. 130–139.

[93] Панель неизвестного происхождения, хранящаяся в коллекции Королевского музея искусства и истории Брюсселя (Бельгия). Опубликована в: Mayer K. H. Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance. Supplement 4. Graz, 1995. Vol. 7. P. 17. Pl. 75.

[94] Сафронов А. В. Войны за левобережье Усумасинты на рубеже VII–VIII вв.: проблема датировки и географии событий //

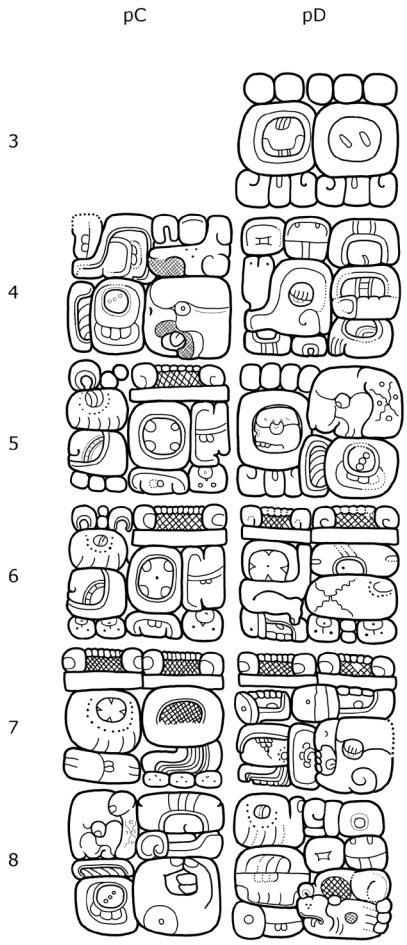

Рис. 3. Брюссельская панель, фрагмент pD3–pD8 (прорисовка: А. В. Сафронов)
Fig. 3. The Brussels Panel, detail pD3–pD8 (drawing by A. V. Safronov)

…(pD3) **CHAʔ-ʔOHL**день **HUUX-CHAN**день (pC4) **chu-ka-ja JUʔN-ʔICHAAK-MOʔ** (pD4) **ʔa-kʼe-ʔAJAW-wa yi-ta-ji** (pC5) **ya-bʼa-…-la ʔa-KʼAN-na-TEʔ-la** (pD5) **CHAN-CHAM**день **pe-ka-ja** (pC6) **ya-bʼa-…-la ʔa-KʼAN-na-TEʔ-la** (pD6) **ʔa-KʼIN-YAʔ-ʔa ʔa-CHAK-TOOʔKʼ-la** (pC7) **ʔa-…-su ʔa-pa-ni-la** (pD7) **ʔa-ʔa-TUN-ni ʔa-ʔa-bʼu-ʔa** (pC8) **pe-ka-ja yi-chi-NAL** (pD8) **KʼABʼ-CHAN-TEʔ SAK-TZʼIʔ-ʔAJAW**

…Chaʔ ʔOhl huux Chan chuhkaj Juʔn ʔIchaak Moʔ ʔAkʼeʔ ʔajaw y-itaji Yabʼa…l ʔaj-Kʼanteʔl chan Cham pehkaj Yabʼa…l ʔaj-Kʼanteʔl ʔaj-Kʼinyahaʔ ʔaj-Chaktooʔkʼal ʻaj-…us ʔaj-Paniil ʔaj-ʔAtuun ʔaj-ʔAbʼuaʔ pehkaj y-ichnal Kʼab Chanteʔ Saktzʼiʔ ʔajaw.

…(День) 2 Оль (затем в день) 3 Чан [8 числа месяца Чакат] (= 7 **апреля 693 г.)** был захвачен Хун-Ичаак-Мо, царь Акʼе, его сопровождал Йаба…ль, человек из Кʼантеля. (В день) 4 Чам (9 числа месяца Чакат) (= 8 **апреля 693 г.)** были призваны Йаба…ль, человек из Кʼантеля, люди из Кʼинй-аха, люди из Чактокʼаля, люди из…са, люди из Паниля, люди из Атуна, люди из Абуа, они были призваны пред лик Кʼаб-Чанте, царя Сакцʼи.

Фрагмент начинается с сообщения о победе над царем Акʼе, сопровождавшимся неким Йаба…лем, знатным человеком из Кʼантела, а затем сообщается, что на следующий день тот же Йаба…ль возглавил процессию людей из царства Акʼе, призванных к царю Сакцʼи для признания его политической власти над царством. В этом фрагменте выделяется перечень 6 топонимов, связанных с царством Акʼе, которые записаны по формуле *ʔaj-*<топоним>, отличающейся от записи титулатуры Йаба…ля — <имя> *ʔaj-*<топоним>, где агентивный префикс *ʔaj-* имеет значение «тот,

Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. М., 2012. Вып. 8. С. 178–180.

кто…», «человек из …». Д. Д. Беляев и А. И. Давлетшин показали, что в данном случае, когда топоним записан без имени, речь идет о группе людей незнатного ранга, то есть агентивный префикс имеет значение «люди из…» и, по всей видимости, обозначает группу общинников или представителей общин[95]. Другими словами, здесь перечисляются шесть общин, входивших в состав царства Ак'е и, очевидно, составлявших ядро его территории, поэтому можно предположить, что речь идет об общинных объединениях, подобных тем, что мы выделили в царстве Шукальнах.

Если судить о территории царства Ак'е по нашей реконструкции (*см. цв. вклейку, рис. 24*), то в конце VII в. она была значительно меньше царства Шукальнах, порядка 300–400 км^2, поэтому ядро царства вокруг предполагаемого центра План-де-Айутла, располагавшееся на плато северных отрогов Сьерра-Сан-Фелипе, вполне могло включать только 6 крупных общинных объединений, для области Бонампака мы выделяем 9 объединений (не считая самого Бонампака). Отметим, что в этом событии не упоминаются местные администраторы 2-го уровня, только Йаба...ля можно отнести к этой категории, поскольку он единолично представляет область К'антель, не связанную с общинами. Довольно примечательно, что в радиусе 10–20 км от План-де-Айутла пока зафиксирован всего один центр 2-го уровня, не связанный с Шукальнахом, это археологический памятник Ла-Луча (Нуэво-Четумаль), расположенный в 10 км к северо-западу[96] и на полпути к Лаканха-Цельталь, центру царства Сакц'и, поэтому он вполне может быть ассоциирован с К'антелем. Но самое главное, что данный пример демонстрирует возможность подчинения общинных объединений (3-й уровень) напрямую царю (центру 1-го уровня), то есть подтверждает нашу идею о нелинейной иерархической модели управления в административной структуре царства.

Этап 8. На последнем этапе исследования необходимо дать общую оценку предполагаемой территории царства Шукальнах, исходя из полученных результатов расчета отдельных компонентов его внутренней структуры (*см. цв. вклейку, рис. 24*). В долине Лаканхи мы можем выделить 10 областей, которые были или могли быть связаны с царством Шукальнах в поздний классический период, при этом две их, сформировавшихся вокруг главных политических центров — городов Усихвиц (Бонампака) и Шукальнах (Лаканха), являются своеобразным ядром царства, остальные восемь — его периферией, управлявшихся административными центрами 2-го уровня. Расчет потенциальных экономических зон для областей показал следующие результаты:

Археологический памятник:	**Область царства**	**Прибл. площадь эконом. зоны**
Бонампак	Усихвиц	93,5 км^2
Лаканха	Шукальнах	47,8 км^2
Кананкаш	Саклакаль	96,2 км^2
Охос-де-Агуа	Бубульха	91,5 км^2
Нуэво-Халиско	Паталь(аак)	76,1 км^2
Сан-Хуан	…?	63,2 км^2
Ла-Каскада	…?	62,2 км^2
Ландерос	…?	47,0 км^2
Ошлахунтун	…?	124,9 км^2
Руинас-Би	…?	72,3 км^2
Итого:		774,7 км^2

В итоге сумма площадей областей царства составляет около 775 км^2 (при R = 10 км), что является средним показателем для политий майя позднего классического периода (для сравнения, площадь Пачана оценивается в 1500 км^2)[97]. Из них области памятников Кананкаш, Охос-де-Агуа, Нуэво-Халиско и Ла-Каскада однозначно входили в территорию Шукальнаха с рубежа VI–VII вв. Принадлежность областей, ассоциируемых с Сан-Хуан, Ландерос и Руинас-Би, пока дискуссионна,

[95] Davletshin A., Beliaev D. A Syllabic Sign for [pe] in the Classic Maya Inscriptions // Revista Española de Antropoligia Americana. 2022. Vol. 52, № 1. P. 32–33, 39.

[96] Tovalin A., Ortiz V. M., Velazquez de Leon A. Op. cit. P. 58–60.

[97] Сафронов А. В. Методы пространственного анализа ГИС…

их территория археологически слабо исследована, но наше предположение основано на близости их расположения к главным центрам царства (входят в потенциальную 30-км экономическую зону царства). Принадлежность Ошлахунтуна к Шукальнаху весьма вероятна, но, судя по его удаленности и большой площади его экономической зоны, он мог быть полусамостоятельным княжеством, связанным с Шукальнахом.

Центральные области царства (ядро), то есть экономические зоны Бонампака и Лаканхи, занимали площадь более 140 км^2, на этой территории зафиксировано 12 крупных общинных объединений (не считая, собственно, двух городских общин), которые представляют 3-й уровень территориально-административной организации и подчинялись напрямую городам. Общинные объединения включают в себя разное количество памятников 3-го, 4-го и 5-го уровней поселенческой организации, маркирующих домохозяйства общинников разного статуса. При этом их взаимное расположение не фиксированное, а определяется особенностями ландшафта. Площадь экономических зон общинных объединений варьируется в рамках 7–10 км^2, а предварительная оценка земельных наделов в долине Лаканхи дает показатели в среднем 10–20 га для отдельных домохозяйств.

Заключение

Проведенное нами исследование территориально-политической организации долины Лаканхи на основе применения ГИС-подхода к анализу письменных и археологических данных показало, что приблизительно во 2-й половине VI в. в долине начинается территориальный рост царства Шукальнах. Его основу составили земли вокруг города Шукальнах (Лаканха) в пойме реки Лаканха, которая в начале VII в. расширилась на юг после основания нового политического центра Усихвиц (Бонампак). Одновременно шукальнахским царям подчиняются области Бубульха, Саклакаль и Паталь на северо-западе, которые формируют границу с соседним древним царством Ак’е. В VII в., вероятно, происходит расширение царства на юг — юго-восток и оно достигает нижнего течения Лаканхи и долины реки Сан-Педро, включая археологический памятник Ошлахунтун. Таким образом, ядро царства к VIII в. обрастает периферией, включающей по меньшей мере 8 областей, управлявшихся административными центрами 2-го уровня. На пике его расцвета, во 2-й половине VIII в., его территория достигла порядка 700–800 км^2. При этом области, управлявшиеся княжескими линиджами, обладали значительной самостоятельностью и могли ситуативно менять сюзерена, хотя формально относились к царскому дому Шукальнаха, как, например, владетели Бубульхи, Саклакаля и Паталя во 2-й пол. VII в. В VIII в. на первый план в управлении царством выходят назначаемые наместники — сахали, как в городе Шукальнах и Саклакале. В царстве сложилось два городских центра — более древний и обширный Шукальнах, а также новый, но менее многолюдный Усихвиц. Данная структура, очевидно, сохраняется до начала IX в., когда царство Шукальнах приходит в упадок.

Внутренняя структура областей была представлена общинными объединениями — 3-й уровень территориально-административной иерархии, которые в организационной системе подчинялись либо городам, либо локальным центрам 2-го уровня, а с точки зрения поселенческой иерархии формировались, в разной пропорции, памятниками 3-го, 4-го и 5-го уровней, ассоциируемых с общинными домохозяйствами. В центральных областях, ближе к городам, их плотность была высока, средняя численность оценивается в 200–400 чел. (хотя, вероятно, больше), проживавших в нескольких десятках домохозяйств, а потенциальная экономическая зона составляла около 7–10 км^2. При этом земельные наделы отдельных домохозяйств могли составлять 10–20 га земель разного качества, включая склоны с террасами, заболачиваемые низины, бросовые земли. В периферийных областях структура, вероятно, была идентичной, но количество общинных объединений было меньше, а плотность домохозяйств в них ниже.

С точки зрения места царства в территориально-политической организации региона в VII–VIII вв. Шукальнах представляет собой политию среднего уровня, преимущественно зависимую от могущественных соседей — царств Пачан, Сакц’и, Йокиб, с двумя первыми он имел общую границу. Однако в периоды расцвета царства ему подчинялись какие-то мелкие пограничные политии княжеского ранга. На пике расцвета в конце VIII в., после победы над Сакц’и, шукальнахская династия установила контроль над соседним Ак’е и включила в свою титулатуру второй

«эмблемный иероглиф». Таким образом, территория политического объединения на короткий период могла вырасти до 1000 км^2.

References

Anaya A. Site Interaction and Political Geography in the Upper Usumasinta Region during the Late Classic: A GIS Approach. *BAR International Series 994*. Oxford: Hadrian Books, 2001. (In English).

Arellano A. Dialogo con los abuelos. *La pintura mural prehispanica en Mexico: Area maya, Bonampak*. Mexico: UNAM, Instituto de investigaciones estéticas, 1998, vol. 2, pp. 255–297. (In Spanish).

Ball J. W., Taschek J. Late Classic Lowland Maya Political Organization and Central-Place Analysis. *Ancient Mesoamerica*, 1991, vol. 2, no. 2, pp. 149–165. DOI: 10.1017/S0956536100000481 (In English).

Belyaev D. D. [Ancient Maya (3rd–9th Centuries)]. *Tsivilizatsionnyye modeli politogeneza* [Civilization Models of Politogenesis]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 2002, pp. 130–155. (In Russian).

Belyaev D. D., Safronov A. V. [Dynastic History of Yo'kib in the Second Half of the 8th Century]. *Voprosy epigrafiki* [Questions of Epigraphy]. Moscow: Russkiy Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2013, iss. 7, part 1, pp. 533–599. (In Russian).

Belyaev, D. D., Safronov, A. V. [Ak'e and Xukalnaah: History and Political Geography of the Maya States in the Upper Usumacinta Basin]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU* [Ancient East and Classical World. Proceedings of the Department of Ancient World History, Faculty of History, Moscow State University]. Moscow: Staryy Svet Publ., 2004, iss. 6, pp. 119–141. EDN: VOEINT (In Russian).

Blanton R., Feinman G., Kowalewski S., Nicholas L. *Ancient Oaxaca. The Monte Alban State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. (In English).

Blom F., Duby G. *La selva lacandona*. Mexico: Editorial cultura, T.G.S.A., 1957, vol. 2. (In Spanish).

Carrasco R. Informe del sitio arqueologico Nuevo Jalisco, Chiapas. *Estudios de cultura maya*. Mexico: UNAM, 1981, vol. 13, pp. 339–348. (In Spanish).

Davletshin A., Beliaev D. A Syllabic Sign for [pe] in the Classic Maya Inscriptions. *Revista Española de antropologia americana*, 2022, vol. 52, no. 1, pp. 29–43. DOI: 10.5209/reaa.75786 (In English).

Demarest A. *Ancient Maya. The Rise and Fall of a Rainforest Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. (In English).

Ekholm S. Aspectos arqueológicos de la Reserva de la Biósfera Montes Azules. *Reserva de la Biósfera Montes Azules, Selva Lacandona. Pubicaciones especiales de Ecosfera*. Mexico: Centro de Estudios para Conservación de los Recursos Naturales, 1992, no. 1, pp. 253–265. (In Spanish).

Golden C., Murtha T., Cook B., Shaffer D., Schoeder W., Hermitt E., Alcover Firpi O., Scherer A. Reanalyzing Environmental Lidar Data for Archaeology: Mesoamerican Applications and Implications. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016, vol. 9, pp. 293–308. DOI: 10.1016/j.jasrep.2016.07.029 (In English).

Golden C., Scherer A., Houston S., Schoder W., Morell-Hart S., Jimenes Alvares S., Van Kollias G., Talavera M. Y. R., Matsumoto M., Dobereiner J., Alcover Firpi O. Centering the Classic Maya Kingdom of Sak Tz'i'. *Journal of Field Archaeology*, 2019, vol. 45, no. 2, pp. 67–85. DOI: 10.1080/00934690.2019.1684748 (In English).

Healey G. Oxlahuntun. *Archaeology*, 1948, vol. 1, no. 3, pp. 129–133. (In English).

Johnson A., Earle T. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press, 2000. (In English).

Korobov D. S. *Osnovy geoinformatiki v arkheologii* [Fundamentals of Geoinformatics in Archaeology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2011. (In Russian).

Marcus J. Ancient Maya Political Organization. *Lowland Maya Civilization in the Eighth Century A.D. A Symposium at Dumbarton Oaks 7th and 8th October 1989*. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993, pp. 111–183. (In English).

Martin S. *Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. (In English).

Martin S., Grube N. *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London: Thames&Hudson, 2008. (In English).

Martos López L. A. The Discovery of Plan de Ayutla, Mexico. *Maya Archaeology 1*. San Francisco: Precolumbia Mesoweb Press, 2009, pp. 60–75. (In English).

Mathews P. Notes on the Dynastic Sequence of Bonampak, Part 1. *Third Palenque Round Table, 1978*. Austin; London: University of Texas Press, 1980, part 2, pp. 60–73. (In English).

Mathews P. The Emblem Glyph of Bonampak, Chiapas, Mexico. *Texas Notes on Precolumbian Art, Writing, and Culture*, 1993, no. 44, pp. 1–3. (In English).

Mayer K. H. *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance. Supplement 4.* Graz: Academic Publishers, 1995, vol. 7. (In English).

Safronov A. V. [Double "Emblem Hieroglyph" in the Maya Hieroglyphic Inscriptions] *Drevniy Vostok i antichnyy mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU* [Ancient East and Classical World. Proceedings of the Department of Ancient World History, Faculty of History, Moscow State University]. Moscow: EcoPress-2000 Publ., 2005, iss. 7, pp. 174–189. (In Russian).

Safronov A. V. [Methods of Spatial Analysis of GIS in the Study of the Structure of the Early State of the Ancient Maya]. *Arkheologiya i geoinformatika* [Archaeology and Geoinformatics]. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ., 2012, iss. 7. Available at: https://archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-7/index.html (accessed: 10.11.2025). (In Russian).

Safronov A. V. [Research of the Historical Geography of the Ancient Maya: Traditional Approach and GIS Method]. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2012, no. 2, pp. 97–107. EDN: PCOIGT. (In Russian).

Safronov A. V. [Wars for the Left Bank of the Usumacinta at the Turn of the 7th–8th Centuries: The Problem of Dating and Geography of Events]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU* [Ancient East and Classical World. Proceedings of the Department of Ancient World History, Faculty of History, Moscow State University]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya" Publ., 2012, iss. 8, pp. 176–197. EDN: ZBLPVR. (In Russian).

Safronov A. V. [Military Campaigns of the Ancient Maya: Organization and Logistics]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2013, vol. 231, pp. 87–102. EDN: SGPIST. (In Russian).

Safronov A. V. [Kings of Ak'e, Xukalnaah and Saktz'i: The problem of Reconstruction of the Classic Maya Dynastic Lists by Epigraphic Evidences]. *Epigrafika Vostoka* [Oriental Epigraphy], 2021, vol. 36, no. 3, pp. 151–164. EDN: IKHBDD. DOI: 10.31696/0131-1344-2021-3-4-151-164 (In Russian).

Safronov A. V. [The Local Elites in The Rank Structure and Administrative System of the Late Classic Maya Polities in the Western Region]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* [History Magazine: Researches], 2022, no. 5, pp. 109–130. EDN: JBAJDC. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.5.38759 (In Russian).

Safronov A. V. [Maya Hieroglyphic Inscription on the Stela 1 from Ojos de Agua]. *GRAPHOSPHAERA: Pis'mo i pis'mennyye praktiki* [GRAPHOSPHAERA: Writing and Written Practices], 2025, vol. 5, no. 2, pp. 25–49. EDN: KDOZCF. DOI: 10.32608/2782-5272-2025-5-2-25-49. (In Russian).

Smith A. *The Political Landscape. Constalation of Authority in Early Complex Polities*. Berkley: University of California Press, 2003. (In English).

Spetzler Ch. A Reconsideration of T1736 as the Numeral Six. *The PARI Journal*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 9–15. (In English).

Stuart D. Bonampak's Place Name. *Maya Decipherment*, 2008. Available at: https://mayadecipherment.com/2008/03/16/bonampaks-place-name/ (acessed: 20.11.2025). (In English).

Tokovinine A. *Place and Identity in Classic Maya Narratives*. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2013. (In English).

Tovalín A. *Organización social de Bonampak a tráves de patrón de asentamiento*. Tuxtla Gutiérrez, Chiapas: CONECULTA, Dirección de Publucaciones, 2019. (In Spanish).

Tovalin A., Ortiz V. M. Echauri I. Consideraciones sobre territorio y gobierno en Bonampak y el norte del Río Lacanjá. *El despliegue del poder entre los mayas: nuevos estudios sobre la organización política*. Mexico: UNAM, 2011, pp. 63–97. (In Spanish).

Tovalin A., Ortiz V. M., Corrales F. Sitio arqueólogico Lacanhá, municipio de Ocosingo, Chiapas. Primeros resultados de campo. *Los Investigadores de la Cultura Maya 14*. Campeche: Universidad Autónoma de Campeche, 2006, vol. 1, pp. 279–296. (In Spanish).

Tovalin A., Ortiz V. M., Velazquez de Leon A. Región del norte del valle del Río Lacanhá, Chiapas. *BOLOM. Revista del Centro de investigaciones Frans Blom*, 2004, no. 1, pp. 55–89. (In Spanish).

Webster D., Freter A., Gonlin N. *Copán. The Rise and Fall an Ancient Maya Kingdom*. Belmont: Wadsworth Group/Thompson Learning, 2000. (In English).

УДК 94(470.31)"18/19":528.92 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-78-89

Катионов Олег Николаевич
д. и. н., ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Россия, Новосибирск)
ORCID: 0000-0002-7260-0051
E-mail: korolek1953@gmail.com

Хорохордин Георгий Сергеевич
к. и. н., ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (Россия, Новосибирск)
ORCID: 0000-0002-7041-9996
E-mail: gkhor@yandex.ru

Определение динамики границ волостей Каинского уезда Томской губернии в конце XIX — начале XX в. методом картографического моделирования сельской сети поселений

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты исследования низового административно-территориального деления Каинского округа-уезда Томской губернии в конце XIX — начале XX в. Авторы приходят к выводу, что реформирование волостных границ в 1890-е–1910-е гг. было связано с увеличением количества населения. Наибольшие структурные изменения приходятся на период массовых крестьянских переселений в Сибирь в начале XX в. В первую очередь — поэтапная ликвидация системы обособленного «инородческого» управления, с последующим включением этих территорий в состав укрупненных волостей. В качестве источниковедческой базы авторами были использованы картографические материалы, с помощью которых удалось соблюсти принцип территориальной преемственности, а также выявить локальные изменения отдельных групп волостей. В ходе работы были созданы сравнительные таблицы, в которых отображены ключевые изменения низового деления территории Каинского уезда в конце XIX — начале XX в. Главной особенностью работы являлось построение картографических моделей с целью пространственной визуализации происходивших изменений волостного деления. Именно разновременные карты, отражающие территорию Каинского округа-уезда с 1890-х гг. до 1917 г., стали основой для растров, на основе которых были созданы векторные слои (границы волостей, крупные поселения, пути сообщения, реки и т. д.). Далее авторами была проведена группировка на условные этапы: 1890-е — 1911 г., 1911–1914 гг., 1914–1917 гг., чтобы в динамике проанализировать демаркационные процессы внутри волостей. Для объективной оценки исторических факторов, повлиявших на административное деление Каинского округа-уезда в исследуемый период, проводилось сопоставление данных со статистическими данными по Томской губернии и отчетами землеустроительных работ для крестьян-переселенцев в Каинском уезде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Томская губерния, Каинский уезд, волостные границы, поселенческая сеть

Для цитирования: Катионов О Н., Хорохордин Г. С. Определение динамики границ волостей Каинского уезда Томской губернии в конце XIX — начале XX в. методом картографического моделирования сельской сети поселений // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 78–89. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-78-89.

Поступила в редакцию 11.08.2025
Принята к публикации 17.02.2026

© Катионов О. Н., Хорохордин Г. С., 2026

UDC 94(470.31)"18/19":528.92 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-78-89

Oleg N. Kationov
Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University (Russia, Novosibirsk)
ORCID: 0000-0002-7260-0051
E-mail: korolek1953@gmail.com

Georgy S. Khorokhordin
Candidate of Historical Sciences, Siberian Transport University (Russia, Novosibirsk)
ORCID: 0000-0002-7041-9996
E-mail: gkhor@yandex.ru

Analyzing Dynamics of the Development of the Settlement Network of the Kainsky Okrug-Uezd of the Tomsk Governorate in the Late 19th — Early 20th Centuries Using Cartographic Modeling

ABSTRACT. The article deals with the results of the study of the lower administrative-territorial division of the Kainsky okrug-uezd of the Tomsk Governorate in the late 19th — early 20th centuries. The authors conclude that the reforming of volost boundaries in the 1890-1910s was associated with an increase in the number of population. The greatest structural changes took place during the period of mass peasant resettlements to Siberia in the early 20th century. First of all — the gradual liquidation of the system of separate administration for «inorodtsy», followed by the incorporation of these territories into larger volosts. The authors drew on cartographic materials, which enabled them to adhere to the principle of territorial continuity and to identify local changes within certain groups of volosts. In the course of the work, comparative tables were drawn up showing the key changes in the lower division of the Kainsky uezd in the late 19th – early 20th centuries. The main feature of the work was constructing cartographic models for the purpose of spatial visualization of changes in the volost division. The multi-temporal maps, depicting the territory of the Kainsky okrug-uezd from the 1890s to 1917, formed the basis for the raster images used to create the vector layers (volost boundaries, major settlements, transport routes, rivers, etc.). The authors then grouped them into the following conventional stages: the 1890s–1911, 1911–1914 and 1914–1917, in order to analyze the dynamics of the demarcation processes within the volosts. In order to objectively assess the historical factors that influenced the administrative division of the Kainsky okrug-uezd during the period under study, the data were compared with statistical data for the Tomsk Governorate and reports on land surveying works for peasant settlers in the region.

KEYWORDS: Tomsk Governorate, Kainsky uezd, volosts boundaries, settlement network

For citation: Kationov O. N., Khorokhordin G. S. [Analyzing Dynamics of the Development of the Settlement Network of the Kainsky Okrug-Uezd of the Tomsk Governorate in the Late 19th — Early 20th Centuries Using Cartographic Modeling]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 78–89. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-78-89 (In Russian).

Received 11 August 2025
Accepted 17 February 2026

© 2026 The Authors

Введение

В конце XIX — начале XX в. в сибирских губерниях происходил процесс реформирования уездного (окружного) территориального деления. Низовые административные единицы — волости, составлявшие основную внутреннюю структуру крестьянского управления, находились в постоянных динамических изменениях на протяжении всего дореволюционного периода, особенно в начале XX в.[1] Эти процессы в первую очередь были связаны с притоком нового населения из европейской части страны.

Вопросы административного деления Сибири были отражены в специальных исследованиях Д. Н. Гергилева[2], О. В. Скворцовой[3], А. В. Палина[4] и др. История развития сети сельских поселений была исследована Л. Н. Мазур[5], А. И. Татарниковой[6], О. В. Усольцевой[7]. Чаще всего авторы анализируют делопроизводственные документы, статистические сведения, но не используют картографические материалы изучаемой местности. Несмотря на порой подробные сведения о населенных пунктах, различные типы документов не дают полного представления о том, как изменялась территория административной единицы с течением времени. Исходя из этого, возникает необходимость исследования уездно-волостной структуры с помощью разновременных карт.

На примере Каинского округа-уезда Томской губернии были составлены картографические модели, отражающие в динамике изменения волостных границ в конце XIX — начале XX в. Подобные карты позволяют соблюсти принцип территориальной преемственности изначального взятого субрегиона и проследить не только изменения границ, но и состава населенных пунктов. Прямая необходимость подобного историко-географического метода связана с учетом особенностей изучаемого периода, поскольку в годы аграрных переселений начала XX в. волостная структура большинства уездов сибирских губерний претерпевала значительные изменения. Волости могли упраздняться, разъединяться. Из разных частей двух, трех или даже четырех волостей могла быть образована одна новая низовая территориальная единица. Подобные особенности сельской поселенческой структуры невозможно учесть и проанализировать ни с помощью делопроизводственных, ни статистических источников. В связи с этим нельзя не согласиться с позицией Е. С. Гришина и Л. А. Уманского о том, что устойчивым остается ошибочное восприятие карт как иллюстративного материала, основное назначение которых — наглядное сопровождение основного содержания текста. Однако на современном этапе развития науки историческая карта в пространственно-ориентированных исследованиях является важнейшим инструментом приращения знаний, которые не могли быть в готовом виде извлечены из источников, она также является моделью исторического пространства[8].

Источниковедческая сторона исследования

В качестве основного источника исследования был взят корпус картографических материалов, которые содержат информацию о волостных границах Каинского округа-уезда. Именно эти карты стали картографической основой и использовались в качестве растровых слоев картографических моделей: «Карта Каинского округа Томской губернии 1890-х гг.»[9], «Карта Томской губернии

---

[1] Хорохордин Г. С. Административно-территориальное деление (волостного уровня) Томского округа (уезда) Томской губернии во второй половине XIX — первой четверти XX века // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 140.

[2] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в XVIII — начале XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Красноярск, 2020. 52 с.

[3] Скворцова О. В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири в конце XIX — начале XX века: Проблемы организации и реформирования регионального управления: автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 28 с.

[4] Палин А. В. Томское губернское управление в 1895–1917 гг. (структура, компетенция, администрация): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2002. 26 с.

[5] Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение: вторая половина XIX — XX в. Екатеринбург, 2012. 471 с.

[6] Татарникова А. И. Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века: масштабы и социальное развитие. Тобольск, 2013. 236 с.

[7] Усольцева О. В. Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск, 2018. 268 с.

[8] Гришин Е. С., Уманский Л. А. Методические основы регионального исторического картографирования на материале единой цифровой модели европейской части Российской империи // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 1. С. 8.

[9] Российская государственная библиотека (РГБ). Отд. картограф. изд. Ко 21/VII-37.

1900 г.»[10], «Карта заселяемой части Сибири. Томская губерния 1905 г.»[11], «Карта Томской губернии 1910 г.»[12], «Переселенческая карта Томской губернии 1914 г.»[13], «Карта Томской губернии с указанием границ волостей 1914 г.»[14], «Карта Томской губернии с указанием границ волостей, казенно-лесных дач, раздела губерний на Томскую и Алтайскую 1917 г.»[15]. Поскольку все представленные карты изначально созданы в разных картографических проекциях, была проведена их привязка к единой системе координат (в ГИС «QGIS»). Для дополнительной сверки данных о составе сети сельских поселений конкретной волости были использованы статистические материалы, а именно «Списки населенных мест» Томской губернии (1893 г., 1911 г., 1923 г.)[16] и «Памятные книжки» Томской губернии» (1904 г., 1910 г., 1911 г.)[17]. Все картографические материалы были взяты из сводных каталогов карт Сибири и Дальнего Востока, составленных под руководством О. Н. Катионова[18].

Картографирование волостных границ

К концу XIX в. территория Каинского округа (с 1898 г. — уезда) представляла административно-территориальную единицу в составе Томской губернии. По данным 1893 г.[19], внутреннее деление состояло из двенадцати крестьянских волостей и семи «инородческих» управ. Численность населенных пунктов в крестьянских волостях составляла 346 сел и деревень, в «инородческих» — 51 аул. Начиная с 1860-х гг., волость являлась низшей единицей крестьянского самоуправления, образовалась из смежных сельских обществ, с численностью населения от 300 до 2 тыс. чел. Наибольшее расстояние отдаленных селений волости от центра не должно было превышать 12 верст[20]. Однако принятые в европейской части страны стандарты не всегда было возможно реализовать в уездах сибирских губерний. Несмотря на неоднократные попытки (укрупнить по численности, сократить по территории) привести к единому стандарту сибирскую волость, по территории она могла превосходить крупный российский уезд, а в некоторых случаях приближаться к губернскому масштабу, при этом по численности населения могла быть гораздо меньше сельского общества[21]. Если замерить расстояния от волостных центров до окраинных селений ряда волостей Каинского уезда (в конце XIX в.), то средний показатель будет равняться 50 км, что более чем в два раза больше среднего значения европейской части страны. При этом в ходе административных преобразований, которые привели к выделению новых низовых территориальных единиц, это расстояние сокращается до 25–30 км, что может говорить о постепенной унификации стандартов волостных площадей с европейской величиной волости.

Переходя непосредственно к вопросу картографирования исторического процесса изменения волостного деления Каинского округа-уезда, необходимо показать методы работы, которые были использованы при моделировании динамики уездно-волостных границ. В качестве первого растрового слоя была выбрана «Карта Томского округа 1890-х гг.», на которой были отображены большинство сельских поселений и волостные границы Каинского округа[22]. Далее, были поочередно нанесены векторные слои (волостные центры, крупные села и деревни, реки, озера,

---

[10] Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). 10739/10.
[11] ТОКМ. 10739/40.
[12] РГБ. Отд. картограф. изд. Ко 102/III-27.
[13] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 50. Оп. 21. Д. 685.
[14] ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 686.
[15] ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 109.
[16] Список населенных мест Томской губернии на 1893 г. Томск, 1893. 380 с.; Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911. 576 с.; Список населенных мест Томской губернии по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923. 95 с.
[17] Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск, 1904. 463 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910. 317 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911. 287 с.
[18] Сводный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII по 1917 г. / отв. ред. О. Н. Катионов. Новосибирск, 2015; Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII — начала XX в.: справочное издание / сост. О. Н. Катионов [и др.]. Новосибирск, 2019.
[19] Подсчитано по: Список населенных мест Томской губернии на 1893 г. Томск, 1893. 380 с
[20] Крестьянская реформа в России 1861 г. Сборник законодательных актов / под ред. К. А. Сафроненко. М., 1954. С. 43.
[21] Суворова Н. Г. Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения в Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 164.
[22] «Карта Каинского округа Томской губернии 1890-х гг.» // РГБ. Отд. картограф. изд. Ко 21/VII-37.

границы крестьянских и «инородческих» управ) (*см. цв. вклейку, рис. 25*). Поскольку основная задача состояла в историко-тематическом картографировании внутреннего территориального устройства, основной акцент, исходя из принципа генерализации, был сконцентрирован на обозначении лишь крупных сельских населенных пунктов, которые выполняли административные функции, то есть являлись местами расположения волостных правлений. Стоит обратить внимание на то, что «инородческие» управы на карте 1890-х гг. не были обозначены, поэтому, используя соответствующий раздел в «Списке населенных мест», производилась выборка аулов с их последующим нанесением на картографическую модель и определением границ соответствующих «инородческих» управ через современную картографическую подложку (Яндекс-карты), т. к. около 70 % сельских поселений сохранились до наших дней, правда, частично утратив свою изначальную топонимику.

Из элементов социально-экономической инфраструктуры на карту был нанесен Московско-Сибирский тракт, который, являясь ключевой транспортной системой Сибири, проходил через весь Каинский округ-уезд. В данном случае есть определенная закономерность между положением населенного пункта на трактовой дороге и его административным и социально-экономическим статусом. Большинство крупнейших сельских поселений (с численностью населения более 600 чел.) Каинского и Томского уездов Томской губернии, располагавшихся на тракте, впоследствии обретут либо статус волостного центра, либо будут являться местом социального-экономического притяжения для ближайших селений («ядро» поселенческого концентра»)[23].

Следующий хронологический этап, который отображается на картографической модели, — это 1911 г. К этому времени произошли существенные изменения в волостной структуре под влиянием волны крестьянских переселений. Вместо двенадцати волостей в 1893 г. на территории Каинского уезда появились 22 волости. В данном случае важно отметить, что статистические данные дают лишь общую картину о поселенческом составе волостей, но не учитываются территориальные изменения. Помимо типичного способа образования новой территориальной единицы — разделения старожильческой волости на несколько новых с сохранением изначально существующих границ, существовали варианты «сборки» нового территориального образования посредством выделения части территории с соседних волостей. Так, например, из Юдинской волости были выделены Казаткульская и Купинская (при этом сама Юдинская волость осталась, но с меньшим размером территории) — пример разделения старожильческой волости. В то время как новообразованная Меньшиковская волость была образована из северо-восточной части Верхне-Омской, юга Кыштовской, севера Вознесенской и северо-западной части Усть-Тартасской волости. Подобные изменения рисунка поселенческой сети возможно увидеть только через метод картографического моделирования.

На основе привязки нескольких разновременных карт конца XIX — начала XX в. и нанесения второй группы векторных слоев удалось составить сравнительную таблицу (табл. 1), которая детализирует изменения волостного деления Каинского уезда в период с 1893 по 1911 г. (*см. цв. вклейку, рис. 26*).

Таблица 1

Сравнительная таблица реформирования административно-территориального деления Каинского округа-уезда в 1893–1911 гг.

Table 1

Comparative table showing the reforms to the administrative and territorial division of the Kainsky okrug-uezd in 1893–1911

Волости 1893 г.	Волости 1911 г.
Юдинская	Юдинская
	Казаткульская
	Купинская

[23] Хорохордин Г. С. Формирование поселенческих концентров в волостях Томского уезда Томской губернии в первой четверти XX века как отражение локальных особенностей динамики сети сельских поселений // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2023. С. 194–206.

Шипицинская	Шипицинская
	Каминская
Кыштовская	Кыштовская
	Верх-Майзасская
	Верхне-Тарская
Верхне-Омская	Верхне-Омская
Усть-Тартасская	Усть-Тартасская
Вознесенская	Меньшиковская*
	Вознесенская
Покровская	Покровская
	Карачинская**
Нижне-Каинская	Нижне-Каинская
Казанская	Казанская
	Новоярковская
Верхне-Каинская	Верхне-Каинская
	Таскаевская
Убинская	Убинская
	Каргатская
Иткульская	Иткульская
	* Из частей Верхне-Омской, Кыштовской, Спасской и Вознесенской волостей образована Меньшиковская волость. ** Из частей Покровской и Вознесенской волостей образована Карачинская волость.

Составлена по: Список населенных мест Томской губернии на 1893 г. Томск, 1893. 380 с.; Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911. 576 с.; и по результатам картографического анализа в ГИС «QGIS» (геопривязка карт Томской губернии 1890-х гг., 1910 г., 1914 г.).

Из всех новообразованных волостей свои территориальные границы сохранили лишь Иткульская и Усть-Тартасская волости. Особое внимание стоит уделить «инородческому» территориальному делению. С начала XX в. система «инородческих» управ была ликвидирована, все аулы вошли в состав крестьянских волостей, образовав, по сути, волости смешанного типа. К таковым «смешанным» волостям можно отнести Казанскую, Каминскую, Карачинскую, Нижне-Каинскую. Если сравнить составленные картографические модели (*см. цв. вклейку, рис. 25; рис. 26*), то можно увидеть, что именно в эти волости вошли «инородческие» территориальные образования. Данная ситуация типична для Томской губернии. Например, в соседнем Томском уезде к 1911 г. часть «инородческих» волостей и управ вошли в состав крестьянских волостей, однако система самостоятельных «инородческих» волостей (особенно на территории Нарымского края) была упразднена лишь в середине 1920-х гг.[24] На второй модели из элементов социально-экономической инфраструктуры была обозначена Транссибирская магистраль, прохождение которой через территорию Каинского уезда стало еще одним фактором роста численности населения и, как закономерно связано с этим процессом, изменением, образованием новых волостей.

[24] Хорохордин Г. С. Административно-территориальное деление… С. 148.

На завершающем этапе, связанном с дореволюционными изменениями территориальных границ, необходимо рассмотреть процесс реформирования волостей в 1914 и 1917 гг. В период с 1911 по 1914 г. было образовано десять новых волостей — Андреевская, Биазинская, Верх-Красноярская, Верхне-Ичинская, Ичинская, Казачемысская, Романовская, Татарская, Уйская, Чекинская. Подобные активные изменения, характерные для начала XX в., связаны с активной землеустроительной политикой, проводимой на территории Каинского уезда. Заселяемая часть уезда была разделена на четыре переселенческих подрайона: Северо-Каинский (Верхне-Майзасская, Верхне-Тарская, Кыштовская волости), Южно-Каинский (Казаткульская, Юдинская, Карачинская волости), Купинский (Купинская волость), Восточно-Каинский (Иткульская, Каргатская, Убинская)[25]. Если сопоставить локализацию новых «переселенческих» волостей, образованных к 1914 г., с их принадлежностью к переселенческим подрайонам, то видно, что на территории Северо-Каинского переселенческого подрайона были образованы Ичинская, Уйская, Чекинская волости; Южно-Каинского — Романовская, Татарская, Казачемысская; Купинского — Андреевская волость, а к 1917 г. и Новосельская. При этом территории новообразованных Верхне-Красноярской и Верхне-Ичинской волостей, а также Булатовская, образованная в 1917 г., официально не относившиеся к переселенческим подрайонам, также были включены в процесс активного землеустройства, о чем свидетельствует карта 1911 г., составленная Томской переселенческой организацией[26]. Что касается территории, заселяемой в Восточно-Каинском переселенческом подрайоне, то новые волости здесь были образованы только к 1917 г. — это Крутологовская и Миргородская.

Общий процесс изменений административно-территориального деления показан в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительная таблица реформирования административно-территориального деления Каинского округа-уезда в 1911–1917 гг.

Table 2

Comparative table showing the reforms to the administrative and territorial division of the Kainsky okrug-uezd in 1911–1917

Волости 1911 г.	Волости 1914 г.	Волости 1917 г.
Юдинская	Юдинская	Юдинская
	Романовская	Романовская
Казаткульская	Казаткульская	Казаткульская
	Татарская***	Татарская
Купинская	Купинская	Купинская
		Новосельская
	Андреевская	Андреевская
Шипицинская	Шипицинская	Шипицинская
	Верх-Красноярская	Верх-Красноярская
		Ново-Троицкая
Каминская	Каминская	Каминская
Кыштовская	Кыштовская	Кыштовская
	Уйская	Уйская
	Чекинская	Чекинская

[25] Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911. С. 136.

[26] Карта Томской губернии 1911 г. с показанием переселенческих подрайонов // ТОКМ. 107397.

Верх-Майзасская	Верх-Майзасская	Верх-Майзасская
Верхне-Тарская	Верхне-Тарская	Верхне-Тарская
	Ичинская	Ичинская
	Биазинская	Биазинская
Верхне-Омская	Верхне-Омская	Верхне-Омская
	Казачемысская	Казачемысская
Усть-Тартасская	Усть-Тартасская	Усть-Тартасская
Меньшиковская*	Меньшиковская	Меньшиковская
Вознесенская	Вознесенская	Вознесенская
Покровская	Покровская	Покровская
Карачинская**	Карачинская	Карачинская
Нижне-Каинская	Нижне-Каинская	Нижне-Каинская
		Булатовская
	Верхне-Ичинская	Верхне-Ичинская
Казанская	Казанская	Казанская
Новоярковская	Новоярковская	Новоярковская
Верхне-Каинская	Верхне-Каинская	Верхне-Каинская
Таскаевская	Таскаевская	Таскаевская
Убинская	Убинская	Убинская
Каргатская	Каргатская	Каргатская
		Миргородская
Иткульская	Иткульская	Иткульская
		Крутологовская
* Из частей Верхне-Омской, Кыштовской, Спасской и Вознесенской волостей образована Меньшиковская волость. ** Из частей Покровской и Вознесенской волостей образована Карачинская волость	*** Из частей Казаткульской и Карачинской волостей образована Татарская волость	

Картографирование поселенческого состава волостей

При исследовании сети сельских поселений отдельного субрегиона, помимо изменения административного деления, необходимо проследить динамику состава населенных пунктов в отдельных волостях по следующим типологическим критериям: численности населения и социально-экономической специализации. В нашей работе, учитывая специфику рассматриваемого региона и особенности масштабов расселения в конце XIX — начале XX в., была предложена классификация, которая позволит отразить поселенческий статус населенного пункта как по демографическому, так и социально-экономическому положению, а также выявить отдельные территории (группы волостей), схожие по типам селений.

Малые населенные пункты (небольшие деревни, заимки, выселки, зимовья, хутора, однодворки, односелья, починки, дачи, полуказармы, разъезды, юрты, «инородческие» деревни).

Численность населения до 200 чел. Основная сфера занятости населения — сельское хозяйство. Элементы социально-экономической инфраструктуры встречаются крайне редко (как правило, единичными объектами) или отсутствуют.

Средние населенные пункты (деревни, поселки, небольшие села). Численность населения от 200 до 600 чел. Основная сфера занятости — сельское хозяйство. Элементы социальной инфраструктуры в основном представлены церковно-приходскими школами; производственно-экономической — мелкими торговыми лавками и питейными заведениями.

Крупные населенные пункты (села, большие деревни). Численность населения от 600 до 1 тыс. чел. Основная сфера занятости — сельское хозяйство, мелкая торговля, ремесло. Социальная инфраструктура представлена школами, училищами, реже больничными пунктами. Возникает периодическая торговля, представленная ярмарками и базарами. В селениях этого типа находятся узко ориентированные предприятия по выпуску сельскохозяйственной продукции.

Протогородские населенные пункты (села, поселки городского типа). Численность населения свыше 1 тыс. чел. Являются центрами притяжения социально-экономической жизни прилегающих селений. Как правило, параллельно выполняют роль административного (волостного) центра. В поселенческой инфраструктуре представлены основные элементы образовательных, духовных, торговых, производственных объектов[27].

В качестве примера для отображения состава сельских поселений на карте была взята западная группа волостей (Верхне-Омская, Вознесенская, Казаткульская, Карачинская) Каинского уезда с поселенческой структурой на 1911 г. (*см. цв. вклейку, рис. 27*).

Доминирующим типом селений, распространенных в крестьянских волостях, были деревни (средние и крупные селения). Они представляли собой постоянные поселения, не имеющие церкви. По мере своего развития некоторые деревни нередко становились селами. Как правило, деревни доминировали в типической структуре сельских населенных пунктов в районах старого земледельческого освоения. К 1911 г. численность деревень в общей структуре поселенческой сети стала снижаться за счет массового появления нового типа населенных пунктов — переселенческого поселка, который стал основным типом селения в районах нового освоения. Переселенческий поселок представлял собой населенный пункт, образованный в плановом порядке административными органами власти на предназначенной к заселению территории путем выделения мест усадебной оседлости и определенного количества земельных долей для переселяющегося на новые земли сельского населения[28]. Исходя из условий, которые сложились в поселенческой структуре Каинского уезда в 1910-е гг., связанные с переселенческими процессами, на картографическую модель были отдельно добавлены переселенческие поселки. Необходимо отметить, что колонизационный бум, начавшийся в Сибири с 1906 г., оказал ключевое влияние на складывание поселенческой сети Томской губернии. В частности, нормативно-правовая основа, выработанная для организации переселенческого дела, привела в действие землеустроительные механизмы, способствовавшие отведению новых участков для переселявшихся крестьян на казенные земли[29].

Основная масса наиболее крупных протогородских селений располагалась на пути следования Московско-Сибирского тракта — Вознесенское (№ 21: порядковый номер селения *см. цв. вклейку, рис. 27*, *далее* — № …), Камышево (№ 1), Кушаговское (№ 9), Мурашово (№ 8). Вторая группа протогородских сел находилась по течению р. Омь — Казачемысское (№ 4), Красноярское (№ 25), Усть-Тарское (№ 7). Именно эти территории «старого» освоения представляли наиболее выгодные с точки зрения поселенческих условий места для ведения сельского хозяйства и развития кустарных ремесел. Стоит заметить, что каждое из протогородских сел

[27] Хорохордин Г. С. Развитие сети сельских поселений Томской губернии во второй половине XIX — первой четверти XX века (по материалам Томского округа-уезда): дис. … канд. ист. наук. Омск, 2023. С. 111.

[28] Татарникова А. И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 155–162.

[29] Катионов О. Н., Хорохордин Г. С. Государственная политика в отношении сети сельских поселений во второй половине XIX — первой четверти XX в. (на примере Томского уезда Томской губернии) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (23). С. 27.

формировало зону поселенческого концентра, куда входило несколько уровней поселенческой периферии. Например, в Казаткульской волости можно выделить сразу три равноудаленных концентра с центрами («ядром» концентра) в селах Казаткульское (№ 49), Константиновское (№ 60) и Михайловское (№ 59). Вокруг каждого из них формировались уровни периферии, представленные различными типами селений. Так, в Константиновском концентре первый уровень периферии был представлен деревнями Большая Тохта (№ 50) и Аксенова (№ 56) — старожильческими селениями, а переселенческие поселки Воловский (№ 66), Ишимский (№ 65) и Орловский (№ 63) — это второй уровень (места нового освоения).

Отдельно стоит обратить внимание на крупные селения, расположенные в Карачинской волости вдоль Транссибирской магистрали, которые испытали поселенческий бум в связи с проведением железной дороги вблизи их территории. Деревня Кабаклинская (№ 41), которая в конце XIX в. представляла среднее поселение с численностью населения чуть более 300 чел., за 18 лет перешла в разряд крупных населенных пунктов. Численность населения выросла на 147 % (до 825 чел.). Село Покровское (№ 36) (ныне р. п. Чаны Новосибирской области) из небольшого переселенческого поселения (в 1899 г.) превратилось в крупное село и за одиннадцать лет стало центром новообразованной Карачинской волости. Но наибольшего внимания заслуживает пример деревни Татарская Юдинской волости (*см. цв. вклейку, рис. 26,* г. Татарск), численность населения которой в период с 1893 по 1911 гг. возрастает в 48 раз (!), с 148 чел. до 7,2 тыс. чел. Таким образом, использование в практике определения масштабов развития поселенческой структуры метода картографического моделирования позволило представить отдельную группу волостей и выявить пространственно-исторические закономерности, которые было бы проблематично установить с помощью традиционных исторических методов через анализ статистических данных.

Заключение

Динамика масштабов административно-территориального деления территории Каинского округа-уезда Томской губернии в конце XIX — начале XX в. являлась прямым отражением политических и социально-экономических процессов, происходивших в рассматриваемый период на территории юга Западной Сибири. Пересмотр административных границ, начавшийся в начале XX в. в связи с волной массовых крестьянских переселений, существенно изменил структуру поселенческой сети. Если в конце XIX в. существовало двенадцать крестьянских волостей и семь «инородческих» управ, то к 1917 г. их число возросло до 37. При этом необходимо учитывать, что в Каинском уезде, в отличие от Томского, система «инородческого» управления была ликвидирована гораздо раньше, что, по сути, привело к появлению волостей смешанного типа еще на дореволюционном этапе. В ходе работы основной акцент был сделан на применении большого массива картографических материалов, которые выступили не только основой для построения картографических моделей, но и были использованы для уточнения информации о локализации отдельных сельских поселений. В настоящей работе был соблюден принцип территориальной преемственности, что позволило проследить динамику реформирования границ низового уровня (табл. 1, табл. 2) от изначально взятой территории и учесть изменения границ волостей в их ретроспективе. Картографические модели (*см. цв. вклейку, рис. 25, 26, 28*), охватывающие период с 1893 по 1917 г., позволяют оценить исторические этапы формирования дореволюционного административно-территориального деления Каинского округа-уезда Томской губернии. Кроме того, отдельно был рассмотрен вопрос с типологизацией сельских населенных пунктов в отдельной группе волостей уезда (*см. цв. вклейку, рис. 27*). В данном случае картографическое моделирование позволило проследить закономерности в расположении сельских населенных пунктов в поселенческой структуре и выявить места, где существовала прочная поселенческая связь между протогородскими селами и периферийными деревнями и поселками.

References

Gergilev D. N. *Administrativno-territorial'noye upravleniye Sibir'yu v imperskom regionalizme XVIII — nachala XX v.:* avtoref. dokt. dis. [Administrative and Territorial Governance of Siberia

in the Imperial Regionalism of the 18th – early 20th Centuries: Abstr. Diss. Doct.]. Krasnoyarsk, 2020. (In Russian).

Grishin E. S., Umansky L. A. [Methodological Foundations of Regional Historical Mapping Based on the Material of a Unified Digital Model of the European Part of the Russian Empire]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022. vol. 1, no. 1, pp. 6–29. EDN: YXKIQO. DOI: 10.58529/2782-6511-2022-1-1-6-29 (In Russian).

Kationsov O. N., Khorokhordin G. S. [State Policy on the Network of Rural Settlements in the Second Half of the XIX — First Quarter of the XX Century (By the Example of the Tomsk District of the Tomsk Province)]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: Gumanitarnyye issledovaniya* [The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian research], 2024, no. 4 (23), pp. 24–37. EDN: XXUPWY. DOI: 10.52170/2618-7949_2024_23_24 (In Russian).

Khorokhordin G. S. [Administrative-Territorial Division of the Territory of the Tomsk District Uyezd (Region) of the Tomsk Province in the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2021, no. 5 (19), pp. 140–154. EDN: CZGWAO. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-5-12 (In Russian).

Khorokhordin G. S. [Formation of Settlement Concentrations in the Volosts of the Tomsk Uezd of the Tomsk Governorate in the First Quarter of the 20th Century as a Reflection of Local Features of the Dynamics of the Rural Settlement Network]. *Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Novosibirsk, 20–23 sentyabrya 2023 goda* [Actual Problems of Historical Research: The View of Young Scientists: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Youth Scientific Workshop-Conference with International Participation, Novosibirsk, September 20–23, 2023]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2023, pp. 194–206. (In Russian).

Khorokhordin G. S. *Razvitiye seti sel'skikh poseleniy Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — pervoy chetverti XX veka (po materialam Tomskogo okruga-uyezda):* kand. dis. [Development of the Rural Settlement Network of the Tomsk Governorate in the Second Half of the 19th — First Quarter of the 20th Century (Based on the Materials of the Tomsk Okrug-Uezd): Diss. cand.]. Omsk, 2023. (In Russian).

Mazur L. N. *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noye izmereniye (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Russian Village in the Context of Urbanization: Regional Dimension (Second Half of the 19th–20th Centuries)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2012. (In Russian).

Palin A. V. *Tomskoye gubernskoye upravleniye v 1895–1917 gg. (struktura, kompetentsiya, administratsiya):* avtoref. kand. dis. [Tomsk Provincial Governance in 1895–1917 (Structure, Competence, Administration): Abstract. diss. cand.]. Kemerovo, 2002. (In Russian).

Skvortsova O. V. *Administrativno-territorial'noye ustroystvo Vostochnoy Sibiri v kontse XIX — nachale XX veka: problemy organizatsii i reformirovaniya regional'nogo upravleniya:* avtoref. kand. dis. [Administrative-Territorial Structure of Eastern Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries: Problems of Organization and Reform of Regional Governance: Abstr. diss. cand.]. Ulan-Ude, 2006. (In Russian).

Suvorova N. G. [Volost as an Instrument of Integration of Russian and Non-Russian Population of Siberia in the Late 18th — First Half of the 19th Century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2006, no. 2, pp. 160–173. EDN: HTNBLX. (In Russian).

Tatarnikova A. I. *Set' sel'skikh poseleniy Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: masshtaby i sotsial'noye razvitiye* [The network of Rural Settlements in Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century: Scale and Social Development]. Tobolsk: Tyumenskiy izdatel'skiy dom Publ., 2013. EDN: XVHJSL. (In Russian).

Tatarnikova A. I. [Resettlement Towns in Western Siberia in the Late Imperial Period: Population, Social Infrastructure, Sanitary Condition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 417, pp. 155–162. EDN: YQPYCD. DOI: 10.17223/15617793/417/22 (In Russian).

Usoltseva O. V. *Sel'skaya poselencheskaya set' Tomskoy oblasti (1940–1980-ye gg.)* [Rural Settlement Network of Tomsk Oblast (1940–1980s)]. Tomsk: DEMOS Publ., 2018. EDN: YVCITY. (In Russian).

Историко-культурное ландшафтоведение

УДК 902.2(524.52)"638" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-90-109

Соларёв Павел Александрович
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0009-0005-3781-7895
E-mail: solaryov2014@yandex.ru

Памятники саргатской культуры в Омском Прииртышье: история изучения и локализация*

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлено исследование памятников саргатской культуры с использованием методов картографирования и анализа природно-географических, геоморфологических и почвенных условий расположения известных комплексов на основе составления подробной истории исследований саргатской культуры в Омской области. Первые задокументированные раскопки памятников были произведены еще в конце XIX — начале XX в. сотрудниками музея при Западно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества (ЗСО(И)РГО) и Государственного Западно-Сибирского краевого музея (ГЗСКМ). В 1960–1970-е гг. на территории Омской области сошлись интересы экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В. А. Могильникова, Уральской археологической экспедиции (УАЭ) под руководством В. Ф. Генинга и экспедиции Томского государственного университета под руководством В. И. Матющенко. В 1970–1980-е гг. в рамках активной хоздоговорной деятельности археологов Омского государственного университета были проведены масштабные исследования памятников, в результате которых были получены материалы, характеризующие элиту саргатского общества из Сидоровского-I и Исаковского-I могильников. С 1990-х по начало 2010-х гг. большая часть исследований была связана со спасательными и хоздоговорными работами омских археологов. С 2021 г. междисциплинарным исследованием саргатской культуры в Омском Прииртышье занимается совместная экспедиция ИИиА УрО РАН, УрФУ и ОмГПУ под руководством С. В. Шараповой и М. А. Грачева. Установление локализации исследованных памятников при использовании метода картографирования позволяет сделать наблюдение о различных геоморфологических и почвенных условиях расположения саргатских комплексов. Статью сопровождают две карты, одна из которых демонстрирует географическое распределение исследованных памятников, а вторая показывает их расположение на карте высот, подчеркивая различие ландшафтов Омского Прииртышья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: археология, ранний железный век, Западная Сибирь, саргатская культура, Омское Прииртышье, локализация памятников

Для цитирования: Соларёв П. А. Памятники саргатской культуры в Омском Прииртышье: история изучения и локализация // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 90–109. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-90-109.

Поступила в редакцию 04.05.2026
Принята к публикации 06.07.2026
© Соларёв П. А., 2026

*Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования» (регистрационный номер НИОКТР: 124032100052-6).

Historical and Cultural Landscape Studies

UDC 902.2(524.52)"638" DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-90-109

Pavel A. Solarev
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0009-0005-3781-7895
E-mail: solaryov2014@yandex.ru

The Sargat Culture Sites in the Omsk Irtysh River Basin: History of Research and Localization

ABSTRACT. The article presents a study of the Sargat culture sites utilizing methods of mapping and analysing the natural, geographical, geomorphological, and soil conditions of the locations of known complexes, based on a detailed history of research into the Sargat culture in the Omsk region The first documented excavations of these archaeological sites were conducted as early as the late 19th and early 20th centuries by staff of the museum at the West Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society and the State West Siberian Regional Museum. In the 1960s and 1970s, the interests of the expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, led by V.A. Mogilnikov, the Ural Archaeological Expedition (UAE), led by V.F. Gening, and the expedition of Tomsk State University, led by V.I. Matyushchenko, converged in the Omsk region. In the 1970s and 1980s, archaeologists from Omsk State University conducted large-scale investigations, yielding materials characterizing the elite of the Sargat society from the Sidorovsky-I and Isakovsky-I burial grounds. From the 1990s to the early 2010s, much of the research was related to rescue and contract work by Omsk archaeologists. Since 2021, a joint expedition comprising the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University and Omsk State Pedagogical University, led by S.V. Sharapova and M.A. Grachev, has been conducting interdisciplinary research into the Sargat culture in the Omsk-Irtysh region. Determining the location of the studied sites using the mapping method allows drawing conclusions about the various geomorphological and soil conditions in which the Sargat complexes are situated. The article is accompanied by two maps. The first one illustrates the geographical distribution of the sites studied, whilst the second shows their location on an elevation map, highlighting the diversity of the landscapes of the Omsk Irtysh region.

KEYWORDS: archaeology, Early Iron Age, Western Siberia, Sargat culture, Omsk Irtysh River basin, localization of sites

For citation: Solarev P. A. [The Sargat Culture Sites in the Omsk Irtysh River Basin: History of Research and Localization]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 90–109. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-90-109 (In Russian).

Received 4 May 2026
Accepted 6 July 2026

© 2026 The Author

Введение

Важнейшими направлениями в изучении археологических древностей являются картографирование и анализ геоморфологических и почвенных условий существования известных памятников, позволяющие выявить определенные закономерности в их расположении и рассмотреть стратегию освоения людьми прошлых эпох различных форм ландшафта. Исследования такого рода позволяют дополнить археологический контекст и рассмотреть некоторые особенности приспособления древнего населения к различным природным условиям, поскольку «вмещающий ландшафт под воздействием человека во все археологические эпохи определял необходимость адаптации социумов к происходившим трансформациям»[1].

В качестве исследуемой области нами было выбрано Омское Прииртышье, как один из основных регионов распространения памятников саргатской археологической общности раннего железного века, существовавшей на территории лесостепной зоны Западной Сибири в пределах VII–VI вв. до н. э. — II–III в. н. э. Значительная часть материалов на сегодняшний день остается неопубликованной, что затрудняет определение как общего числа исследованных объектов, так и их расположения. Известные же случаи картографирования памятников эпохи раннего железа на территории Омской области, на наш взгляд, следует считать неудачными или устаревшими, поскольку к числу саргатских различными исследователями нередко относились комплексы, связанные с другими эпохами, археологическими культурами, и на основе неоднозначных и малоинформативных находок. Так, в состав сводной карты памятников В. А. Могильникова вошли памятники Изылбаш, Безымянное, Кип (эпоха средневековья), Битые горки и Ачаир (эпоха бронзы), Богочаново и Ямсыса-VII (богочановская культура эпохи раннего железа), Красноозерка (красноозерская культура эпохи поздней бронзы) и др[2]. Некоторые из таких памятников были отнесены к общему числу по отдельным фрагментам керамики саргатского облика. В дальнейшем карта В. А. Могильникова использовалась другими исследователями и не подвергалась критическому анализу и уточнению, сообщая те же сведения[3]. Подобная ситуация, на наш взгляд, связана с отсутствием подробной истории исследований саргатской культуры в Омском Прииртышье. В то же время геоморфологические и почвенные условия существования саргатских памятников Прииртышья специально еще не исследовались.

Целью данной работы является анализ расположения археологических объектов в контексте геоморфологических и почвенных особенностей различных ландшафтов на основе подробной истории изучения памятников саргатской культуры в Омском Прииртышье.

История изучения саргатской культуры в Омском Прииртышье

История изучения саргатской культуры на территории Омского Прииртышья насчитывает уже более ста лет. Всю историю исследований саргатских памятников в данном регионе следует разделить на несколько этапов, каждый из которых испытал влияние конкретной исторической эпохи и был связан с конкретными исследовательскими интересами и задачами.

1. Деятельность сотрудников ЗСО(И)РГО: конец XIX — начало XX в.
2. Краеведческий этап: конец 1920-х — начало 1960-х гг.
3. «Поиск границ культуры»: 1960-е — конец-1970-х гг.
4. Работы Омского государственного университета: конец 1970-х — начало 1990-х гг.
5. Работы омских археологов в постсоветский период: 1990-е — начало 2010-х гг.
6. Современный этап: с 2020 г.

Первые задокументированные данные о проведенных археологических работах следует отнести к последней четверти XIX в., когда заведующим археологическим отделом музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО(И)РГО) А. П. Плаховым были произведены раскопки восьми курганов у д. Николаевка вблизи Омска[4].

[1] Чаиркина Н. М. Модели освоения вмещающего ландшафта в мезолите — раннем железном веке Зауралья (по материалам торфяниковых памятников) // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 42–49.

[2] Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 294–295.

[3] Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири / Матвеева Н. П. [и др.]. Новосибирск, 2005. С. 16–17.

[4] Жук А. В. История археологического изучения Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2007. Вып. 4. С. 8–9.

К сожалению, в силу отсутствия подробной полевой документации о проведенных работах невозможно установить, какое количество курганов однозначно являлись саргатскими. Тем не менее от раскопок 1897 г. в составе археологического фонда современного Омского государственного историко-краеведческого музея сохранились два сосуда, один из которых имеет округлое дно и характерную для саргатской керамики орнаментацию в виде «елочки» на шейке[5]. Примечательно, что А. П. Плахов отнес раскопанные им курганы к позднему этапу эпохи железного века и заключил следующее: «…народ, оставивший курганы, малокультурен и не может быть отнесен более трех-четырех веков от нашего времени»[6]. В дальнейшем, в 1918 г., в разгар Гражданской войны, в Омск прибыл А. В. Попов — врач, прозектор и исследователь древностей из Оренбурга. Будучи избранным в члены того же географического общества, он стал инициатором исследования курганов у села Новотроицкое и у станицы Захламинское[7]. Раскопки были проведены достаточно спонтанно, и о какой-либо полевой документации, связанной с данными работами, ничего неизвестно. От упомянутых работ в фондах ОГИК музея сохранился круглодонный сосуд эпохи раннего железа, орнаментированный рядом защепов в верхней части тулова[8]. Учитывая как внешний облик, так и историю поступления данного предмета в музей, возможно говорить о том, что А. В. Поповым проводились раскопки саргатского кургана.

В 1921 г. музей ЗСОРГО становится самостоятельным от географического общества учреждением и начинает именоваться Государственным Западно-Сибирским краевым музеем (ГЗСКМ)[9]. Весной 1926 г. по приглашению директора музея В. Ф. Мелёхина в Омск приезжает выпускница 1-го МГУ и ученица археолога В. А. Городцова — Варвара Павловна Левашева. С марта этого же года она становится заведующей археологическим отделом и уже в июне производит разведку в окрестностях Омска, в ходе которой ей были раскопаны два кургана у д. Чернолучье и собран подъемный материал у с. Захламино[10]. В 1927 г. В. П. Левашевой был обследован 1-й Кокоовский курган (самовольно раскопанный сотрудником Окрфинотдела И. И. Матанасом), раскопан 2-й Кокоовский курган, давший синхронные материалы с разграбленным. Также был исследован 1-й Саргатский курган, в котором оказалось большое количество целых сосудов. Все изученные в период 1926–1927 гг. курганы, как в Омском, так и в Барабинском округах, В. П. Левашева разделила на две хронологические группы. Указанные памятники она отнесла к культуре «скифского типа» периода около нашей эры[11]. В 1928 г. был исследован 2-й саргатский курган, также давший большое количество целых сосудов, однако как в этом, так и в последующем 1929 г. большинство памятников, обследованных Варварой Павловной, не были связаны с периодом раннего железного века. В 1929 г. в ходе конфликта между краевым музеем и ЗСО РГО был уволен директор музея В. Ф. Мелёхин, а после Омск покинула и В. П. Левашева. Несмотря на непродолжительный период работы, именно Варвару Павловну следует считать первым профессиональным археологом, проводившим работы в Омской области[12].

Довольно важное место в истории изучения памятников археологии на территории Омской области занимает Андрей Фёдорович Палашенков — энциклопедист, краевед и сторонник сохранения памятников истории и культуры из Смоленска. 1 ноября 1936 г. он становится научным сотрудником Областного краеведческого музея, а в 1943 г. — его директором. Поскольку в состав Омской области с 1934 по 1943 г. входили современные Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа, экспедиционная деятельность А. Ф. Палашенкова охватывала территории от зоны лесостепи до Крайнего Севера. После выделения указанных территорий в самостоятельные административные единицы им было продолжено исследование памятников в рамках современной Омской области вплоть до 1960-х гг. Для истории изучения памятников

---

[5] ОМК-4588 // Фонд археологии ОГИК музея.

[6] Отчет о деятельности ЗСОИРГО за 1897 год. Омск: Типография окружного штаба, 1899. С. 63.

[7] Жук А. В. Указ. соч.

[8] ОМК-4591 // Фонд археологии ОГИК музея.

[9] История Омского краеведческого музея в документах и публикациях. Омск: ОГИК музей, 2025. Ч. 1. Музей в 1878–1934 гг. С. 180.

[10] Левашева В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Зап. Сибирского музея за 1926–27 гг. // Известия / Гос. Западно-Сибирский музей. Омск, 1928. № 1. С. 158.

[11] Там же.

[12] Жук А. В. Указ. соч.

саргатской культуры важно, что Андреем Фёдоровичем собирались данные у местных жителей и исследователей-краеведов о памятниках древней истории, а также производились сборы подъемного материала, в том числе и на объектах раннего железного века, многие из которых спустя десятилетия были исследованы профессиональными археологами. К таким относятся памятники вблизи следующих населенных пунктов: Сеткулово, Карташево, Бещаул, Стрижево, Горная Бития, Красноярка, Кокоровка, Богдановка и др.[13]

В 1960–1970-е гг. на территории Омской области сходятся интересы Уральской археологической экспедиции (УАЭ) под руководством В. Ф. Генинга, Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством В. А. Могильникова и экспедиции Томского государственного университета под руководством В. И. Матющенко (затем Среднеиртышская экспедиция Омского государственного университета).

Владислав Александрович Могильников, окончив в 1956 г. историко-филологический факультет Молотовского государственного университета (современный ПГНИУ) и успев принять участие в Камской археологической экспедиции под руководством О. Н. Бадера в 1960 г., поступил в аспирантуру ИА АН СССР, став учеником В. Н. Чернецова[14]. Последний относил население лесостепной зоны Прииртышья эпохи бронзы и раннего железа к древне-угорской общности[15]. Работы В. А. Могильникова в Омском Прииртышье являются продолжением исследований угорской проблематики его учителей.

Первые разведки памятников на территории Омской области отряд, возглавляемый В. А. Могильниковым, осуществил еще в 1961–1962 гг., однако лишь в 1966 г. им были обследованы памятники раннего железа, такие как Каргановское и Богдановское городища, раскопаны два кургана на Артынском могильнике, курган на могильнике Калачевка-I, были обследованы курганы у д. Кокоровка[16]. В 1967 г. исследованы пять курганов у д. Кокоровка, заложен раскоп на Кокоровском поселении[17]. В 1968 г. В. А. Могильниковым был раскопан курган у д. Богданово, два кургана у д. Окунево, четыре кургана у д. Горная Бития и там же заложена траншея на городище[18]. В 1969 г. заложен раскоп на Богдановском городище и исследованы три кургана у д. Стрижево[19]. В 1970 г. произведены работы на двух курганах у д. Богдановка, обследовано Карташевское городище и раскопаны одиночный курган у д. Сеткулово и курган у д. Кокоровка, заложен шурф на поселении Кокоровка-II[20]. В 1972 г. у д. Окунево были вскрыты шесть курганов, давшие материалы саргатской культуры[21]. В 1973 г. был раскопан курган на могильнике Богданово-II и обследовано Саратовское городище[22]. В 1974 г. исследовался один из курганов Богдановского могильника[23]. В 1976 г. были проведены раскопки кургана у д. Исаковка и двух курганов на Богдановском-III могильнике[24]. В 1977 г. В. А. Могильниковым изучены шесть курганов у д. Богдановка и заложен раскоп на Богдановском городище[25]. В 1978 г. исследовались два кургана на Саратовском

[13] Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 139–145; Он же. Материалы к археологической карте Омской области // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 131, 134, 144; Он же. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири: История и археология. Омск, 1987. С. 120–121; Он же. Материалы к археологической карте Омской области // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 156–158, 160–164, 166; Он же. Материалы к археологической карте Омской области // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2003. С. 148.

[14] Турова Н. П. О настоящем ученом и педагоге (памяти В. А. Могильникова) // Сборник научных работ, посвященный 30-летнему юбилею исторического факультета ТГСПА им. Д. И. Менделеева. Тобольск, 2009. С. 8–10.

[15] Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 69–71.

[16] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1965–1968 гг. М., 2013. С. 199.

[17] Там же. С. 281.

[18] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1969–1971 гг. М., 2017. С. 53.

[19] Там же. С. 147.

[20] Там же. С. 256.

[21] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1972–1974. М., 2020. С. 192.

[22] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1975–1977. М., 2023. С. 232.

[23] Там же. С. 233.

[24] Могильников В. А., Колесников А. Д., Куйбышев А. В. Работы в Прииртышье // АО 1976 года. М., 1977. С. 225–226.

[25] Могильников В. А., Куйбышев А. В. Работы в Среднем Прииртышье // АО 1977 года. М., 1978. С. 259–260.

курганном могильнике, продолжено изучение Богдановского городища[26]. В 1981 г. раскопаны три кургана на могильнике Карташево-I и семь курганов на могильнике Карташево-II[27]. Все приведенные выше памятники, изучавшиеся отрядом под руководством В. А. Могильникова, относятся к саргатской археологической культуре раннего железного века. Исследования Владислава Александровича до сих пор можно считать одними из самых масштабных на территории Омской области. Всего за время его работы в Прииртышье в 1960 — начале 1980-х гг. был раскопан 51 курган и заложены раскопы на 5 городищах и 1 поселении саргатской культуры. Примечательно, что фактически все исследования саргатских памятников Западно-Сибирского отряда Института археологии АН СССР проводились на правом берегу, за исключением могильника Калачёвка-I. Именно на основе исследований на правобережье Иртыша В. А. Могильниковым была очерчена наиболее северная территория распространения саргатских памятников, проходящая по расположению памятников Окуневского археологического микрорайона. К наиболее южным памятникам, исследованным в это время, относятся курганы и поселение у д. Кококовка.

Одновременно с работами В. А. Могильникова масштабное исследование археологических памятников Омской области осуществляли археологи Уральского государственного университета. Начало этих работ было связано с организацией Уральской археологической экспедиции (УАЭ) под руководством В. Ф. Генинга. Еще в 1952 г. Владимир Фёдорович окончил историко-филологический факультет Молотовского государственного университета под руководством О. Н. Бадера, получив опыт работы в Камской археологической экспедиции. С 1954 г. была организована Удмуртская археологическая экспедиция, для руководства которой был приглашен В. Ф. Генинг. В 1959 г. по материалам работ в Удмуртии им была защищена диссертация, посвященная пьяноборской культуре. С 1960 г. он становится доцентом кафедры истории СССР исторического факультета в Уральском государственном университете и уже в 1961 г., имея опыт работы в Камской и Удмуртской экспедициях, организовывает Уральскую экспедицию[28].

В целом значительная часть изысканий археологов УрГУ на территории Омской области была связана с древностями эпохи камня и бронзы, однако ряд памятников содержал и культурные слои раннесаргатского времени, было раскопано несколько саргатских курганов. В 1964 г. В. Ф. Генингом и В. В. Евдокимовым была произведена разведка по правому берегу р. Иртыш, в ходе которой были исследованы памятники раннего железа у д. Луговая, Горная Бития, Красноярка, Каргановка[29]. В 1965 г. В. Ф. Генингом и Г. Б. Здановичем исследовалось Розановское городище[30]. В 1966 г. В. А. Овчинниковым и Н. А. Федюневой была проведена разведка вдоль обоих берегов Иртыша, в ходе которой были выявлены группы курганов у таких населенных пунктов, как Большеречье, Батаково, Новопокровка, Исаковка, Стрижево, Карташево и Артын. Вблизи д. Исаковка также было выявлено поселение, а недалеко от д. Карташево отмечено местонахождение керамики[31]. В 1967 г. экспедицией в составе В. Ф Генинга, В. А. Овчинникова, В. И. Стефанова и др. проведена серия разведок на Иртыше и выявлен ряд памятников, среди которых было городище Инберень-IV[32]. В 1968 г., в ходе раскопок грунтового могильника эпохи бронзы Черноозерье-I под руководством В. Ф. Генинга и Н. К. Ещенко (Стефановой), были выявлены и раскопаны три кургана саргатской культуры, два из которых входили в состав большого кургана[33]. В 1971 г. В. Т. Петрин обследовал курганы у д. Красноярка и одиночный курган у д. Чернолучье[34]. В 1973 г. Н. К. Стефановой производились археологические работы на городище Инберень IV[35]. В 1975 г. Л. Н. Корякова провела раскопки четырех курганов у с. Красноярка и продолжила работы

[26] Могильников В. А. Исследования в Среднем Прииртышье // АО 1978 года. М., 1979. С. 254–255.
[27] Могильников В. А. Работы Алтайской экспедиции // АО 1981 года. М., 1983. С. 217–218.
[28] Овчинникова Б. Б. К 90-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга (1924–1993) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: «Гуманитарные науки». 2014. № 3 (130). С. 300–304.
[29] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1965–1968 гг. С. 20.
[30] Там же. С. 94.
[31] Там же. С. 283.
[32] Там же С. 245.
[33] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1969–1971 гг. С. 212.
[34] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1972–1974. С. 74.
[35] Там же. С. 359.

на городище Инберень-IV[36]. В этом же году В. И. и Н. К. Стефановыми исследовались памятники поздней бронзы поселение Инберень-V и городище Инберень-VI, содержащие фрагменты сосудов саргатского облика[37]. В 1976 г. В. И. Стефановым был раскопан курган саргатской культуры у д. Старый Карасук (Старокарасук)[38]. В 1977 г. Н. К. и В. И. Стефановыми обследованы Розановское и Каргановское городища[39]. К концу 1970-х гг. интерес уральских археологов к памятникам Омской области пошел на спад, хотя отдельные работы проводились и в 1980-е гг. Так, в 1984 г. в музей археологии и этнографии Омского государственного университета поступила коллекция предметов с раскопок поселения Сибирская Саргатка, проводившихся под руководством Н. К. Стефановой, а в 1985 г. были проведены совместные работы Н. К. Стефановой и А. Я. Труфанова на этом же памятнике[40,41]. Наибольший вклад в изучение памятников саргатской культуры Прииртышья археологами Уральского государственного университета состоит в масштабном обследовании памятников вдоль обоих берегов Иртыша. При этом если большая часть исследований В. А. Могильникова была связана с правым берегом, то уральцы фактически закрепились на левом берегу, последовательно исследуя многослойные и разнокультурные памятники. Всего за 1960–1970-е гг. уральскими археологами было исследовано 8 курганов, 3 городища и 3 поселения. Два поселения при этом относились к эпохе поздней бронзы, но содержали керамику раннесаргатского облика. Стоит отметить, что не менее интенсивно члены Уральской археологической экспедиции исследовали в это время комплексы раннего железа в других регионах — в Тюменской, Челябинской и Свердловской областях.

Исследования 1960–1970-х гг. вылились в дискуссию археологов УрГУ и В. А. Могильникова о границах исследуемой культуры: о хронологии и соотношении исследованных памятников с другими комплексами эпохи раннего железа. Подводя некоторые итоги исследований, в 1969 г. В. Е. Стоянов выделил различные виды памятников, среди которых были поселения Среднего Иртыша с керамикой розановского типа, датируемой VI–IV вв. до н. э., и поселения с речкинской керамикой, датируемой IV в. до н. э. — II в. н. э. В. А. Могильников же указывал на синхронность залегания розановской и саргатской керамик на Богдановском городище. В 1970 г. была опубликована статья под авторством В. Ф. Генинга, Л. Н. Коряковой, Н. В. Федоровой и Б. Б. Овчинниковой, в которой авторы выделяли «абатскую культуру» и относили к ней все памятники раннего железа Омского Прииртышья и Приишимья. Внутри культуры выделялись два этапа: «кокоиовский», от начала железного века до III в. до н. э., и «саргатский», датируемый II в. до н. э. — II в. н. э.[42] Однако в 1972 г. В. А. Могильниковым были опубликованы материалы раскопок Саргатских и Кокоиовских курганов В. П. Левашевой 1927–1928 гг. и опубликована статья в сборнике «Проблемы археологии и древней истории угров», где были подробно описаны основные черты памятников раннего железа, изучаемые в эти годы археологами на территории Западной Сибири, описаны особенности погребального обряда и своеобразие инвентаря[43,44]. После публикации данных работ в литературе закрепилось название культуры как «саргатской».

К 1980-м гг., в связи с основанием в 1974 г. Омского государственного университета и последующим переездом из Томска в Омск В. И. Матющенко, а также появлением в Омском педагогическом институте археологов А. И. Петрова, Б. А. Коникова и Е. М. Данченко, инициатива в исследовании памятников Среднего Прииртышья перешла к омским археологам. Однако эти

[36] Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1975–1977. С. 171.
[37] Там же. С. 352.
[38] Стефанов В. И. Исследования в Среднем Прииртышье // АО 1976 года. М., 1977. С. 244–245.
[39] Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Работы в Среднем Прииртышье // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 240–241.
[40] Кильдюшева А. А., Баглай С. С. Археологический фонд музея археологии и этнографии ОмГУ: история формирования (1976–1986 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 209, 219.
[41] Стефанова Н. К. Отчет о раскопках поселения Сибирская Саргатка I в Саргатском районе Омской области в 1985 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 40-2.
[42] Корякова Л. Н. Из истории изучения саргатской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 113–121 (Вопросы археологии Урала; вып. 16).
[43] Могильников В. А. Кокоиовские и саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 119–133.
[44] Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 66–86.

исследования имели свою специфику. Основной областью интересов В. И. Матющенко, как главного организатора археологической науки в Омске, была археология Обь-Иртышья периода неолита-бронзы, вследствие чего археологические изыскания большинства учеников Владимира Ивановича были так или иначе связаны именно с этим периодом. Исследования же археологов ОмГПИ, в частности Б. А. Коникова и Е. М. Данченко, касались прежде всего памятников юга таежной зоны Омской области. Тем не менее именно в 1980-е гг. были произведены масштабные исследования памятников саргатской культуры, давшие наиболее яркие и представительные материалы. Работы этих лет были связаны с активной хоздоговорной деятельностью сотрудников Омского государственного университета. Отдельные саргатские памятники также исследовались в ходе разведок, связанных с поиском памятников эпохи неолита-бронзы и в связи с уточнением культурно-хронологической принадлежности различных объектов. Еще в 1975 г. археологи УрГУ заключили договор с Омским краеведческим музеем для систематизации археологических коллекций. Структура работ предполагала шифровку, атрибуцию и изучение культурной принадлежности материалов. Также проводились полевые археологические исследования для уточнения данных о памятниках, материалы которых хранились в музее. В основном в ходе коротких разведок уральцы наткнулись на памятники неолита-бронзы и частично средневековья. Работами занимались В. Т. Петрин, Н. К. и В. И. Стефановы и др. В 1977 г. систематизацию фондов музея продолжил уже ОмГУ в лице В. И. Матющенко, А. И. Петрова и И. Г. Глушкова[45, 46]. Именно в рамках этих работ проводились полевые исследования в разных районах Омской области, в процессе которых под руководством В. И. Матющенко были раскопаны два саргатских кургана у с. Новооболонь и заложен раскоп на Кокоповском поселении. Остальные памятники, обследованные в этот год, были связаны с эпохами бронзы и средневековья. В 1979 г. в ходе разведки А. Я. Труфанова была обнаружена керамика саргатского облика на городище Усть-Логатка-I[47]. В 1981 г. им же были произведены работы на поселении Новотроицкое-I, где вместе с керамикой поздней бронзы были обнаружены сосуды раннесаргатского облика[48]. В 1982 г. под руководством А. Я. Труфанова была проведена разведка в Горьковском и Нижнеомском районах Омской области, в ходе которой были обследованы курганные могильники Исаковка-I и Исаковка-III, раскопаны два кургана на могильнике Исаковка-II, оказавшиеся саргатскими. Также был заложен шурф на поселении Малая Хомутинка-III и обследовано поселение Киршовка-I. На обоих памятниках в ходе разведки обнаружена саргатская керамика[49]. В 1983 г. В. И. Матющенко были раскопаны три кургана на могильнике Исаковка-III (материалы опубликованы)[50,51]. В 1986 г. экспедицией В. И. Матющенко были проведены раскопки пяти курганов могильника Сидоровка-I, давшие выразительные материалы (материалы опубликованы)[52]. В 1987 г. Л. И. Погодиным были проведены раскопки десяти курганов на памятниках Стрижево-II и Стрижево-III[53]. А. Я. Труфановым раскопан курган Сибсаргатка-II[54]. В 1988 г. под руководством Л. И. Погодина исследованы десять

[45] Матющенко В. И., Петров А. И., Глушков И. Г. Отчет по научной обработке и систематизации археологического фонда Омского областного краеведческого музея. Омск, 1977. Т. 5. 192 с. // ОГИК-музей.

[46] Матвеев А. В. О работе А. И. Петрова в Омском областном краеведческом музее в 1970-е гг. // Рыцарь сибирской археологии. Омск, 2007. С. 140–147.

[47] Труфанов А. Я. Разведка в Тюкалинском районе Омской области в 1979 г. Полевая документация // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 19-1.

[48] Труфанов А. Я. Отчет о раскопках городища Ямсыса-VII и поселения Новотроицкое-I, проведенных Омским государственным университетом в 1982 году. Омск, 1982. 20 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д 33-1.

[49] Труфанов А. Я. Отчет об археологических работах, проведенных Среднеиртышской археологической экспедицией Омского государственного университета в Омском и Нижнеомском районах Омской области в 1984 году. Омск, 1985. 68 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 39-1.

[50] Матющенко В. И. Отчет об археологических исследованиях курганов у с. Исаковка Горьковского района Омской области, проведенных в 1985 году. Омск, 1985. 53 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 41-1.

[51] Погодин Л. И., Труфанов А. Я. Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 98–127.

[52] Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.

[53] Погодин Л. И. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского-II и Стрижевского-III могильников в Нижнеомском районе Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1987 году. Омск, 1988. 86 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 53-1.

[54] Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург, 2011. С. 178.

курганов на могильниках Бещаул-II, Бещаул-III, Бещаул-IV[55]. В этом же году С. С. Тихоновым проведена разведка вдоль берегов р. Омь, в ходе которой была собрана саргатская керамика на городище Киршовка-II и установлено местонахождение Киршовка-III[56]. В 1989 г. А. Я. Труфановым были проведены археологические работы на двух курганах Кокоповского-I могильника, обследовано поселение Калугино-I, открытое ранее И. Г. Глушковым и содержащее сузгунскую, красноозерскую и саргатскую керамику. Также был собран подъемный материал, включающий саргатскую керамику на поселении Березово-II[57]. В этом же году были проведены раскопки восьми курганов Исаковского-I могильника под руководством Л. И. Погодина, содержащих нетронутые захоронения элиты саргатского общества[58]. В 1990 г. Л. И. Погодиным были раскопаны еще два кургана на могильнике Исаковка-I, а А. Я. Труфановыми исследованы семь курганов на Кокоповском-I и Кокоповском-II могильниках, на поселении Ик-VIII обнаружена керамика саргатского облика, на поселении Ик-IX получен керамический материал сузгунской и саргатской культуры, на поселении Ик-X также найдены фрагменты саргатской керамики[59,60]. В 1991 г. Л. И. Погодин провел работы на шести курганах могильника Стрижево-I[61]. В этом же году А. В. Полеводовым был исследован курган на памятнике Окунево-I[62]. Работы археологов Омского государственного университета с 1970-х по начало 1990-х гг. были самыми масштабными за всю историю археологического изучения Омской области. За весь период было раскопано 59 курганов, исследовано 10 поселений и 2 городища саргатской культуры. Значительная часть работ была связана с деятельностью хоздоговорной лаборатории Омского государственного университета, в связи со строительством сети оросительных систем на территории Омской области и паспортизацией памятников. Благодаря потребности в большом объеме археологических работ были исследованы в том числе и некоторые наиболее крупные «царские» курганы. В результате В. И. Матющенко и Л. И. Погодиным в 1987 и 1989 гг. при раскопках курганов Сидоровского-I и Исаковского-I могильников были обнаружены погребения элиты саргатского общества, давшие выразительные материалы. Однако в целом в этот период омскими археологами исследовались преимущественно памятники правобережья. Значительная часть раскопок проводилась на курганных могильниках, ранее исследуемых В. А. Могильниковым.

С 1991 г. масштаб производимых работ на памятниках саргатской культуры значительно сократился, что было связано как с трансформацией советской науки в российскую, так и с изменением существующей экономической системы. Тем не менее работы на саргатских памятниках продолжились. В 1990-е и 2000-е гг. значительная часть исследований была по-прежнему связана с хоздоговорными и спасательными работами, а также в связи с уточнением хронологии известных археологических памятников. В 1992 г. Б. А. Коников ым были проведены спасательные раскопки кургана у с. Саргатка и поселения Андреевка-X, содержащего как керамику эпохи бронзы, так и саргатского облика[63,64]. В этом же году С. Ф. Татауровым были проведены спасательные раскопки

[55] Погодин Л. И. Отчет об археологических раскопках курганов у д. Бещаул Нижнеомского района Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1988 г. Омск, 1989. 159 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 57-1.

[56] Тихонов С. С. Отчет об археологической разведке, проведенной Среднеиртышской археологической экспедицией Омского государственного университета в Нижнеомском районе Омской области в 1988 г. Омск, 1989. 21 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 56-1.

[57] Труфанов А. Я. Отчет об археологических работах в Крутинском и Омском районах Омской области, проведенных в 1989 г. Омск, 1990. 35 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 64-1.

[58] Погодин Л. И. Отчет об археологических раскопках курганов у д. Исаковка Горьковского и Нижнеомского районов Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1989 г. Омск, 1990. 111 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 65-1.

[59] Погодин Л. И. Отчет об археологических исследованиях в Горьковском и Нововаршавском районах Омской области в 1990 году. Омск, 1991. 74 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 72-1.

[60] Труфанов А. Я. Отчет об археологических работах в Омском, Крутинском и Черлакском районах Омской области в 1990 году. Омск, 1991. 83 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 79-1.

[61] Погодин Л. И. Отчет об археологических исследованиях у д. Стрижево Нижнеомского района Омской области в 1991 году. Омск, 1992. 85 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 81-1.

[62] Полеводов А. В. Отчет об археологических исследованиях в Муромцевском районе Омской области, проведенных в 1991 году. Омск, 1991. 16 с. // МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 78-1.

[63] Коников Б. А. Курган раннего железного века у с. Саргатское Омской области // Историческая наука в Омском педагогическом институте: к 60-летию со дня основания института. Омск, 1992. С. 65–67.

[64] Коников Б. А. Охранные исследования поселения Андреевка-X в Саргатском районе Омской области в 1991 году. Омск, 1992 // МАЭ ОмГПУ. Р-I. 31-8.

кургана на могильнике Танатово-V, содержащего комплексы предметов саргатской и богочановской культур[65]. В 1993 г. С. В. Прищенко проводились работы на Богдановском городище[66]. В 1994 г. под руководством В. И. Матющенко был исследован курган могильника Окунево-XIV и заложен раскоп на городище Окунево-IX[67]. В 1996 г. Л. И. Погодиным обследовались такие саргатские памятники, как могильник Старокарасук-XVII, городище Старокарасук-XXI, городище Батаково-XIX, раскопан курган могильника Боровянка-IX[68]. Н. П. Довгалюк был исследован курган могильника Боровянка-XII[69]. В 1997 г. под руководством Л. И. Погодина был заложен раскоп на городище Батаково-XIX, обследовано городище Батаково-VI (Инберень-IV)[70]. Экспедицией В. И. Матющенко проведены работы на кургане могильника Окунево-IIIa[71]. В 2000 г. М. Ю. Сафаровым был проведен осмотр городища Красноярка-VII, обследованы курганы могильников Луговая-V, Луговая-VI, Луговая-VII (все три памятника ранее составляли памятник Кококовка-I)[72]. В 2001 г. С. Ф. Татауровым был раскопан еще один курган могильника Танатово-V. В 2002 г. С. Н. Иващенко и И. В. Толпеко были исследованы два кургана могильника Окунево-XXII. Материалы одного из них оказались саргатскими[73]. В 2003 г. Ю. В. Герасимовым было обследовано городище Окунево-IX и собран подъемный материал в виде керамики саргатского облика[74]. Экспедицией музея истории народного образования (современный музей просвещения) проведены работы на городище Качесово-II[75]. В 2005 г. были проведены совместные спасательные археологические работы ОГИК-музея и фонда охраны археологического наследия (ФОАН) на городище Карташево-III под руководством А. В. Матвеева. Коллекция предметов поступила в фонд археологии ОГИК-музея[76]. Н. П. Довгалюк был раскопан курган на могильнике Боровянка-XVIII с комплексом керамики переходного от ирменского к раннесаргатскому облику[77]. В 2006 г. Ю. В. Герасимовым была вновь проведена разведка на городище Окунево-IX[78]. В 2008 г. под руководством Л. В. Татауровой было проведено исследование кургана могильника Новооболонь-I[79]. В 2010 г. сотрудниками ОГИК-музея Ю. В. Трофимовым и Д. О. Плахутой был изучен курган могильника Красноярка-X[80]. В 2012 г. С. Ф. Татауровым были раскопаны два кургана могильника Новооболонь-I[81]. Исследования саргатских памятников в 1990–2010-е гг. не имели системного и последовательного

[65] Татауров С. Ф. Курганный могильник Танатово V в Среднем Прииртышье // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2007. Вып. 4. С. 104–111.

[66] Прищенко С. В. Керамика общеиртышского варианта саргатской общности // Таре — 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири: материалы науч.-практ. конф. Омск, 1994. Ч. 2. С. 65–70.

[67] Матющенко В. И. Раскопки поселения Окунево-IX в Муромцевском районе Омской области летом 1994 года. Полевой отчет. Омск, 1995 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II.

[68] Погодин Л. И. Отчет об археологических исследованиях в Большереченском районе Омской области в 1996 году. Омск, 1997. 53 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 112-1.

[69] Довгалюк Н. П. Отчет об археологических работах на могильнике Боровянка-XII в Большереченском районе Омской области в 1996 году. Омск, 1997. // МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 111-1.

[70] Погодин Л. И. Отчет об археологических исследованиях в урочище «Батаково» Большереченского района Омской области в 1997 году. Омск, 1998. 84 с. // МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 130-1.

[71] Матющенко В. И. Раскопки могильника Ом IIIa // Новое в археологии Прииртышья. Омск, 1999. С. 27–38.

[72] Сафаров М. Ю. Отчет о разведке в Омском, Любинском, Саргатском, Большереченском, Тарском, Знаменском, Горьковском и Азовском районах Омской области в 2000 году. Омск, 2001. 20 с. // ОГИК-музей. ОМК-14185.

[73] Иващенко С. Н., Толпеко И. В. Курганный могильник Окунево-XXII // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2007. Вып. 4. С. 127–133.

[74] Герасимов Ю. В. Отчет о проведении разведочных работ в Муромцевском районе Омской области в полевом сезоне 2003 года. Омск, 2006. 18 с. // МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 178-1.

[75] Жили-копали… // Открытый Омск. 2003. URL: https://rmx.ru/news/zhili-kopali (дата обращения: 15.04.2026).

[76] Путеводитель по фондам Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: ОГИК музей, 2020. С. 49.

[77] Довгалюк Н. П. Отчет об археологических исследованиях в Большереченском районе Омской области в 2005 году. Омск, 2010 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 238-1.

[78] Герасимов Ю. В. Отчет о проведении разведочных работ в Муромцевском районе Омской области в полевом сезоне 2006 года. Омск, 2007. 20 с. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 211-1.

[79] Татаурова Л. В. Раскопки Новооболонского кургана раннего железного века в Омском Прииртышье // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. С. 490–491.

[80] Трофимов Ю. В., Плахута Д. О. Археологические исследования ОГИК музея в 2010 году // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2011. № 16. С. 129–134.

[81] Татауров С. Ф. Отчет об археологических исследованиях на объекте культурного наследия регионального значения «Курганный могильник Новооболонь 1» у д. Новооболонь Горьковского района Омской области в 2012 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 230-1.

характера и были связаны с различными причинами. Сотрудниками хоздоговорной лаборатории Омского государственного университета был основан природно-археологический парк «Батаково», расположенный в Большереченском районе Омской области. Вследствие этого археологические изыскания сотрудников лаборатории и парка в это время проводились на левом берегу. В ходе серии разведок и археологических работ в течение 1990-х — начала 2000-х гг. было выявлено несколько памятников саргатской культуры эпохи раннего железа и переходного времени, обнаружено городище Батаково-XIX, отличающееся крупными размерами. Остальные работы были связаны, прежде всего, со спасательными археологическими раскопками и уточнением культурно-хронологической принадлежности памятников. Всего за 21 год было раскопано всего лишь 12 курганов. После 2012 г. исследования саргатских комплексов не проводились в течение нескольких лет.

Последний, современный, этап изучения саргатских памятников связан, прежде всего, с междисциплинарными исследованиями курганов у д. Новопокровка. Еще в 2020 г. С. Ф. и Ф. С. Татауровыми были проведены аварийные раскопки кургана Большеречье-I, однако эти работы имели эпизодический характер[82]. С 2021 г. совместной экспедицией ИИиА УрО РАН, УрФУ и ОмГПУ по настоящее время производятся междисциплинарные исследования курганов у д. Новопокровка под руководством С. В. Шараповой и М. А. Грачева. В 2021 г. был исследован курган Новопокровка-XVI[83]. В 2022–2023 гг. раскопаны курганы Новопокровка-X и Новопокровка-XVII[84]. В 2024 г. проведены археологические работы на кургане Новопокровка-IV[85]. В 2025 г. раскопан курган могильника Новопокровка-IX. Данные исследования основаны на привлечении специалистов смежных областей уже на этапе полевых работ, что позволяет наиболее точно отметить особенности стратиграфии конкретного кургана, специфику археологизации древних объектов, определить общее количество погребенных. Дальнейшая обработка материала также связана с привлечением специалистов естественно-научного профиля к анализу различных типов инвентаря, почвенных и органических проб, костных остатков животных, исследование которых позволяет получить дополнительные сведения о погребальном обряде и условиях существования древнего населения.

Приведенная последовательность исследований памятников саргатской культуры на территории Омского Прииртышья на протяжении более ста лет позволяет говорить о довольно большом накопленном материале. Поскольку в данной работе предполагалось обобщение наибольшей совокупности памятников, учитывались как материалы непосредственно саргатских комплексов, так и те, которые относятся к этапу формирования культуры и имели раннесаргатский облик. Все данные об исследованных памятниках сведены в таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1

Исследованные памятники саргатской культуры в Омском Прииртышье

Table 1

Studied Monuments of the Sargat Culture in the Omsk Irtysh Region

№	Памятник	Тип памятника	Год	Исследователи
1	Николаевка	кург. могильник	1897	А. П. Плахов
2	Захламино	кург. могильник	1918	А. В. Попов
3	Чернолучье	кург. могильник	1926, 1971	В. П. Левашева, В. Т. Петрин
4	Саргатское	кург. могильник	1927–1928, 1992	В. П. Левашева, Б. А. Коников

[82] Татауров Ф. С., Татауров С. Ф. Результаты исследования одиночного кургана саргатской культурно-исторической общности близ поселка Большеречье в Омском Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 645–649.

[83] Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье / Шарапова С. В. [и др.] // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22, № 2. С. 65–96.

[84] Междисциплинарные исследования кургана Новопокровка X (Среднее Прииртышье) / Шарапова С. В. [и др.]. // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2024. № 2. С. 121–158.

[85] Шарапова С. В., Толмачева Е. Г., Костомарова Ю. В. Находки текстиля и пряслиц в погребениях саргатской культуры: новые данные // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25, № 3. С. 598–609.

5	Кокоповка-I (Луговая-V, VI, VIII).	кург. могильник	1927, 1964, 1967, 1970, 1989,1990	В. П. Левашева, В. В. Евдокимов, В. А. Могильников, А. Я. Труфанов, М. Ю. Сафаров
6	Кокоповка-II	кург. могильник	1966, 1990	В. А. Могильников, А. Я. Труфанов
7	Кокоповское	поселение	1967, 1970, 1977	В. А. Могильников, В. И. Матющенко
8	Горная Бития	городище	1958, 1964, 1968	А. Ф. Палашенков, В. В. Евдокимов, В. А. Могильников
9	Горная Бития	кург. могильник	1964, 1968	В. В. Евдокимов, В. А. Могильников
10	Красноярка	кург. могильник	1967, 1975	А. Ф. Палашенков, Л. Н. Корякова
11	Красноярка-X	кург. могильник	2010	Ю. В. Трофимов, Д. О. Плахута
12	Красноярка-VII	городище	1957, 2000	А. Ф. Палашенков, М. Ю. Сафаров
13	Каргановское (Горской лог)	городище	1964, 1966, 1977	В. В. Евдокимов, В. А. Могильников, В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова
14	Розановское	городище	1965, 1977	В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова
15	Большеречье-I	кург. могильник	1966, 2020	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров
16	Большеречье-II	кург. могильник	1966	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева
17	Новопокровка-XVII	кург. могильник	1964, 2021	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, С. В. Шарапова, М. А. Грачев
18	Новопокровка-X	кург. могильник	1964, 2022	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, С. В. Шарапова, М. А. Грачев
19	Новопокровка-XVII	кург. могильник	1964, 2022–2023	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, С. В. Шарапова, М. А. Грачев
20	Новопокровка-IV	кург. могильник	1964, 2024	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, С. В. Шарапова, М. А. Грачев
21	Новопокровка-IX	кург. могильник	1966, 2025	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, С. В. Шарапова, М. А. Грачев

22	Исаковка-I	кург. могильник	1966, 1976, 1982, 1989, 1990	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, В. А. Могильников, А. Я. Труфанов, Л. И. Погодин
23	Исаковка-II	кург. могильник	1966, 1982	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, А. Я. Труфанов
24	Исаковка-III	кург. могильник	1966,1982, 1983	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, А. Я. Труфанов, В. И. Матющенко
25	Стрижево-I	кург. могильник	1957, 1966, 1969, 1991	А. Ф. Палашенков, В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, В. А. Могильников, Л. И. Погодин
26	Стрижево-II	кург. могильник	1957, 1966, 1987	А. Ф. Палашенков, В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, Л. И. Погодин
27	Карташево-I	кург. могильник	1957, 1964, 1980	А. Ф. Палашенков, В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, В. А. Могильников
28	Карташево-II	кург. могильник	1957, 1964, 1981	А. Ф. Палашенков, В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, В. А. Могильников
29	Карташево-III	городище	1964, 1970, 2005	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, В. А. Могильников, А. В. Матвеев
30	Артын	могильник	1964, 1966	В. А. Овчинников, Н. А. Федюнева, В. А. Могильников
31	Богдановское	городище	1966, 1969, 1993	В. А. Могильников
32	Богдановка-I	кург. могильник	1967, 1968, 1970, 1974, 1976	А. Ф. Палашенков, В. А. Могильников
33	Богдановка-II	кург. могильник	1973, 1977	В. А. Могильников
34	Богдановка-III	кург. могильник	1976	В. А. Могильников
35	Калачевка-I	кург. могильник	1966	В. А. Могильников
36	Батаково-VI (Инберень-IV)	городище	1967, 1973, 1975, 1997	В. Ф. Генинг, В. А. Овчинников и др.; Н. К. Стефанова, Л. Н. Корякова, Л. И. Погодин
37	Окунево-I	кург. могильник	1969, 1991	В.А. Могильников, А. В. Полеводов
38	Окунево-II	кург. могильник	1972	В. А. Могильников
39	Окунево-IIIa	кург. могильник	1997	В. И. Матющенко
40	Окунево-IX	городище	1994, 2003	В. И. Матющенко, Ю. В. Герасимов
41	Окунево-XIV	кург. могильник	1994	В. И. Матющенко

42	Окунево-XXII	кург. могильник	2003	В. И. Матющенко, С. Н. Иващенко, И. В. Толпеко
43	Черноозерье-I	кург. могильник	1969	В. Ф. Генинг
44	Сеткулово	одиночный курган	1957, 1970	А. Ф. Палашенков, В. А. Могильников
45	Саратово	кург. могильник	1978	В. А. Могильников
46	Саратовское	городище	1973	В. А. Могильников
47	Усть-Логатка-I	городище	1979	А. Я. Труфанов
48	Новотроицкое-I	поселение	1960, 1981	А. Ф. Палашенков, А. Я. Труфанов
49	Батаково-X (Инберень-V)	поселение	1975	В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова
50	Батаково-XII (Инберень-VI)	городище	1976	В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова
51	Старокарасук-II	кург. могильник	1976	В. И. Стефанов
52	Новооболонь-I	кург. могильник	1977, 2008, 2012	В. И. Матющенко, Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров
53	Малая Хомутинка-III	поселение	1982	А. Я. Труфанов
54	Киршовка-I	поселение	1982	А. Я. Труфанов
55	Киршовка-II	городище	1988	С. С. Тихонов
56	Киршовка-III	местонахождение	1988	С. С. Тихонов
57	Сибсаргатка-I	поселение	1985	Н. К. Стефанов, А. Я. Труфанов
58	Сибсаргатка-II	кург. могильник	1976, 1987	М. Б. Абрамова, А. Я. Труфанов
59	Бещаул-II	кург. могильник	1960, 1988	А. Ф. Палашенков, Л. И. Погодин
60	Бещаул-III	кург. могильник	1957, 1988	А. Ф. Палашенков, Л. И. Погодин
61	Бещаул-IV	кург. могильник	1988	Л. И. Погодин
62	Сидоровка-I	кург. могильник	1986	В. И. Матющенко
63	Калугино-I	поселение	1989	А. Я. Труфанов
64	Березово-II	поселение	1989	А. Я. Труфанов
65	Ик-VIII	поселение	1990	А. Я. Труфанов
66	Ик-IX	поселение	1990	А. Я. Труфанов
67	Ик-X	поселение	1990	А. Я. Труфанов
68	Андреевка-X	поселение	1992	Б. А. Коников
69	Танатово-V	кург. могильник	1992, 2001	С. Ф. Татауров
70	Старокарасук-XVII	кург. могильник	1996	Л. И. Погодин
71	Старокарасук-XXI	городище	1996	Л. И. Погодин
72	Батаково-XIX	городище	1996, 1997	Л. И. Погодин
73	Боровянка-IX	кург. могильник	1996	Л. И. Погодин
74	Боровянка-XII	кург. могильник	1996	Н. П. Довгалюк
75	Качесово-II	городище	2003	И. Е. Скандаков, Д. О. Плахута
76	Боровянка-XVII	кург. могильник	2005	Н. П. Довгалюк

Следует отметить, что подсчет всей совокупности саргатских памятников в Прииртышье на текущий момент невозможен, поскольку реальную культурно-хронологическую принадлежность того или иного комплекса возможно установить исключительно в процессе полевых археологических исследований. В связи с этим на основе анализа отдельных коллекций и полевых археологических материалов нами учитывались памятники, на которых проводились археологические работы или собирался подъемный материал в обнажениях культурного слоя. Общее количество раскопанных курганов саргатской культуры в Омском Прииртышье составляет не менее 145, при этом удовлетворительно опубликованными на сегодняшний день являются не более двух десятков. 15 памятников были определены различными исследователями как городища и 13 как поселения. Материалы поселений и городищ остаются фактически полностью не введенными в научный оборот.

Локализация и особенности ландшафта

Расположение памятников в Прииртышье имеет свои особенности (*см. цв. вклейку, рис. 29*). Долина р. Иртыш занимает срединное положение между бассейном р. Ишим на западе и Барабинской лесостепью на востоке. Все три региона относятся к ареалу распространения саргатских памятников. Неоднократно отмечено, что поселения, городища и курганные могильники сосредоточены преимущественно в зоне лесостепи, частично занимая юг лесной зоны. К наиболее северным объектам в Омской области относятся памятники Окуневского археологического микрорайона (ОАМ) вблизи устья р. Тара. На территории ОАМ они сосуществуют с кулайскими и богочановскими комплексами[86]. Южная граница распространения проходит по границе лесостепи. Так, согласно Б. В. Мельникову, фактически не существует комплексов саргатской культуры южнее Омска[87]. В рассматриваемой нами выборке к наиболее южным относятся курганы у бывших деревень Николаевка и Захламино, изучавшиеся еще в конце XIX — начале XX в. На сегодняшний день это территория Советского административного округа г. Омска, однако от этих работ фактически не осталось какой-либо документации. Без учета раскопок А. П. Плахова и А. В. Попова к наиболее южным исследованным объектам относятся курганы Кокоиовского I и II могильников у д. Луговая. В то же время В. К. Мерц указывает на существование саргатских комплексов в том числе и на севере Павлодарского Прииртышья, которые, правда, целенаправленно никогда не исследовались, что говорит о перспективности поиска памятников на более южных территориях[88]. Известные же памятники в большинстве своем тяготеют к долине р. Иртыш. При этом большая их часть сосредоточена на правом берегу, что для саргатских городищ отмечал еще В. А. Могильников[89]. Существуют и две отдаленные группы саргатских памятников, связанных с притоками Иртыша. Так, на западе Омской области, вблизи озер Ик, Салтаим и Тенис в бассейне р. Оша, сосредоточены поселения и городища, на которых была обнаружена саргатская керамика. Указанные памятники, исходя из расположения, гораздо больше тяготеют к территории Прииишимья Тюменской области. На востоке области, на берегах р. Омь, также известны городище и поселения, которые находятся на одинаковом удалении как от прииртышских комплексов, так и от известных саргатских объектов в Новосибирском Приомье[90]. Сосредоточение памятников на правобережье Иртыша является вполне закономерным. Несмотря на равнинный рельеф местности, правый берег в среднем является более высоким и, как следствие, менее затопляемым (*см. цв. вклейку, рис. 30*). При этом большинство известных памятников на левом берегу находятся на гривах и локальных повышениях посреди поймы реки и связаны с наиболее ранними или переходными от поздней бронзы к железу комплексами. Наиболее же представительные материалы были обнаружены на памятниках Исаковка-I, Сидоровка-I, Богдановка-III, также находившихся на правом берегу.

---

[86] Татаурова Л. В., Толпеко И. В. Саргатская и кулайская культуры: проблемы взаимодействия // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 176–180.

[87] Мельников Б. В. К вопросу о южной границе саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991. С. 28–31.

[88] Мерц В. К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2019. С. 111.

[89] Степная полоса азиатской части СССР… С. 297.

[90] Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. С. 7.

Расположение указанных групп памятников отличается и с точки зрения ландшафтов, геоморфологии и почвенных покровов. В ландшафтном отношении правый берег фактически целиком относится к полого-увалистым повышенным равнинам северолесостепных ландшафтов. Левый же берег связан, прежде всего, со слабонаклонными и гривно-ложбинными поверхностями надпойменных террас центрально-лесостепных ландшафтов. Памятники, расположенные вблизи оз. Ик, Салтаим и Тенис, находятся на гривно-озерной древней долине, а в Омском Приомье на плоско-западинных и сниженных равнинах[91].

С точки зрения особенностей геоморфологии и четвертичных отложений правый берег от Омска до д. Нижняя Ильинка сложен преимущественно субаэральными полигенетическими нерасчлененными почвами. В месте изгиба реки, где располагаются такие населенные пункты, как д. Чернолучье, Красноярка и Новотроицкое, почвы надпойменной террасы сложены среднечетвертичными алювиальными отложениями (тобольская свита), почвы второй надпойменной террасы сформированы каргинско-сартанскими аллювиальными горизонтами, третьей надпойменной террасы — казанцевско-зыряновскими аллювиальными. От урочища Горная Бития до р. п. Муромцево большинство памятников находится на нижне-среднечетвертичных озерно-аллювиальных отложениях. Объекты Окуневского микрорайона расположены на верхнечетвертичных аллювиальных почвах первой надпойменной террасы. В отличие от правого берега, фактически вся территория левобережья, где были исследованы памятники саргатской культуры, сложена более молодыми верхнечетвертичными (каргинско-сартанскими) горизонтами. На обоих берегах при этом отложения различного происхождения и возраста перекрываются преимущественно покровными суглинками и супесями. Поселенческие комплексы вблизи озер Ик, Салтаим и Тенис расположены на верхнеплиоценовых и нижнечетвертичных озерно-аллювиальных почвах. Наиболее восточные объекты на левом берегу р. Омь расположены на субаэральных полигенетических почвах, а на правом — на нижнесреднечетвертичных аллювиальных[92].

Фактически все правобережье от г. Омска до д. Карташево покрыто выщелоченными черноземами и в этом отношении достаточно однородно. Более северные территории, в частности в месте расположения памятников Окуневского археологического микрорайона и могильника Танатово-V, связаны с серыми лесными почвами. На левом берегу преобладают лугово-черноземные солонцеватые, луговые солонцеватые и солонцы лугово-черноземные. Те же почвы присутствуют и вблизи озер Ик, Салтаим и Тенис. Памятники Приомья располагаются на обычных черноземах[93].

Носители саргатской культуры как на Иртыше, так и в других регионах вынуждены были заниматься различными видами хозяйства в зависимости от природно-ландшафтных условий и обладать механизмами адаптации к изменениям окружающей среды. Сочетание лесных и степных массивов, плодородие земель, наличие крупных водных источников и разнообразие дикой фауны создавали условия для комбинирования хозяйственных отраслей[94]. Очевидно, что правый берег обладал наиболее благоприятными условиями для ведения скота в силу обилия плодородных почв и слабой затопляемостью территорий. При этом немалую роль играло и рыболовство. Так, в обнажении культурного слоя на городище Качесово Е. А. Цепкиным были собраны остатки ихтиофауны, свидетельствующие об активном рыболовном промысле, существовавшим у населения саргатской культуры[95]. Вероятно, наиболее западные памятники, расположенные на террасах озер Ик, Салтаим и Тенис, также связаны с рыбной ловлей, однако данное предположение требует проведения археологических работ на данных комплексах. То же относится и к наиболее восточным объектам, расположенным по берегам р. Омь. Левый берег Иртыша исследован гораздо хуже правобережья, однако обилие некрупных озер к западу от поймы реки также может говорить о высоком потенциале

[91] Атлас Омской области. Омск, 1999. С. 23.
[92] Там же. С. 12.
[93] Там же. С. 17.
[94] Комплексное изучение условий жизни… С. 12.
[95] Цепкин Е. А., Могильников В. А. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // Советская археология. 1968. № 3. С. 54–61.

комбинированного хозяйства, включая как разведение скота, так и рыболовство, охотничий промысел. Неслучайно одно из самых крупных на Иртыше саргатских городищ Батаково-XIX находится на левом берегу (напротив Богдановского).

Выводы

Всю историю исследования саргатских памятников Прииртышья возможно разделить на шесть этапов, каждый из которых отражает специфику обнаружения и исследования различных групп памятников. Составленная периодизация позволяет сделать заключение о неоднородном исследовании саргатских комплексов на территории Прииртышья. Наиболее интенсивно различными исследователями изучались памятники правобережья Иртыша. Левый берег активно исследовался в связи с научными изысканиями археологов Уральской археологической экспедиции (УАЭ) и сотрудниками природно-археологического парка «Батаково». Однако именно там памятники саргатской культуры по-прежнему остаются наименее изученными. Поселения и городища вблизи оз. Ик, Салтаим и Тенис не подвергались интенсивному археологическому изучению и требуют уточнения культурно-хронологической принадлежности и проведения полевых археологических работ.

Исследование локализации саргатских памятников Прииртышья демонстрирует определенные различия природных, геоморфологических и почвенных условий расположения известных комплексов, которые могут указывать на возможность ведения носителями саргатской культуры различных видов хозяйственной деятельности — как скотоводства, так и рыбной ловли, охоты. Использование данного метода может быть наиболее эффективным лишь в сочетании с подробной историей исследований, позволяющей определить современное состояние изученности тех или иных областей рассматриваемой территории.

References

Berseneva N. A. *Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury* [Social Archeology: Age, Gender and Status in the Sargat Culture Burials]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011. (In Russian).

Chairkina N. M. [Models of Landscape Capacity Changers in the Mesolithic — Early Iron Age in the Trans-Ural (Based on the Peat-Bog Sites Materials)] *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, no. 4 (37), pp. 42–49. EDN: PJDUHP. (In Russian).

Chernetsov V. N., Moshinskaya V. I., Talitskaya I. A. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob Region]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1953. (In Russian).

Istoriya Omskogo krayevedcheskogo muzeya v dokumentakh i publikatsiyakh [History of the Omsk Local Lore Museum in Documents and Publications]. Omsk: OGIK musey Publ., 2025, part 1. (In Russian).

Ivaschenko S. N., Tolpeko I. V. [The Okunevo-XXII Burial Mound]. *Novoye v arkheologii Srednego Priirtysh'ya* [New in the Archaeology of the Middle Irtysh Region]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2007, iss. 4, pp. 127–133. (In Russian).

Kildyusheva A. A., Baglai S. S. [Archaeological Fund of the Museum of Archeology and Ethnography of Omsu: History of Formation (1976–1986)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies], 2019, no. 4 (24), pp. 200–223. EDN: RNURFK. DOI: 10.24147/2312-1300.2019.3.200-223 (In Russian).

Konikov B. A. [Early Iron Age Burial Mound near the Village of Sargatskoye, Omsk Region]. *Istoricheskaya nauka v Omskom pedagogicheskom institute: k 60-letiyu so dnya osnovaniya instituta* [Historical Science at Omsk Pedagogical Institute: On the 60th Anniversary of the Institute's Founding]. Omsk: Izd-vo OGPI Publ., 1992, pp. 65–67. (In Russian).

Korochkova O. N., Stefanov V. I., Stefanova N. K. [Work in the Middle Irtysh Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1977 goda* [Archaeological Discoveries of 1977]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 240–241. (In Russian).

Koryakova L. N. [From the History of the Study of the Sargat Culture]. *Arkheologicheskiye issledovaniya severa Evrazii* [Archaeological Research of the North of Eurasia]. Sverdlovsk: [Izd-vo Ural. gos. un-ta Publ.], 1982, pp. 113–121. (Questions of Archaeology of the Urals; iss. 16). (In Russian).

Levasheva V. P. [Preliminary Report on the Archaeological Research of the West Siberian Museum for 1926–1927]. *Izvestiya / Gosudarstvennyy Zapadno-Sibirskiy muzey* [Izvestia / State West Siberian Museum]. Omsk: S. n., 1928, no. 1, pp. 157–162. (In Russian).

Matveev A. V. [About the Work of A. I. Petrov at the Omsk Regional Museum of Local Lore in the 1970s]. *Rytsar' sibirskoy arkheologii* [The Knight of Siberian Archaeology]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2007, pp. 140–147. (In Russian).

Matveeva N. P., Larina N. S., Berlina S. V., Chikunova I. Yu. *Kompleksnoye izucheniye usloviy zhizni drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Comprehensive Study of Living Conditions of the Ancient Population of Western Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2005. (In Russian).

Matyushchenko V. I. [Excavations of the Om IIIa Burial Ground]. *Novoye v arkheologii Priirtysh'ya* [New in the Archaeology of the Irtysh Region]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 1999, pp. 27–38. (In Russian).

Matyushchenko V. I., Tataurova L. V. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'ye* [The Sidorovka Burial Ground in the Omsk Irtysh Region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1997. (In Russian).

Melnikov B. V. [On the Southern Boundary of the Sargat Culture]. *Problemy izucheniya sargatskoy kul'tury* [Problems of Studying the Sargat Culture]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 1991, pp. 28–31. (In Russian).

Merz V. K. *Kratkaya istoriya razvitiya material'noy kul'tury Pavlodarskogo Priirtysh'ya* [A Brief History of the Development of the Material Culture of the Pavlodar Irtysh Region]. Pavlodar: KEREKU Publ., 2019. (In Russian).

Mogilnikov V. A. [Kokonovska and Sargat Kurgans — the Early Iron Age Sites of the West Siberian Forest-Steppe]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Southern Urals and Western Siberia Sites of the Sarmatian Time]. Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 119–133. (In Russian).

Mogilnikov V. A. [On the Sargat Culture]. *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of Archaeology and Ancient History of the Ugrians]. Moscow: Nauka Publ., 1972, pp. 66–86. (In Russian).

Mogilnikov V. A. [Research in the Middle Irtysh Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1978 goda* [Archaeological Discoveries of 1978]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 254–255. (In Russian).

Mogilnikov V. A. [Works of the Altai Expedition]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1981 goda* [Archaeological discoveries of 1981]. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 217–218. (In Russian).

Mogilnikov V. A., Kolesnikov A. D., Kuibyshev A. V. [Works in the Irtysh Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1976 goda* [Archaeological Discoveries of 1976]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 225–226. (In Russian).

Mogilnikov V. A., Kuibyshev A. V. [Works in the Middle Irtysh Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1977 goda* [Archaeological Discoveries of 1977]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 259–260. (In Russian).

Ovchinnikova B. B. [For the 90th Birthday of Vladimir Fyodorovich Gening]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, no. 3 (130), pp. 300–304. EDN: TAWZIP. (In Russian).

Palashenkov A. F. [Materials for the Archaeological Map of the Omsk Region]. *Arkheologiya Priirtysh'ya* [Archaeology of the Irtysh Region]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta Publ., 1980, pp. 139–145. (In Russian).

Palashenkov A. F. [Materials for the Archaeological Map of the Omsk Region]. *Problemy etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of the Ethnic History of the Turkic Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 1984, pp. 124–147. (In Russian).

Palashenkov A. F. [Materials for the Archaeological Map of the Omsk Region]. *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri: istoriya i arkheologiya* [Sources on the History of Western Siberia: History and Archaeology]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 1987, pp. 116–126. (In Russian).

Palashenkov A. F. [Materials for the Archaeological Map of the Omsk Region]. *Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya* [Ancient Burials of the Ob-Irtysh Region]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 1991, pp. 156–181. (In Russian).

Palashenkov A. F. [Materials for the Archaeological Map of the Omsk Region]. *Novoye v arkheologii Srednego Priirtysh'ya* [New in the Archaeology of the Middle Irtysh Region]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist Publ., 2003, pp. 138–158. (In Russian).

Pogodin L. I., Trufanov A. Ya. [The Isakovka III Sargat culture Burial Ground]. *Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya* [Ancient Burials of the Ob-Irtysh Region]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 1991, pp. 98–127. (In Russian).

Polosmak N. V. *Baraba v epokhu rannego zheleza* [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. (In Russian).

Prishchenko S. V. [Ceramics of the General Irtysh Variant of the Sargat community]. *Tare — 400 let. Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo osvoyeniya Sibiri: materialy nauch.-prakt. konf.* [Tara Is 400 Years Old. Problems of Socio-Economic Development of Siberia: Materials of the Sci.-Pract. Conf.]. Omsk: Izd-vo OmGTU Publ., 1994, part 2, pp. 65–70. (In Russian).

Sharapova S. V., Bachura O. P., Grachev M. A., Karapetyan M. K., Kiseleva D. V., Kosintsev P. A., Kostomarov V. M., Okuneva T. G., Shagalov E. S., Yakimov A. S. [Informative Capacity of the Sargat Culture's Disturbed Burials: Kurgan Novopokrovka 16 in the Middle Irtysh River Basin]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 65–96. EDN: FXBTJT. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2023.2.4 (In Russian).

Sharapova S. V., Grachev M. A., Kosintsev P. A., Perevozchikova A. A., Pimenov V. E., Yakimov A. S. [Interdisciplinary Study of the Kurgan Novopokrovka X (Middle Irtysh River Basin)]. *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [Multidisciplinary Research in Archaeology], 2024, no. 2, pp. 121–158. EDN: AGDKGL. DOI: 10.24412/2658-3550-2024-2-121-158 (In Russian).

Sharapova S. V., Tolmacheva E. G., Kostomarova Yu. V. [Finds of Textile and Spindle-Whorls in Burials of the Sargat Culture: New Data]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2025, vol. 25, no. 3, pp. 598–609. EDN: POZVIO. DOI: 10.31833/uav/2025.25.3.040 (In Russian).

Stefanov V. I. [Research in the Middle Irtysh Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1976 goda* [Archaeological Discoveries of 1976]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 244–245. (In Russian).

Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow: Nauka Publ., 1992. (In Russian).

Tataurov F. S., Tataurov S. F. [Results of Studying a Single Mound of the Sargat Cultural and Historical Community near the Bolsherechye Village in Omsk Priirtyshye]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2020, vol. 26, pp. 645–649. EDN: ZTPHUA. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.645-649 (In Russian).

Tataurov S. F. [The Tanatovo V Burial Mound in the Middle Irtysh Region]. *Novoye v arkheologii Srednego Priirtysh'ya* [New in the Archaeology of the Middle Irtysh Region]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2007, iss. 4, pp. 104–111. (In Russian).

Tataurova L. V. [Excavations of the Novo-Obolon Early Iron Age Burial Mound in the Omsk Irtysh Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 2008 goda* [Archaeological Discoveries of 2008]. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ., 2011, pp. 490–491. (In Russian).

Tataurova L. V., Tolpeko I. V. [Sargat and Kulaiy Cultures: Problems of Interaction]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta Publ., 1999, pp. 176–180. EDN: NIHLMX (In Russian).

Trofimov Yu. V., Plakhuta D. O. [Archaeological Research of the OGIK Museum in 2010]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya* [Bulletin of the Omsk State Museum of History and Local Lore], 2011, no. 16, pp. 129–134. EDN: YABPID. (In Russian).

Tsepkin E. A., Mogilnikov V. A. [Fishing among the Population of the Forested Irtysh Region in the Iron Age]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1968, no. 3, pp. 54–61. (In Russian).

Turova N. P. [About a Real Scientist and Teacher (In Memory of V. A. Mogilnikov)]. *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennyy 30-letnemu yubileyu istoricheskogo fakul'teta TGSPA im. D. I. Mendeleyeva* [Collection of Scientific Works Dedicated to the 30th Anniversary of the History Faculty of the Tobolsk State Social and Pedagogical Academy Named After D. I. Mendeleyev]. Tobolsk: TGSPA im. D. I. Mendeleyeva Publ., 2009, pp. 8–10. (In Russian).

Zhuk A. V. [History of the Archaeological Studying the Omsk Region in Its Current Borders until the Early 1960s]. *Novoye v arkheologii Srednego Priirtysh'ya* [New in the Archaeology of the Middle Irtysh Region]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2007, iss. 4, pp. 4–18. (In Russian).

УДК 94(470.5):338.48 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-110-123

Конышев Евгений Валерьевич
заведующий кафедрой социально-экономической географии, кандидат географических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
ORCID: 0000-0002-7774-1670
E-mail: konj@bk.ru

Фадеева Светлана Михайловна
аспирант кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
ORCID: 0009-0005-8567-4921
E-mail: svetafadeewa59@yandex.ru

Историко-географические предпосылки развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено изучению историко-географических предпосылок развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации Пермского края. Пермский край — это старопромышленный регион, который обладает богатым индустриальным наследием. Территория Горнозаводской конурбации региона включает в себя шесть муниципалитетов края, имеет полицентрическую структуру, отличается богатым промышленным прошлым — от добычи угля до химической промышленности. Однако в настоящее время муниципалитеты, входящие в данную конурбацию, испытывают трудности в своем социально-экономическом развитии. Одним из перспективных направлений оздоровления и диверсификации экономики конурбации может стать промышленный туризм. Важной исследовательской задачей при этом становится анализ историко-географических предпосылок развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации. Анализ предпосылок осуществлялся методом интегрально-балльной оценки. В статье обработаны материалы по теме исследования: история становления и развития промышленности на территории, современные социально-экономические показатели и проблемы развития муниципалитетов. Также был составлен реестр объектов промышленного туризма на территории конурбации. По результатам исследования была определена территориальная структура ресурсного потенциала конурбации, который может быть направлен на развитие промышленного туризма. Учет территориальных особенностей потенциала необходим для повышения эффективности развития и управления промышленным туризмом. Результаты исследования могут быть востребованы органами исполнительной власти муниципальных образований, входящих в состав конурбации, для совершенствования туристской политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: промышленный туризм, конурбация, ресурсный потенциал, Пермский край, индустриальное наследие

Для цитирования: Конышев Е. В., Фадеева С. М. Историко-географические предпосылки развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 110–123. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-110-123.

Поступила в редакцию 03.12.2025
Принята к публикации 17.02.2026

© Конышев Е. В., Фадеева С. М., 2026

UDC 94(470.5):338.48 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-110-123

Evgeny V. Konyshev
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Perm State National Research University (Russia, Perm)
ORCID: 0000-0002-7774-1670
E-mail: konj@bk.ru

Svetlana M. Fadeeva
Perm State National Research University (Russia, Perm)
ORCID: 0009-0005-8567-4921
E-mail: svetafadeewa59@yandex.ru

Historical and Geographical Prerequisites for the Development of Industrial Tourism in the Gornozavodsk Conurbation

ABSTRACT. The study considers the historical and geographical prerequisites for the development of industrial tourism in the Gornozavodsk conurbation of Perm Krai. Perm Krai is an old industrial region with a rich industrial heritage. The territory of the region's Gornozavodsk conurbation includes six municipalities, it has a polycentric structure, and a rich industrial history — ranging from coal mining to the chemical industry. However, the municipalities included in this conurbation are currently facing difficulties in their socio-economic development. Industrial tourism could become one of the promising avenues for revitalizing and diversifying the economy of the conurbation. An important research task in this context is to analyze the historical and geographical prerequisites for the development of industrial tourism in the Gornozavodsk conurbation. This analysis was carried out using the integral-point scoring method. The article contains materials on the research topic: the history of the formation and development of industry in the region, modern socio-economic indicators and problems of development of municipalities. A register of industrial tourism sites within the conurbation was also compiled. The study identified the territorial structure of the conurbation's resource potential, which could be channeled towards the development of industrial tourism. Taking account of territorial variations in potential is essential for improving the effectiveness of the development and management of industrial tourism. The findings of the study may be of use to the executive authorities of the municipalities within the conurbation in refining their tourism policy.

KEYWORDS: industrial tourism, conurbation, resource potential, Perm Krai, industrial heritage

For citation: Konyshev E. V., Fadeeva S. M. [Historical and Geographical Prerequisites for the Development of Industrial Tourism in the Gornozavodsk Conurbation]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 110–123. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-110-123 (In Russian).

Received 3 December 2025
Accepted 17 February 2026

© 2026 The Authors

Введение

Функциональная структура экономики Горнозаводской конурбации на протяжении длительного времени характеризовалась высокой долей обрабатывающих и добывающих отраслей промышленности, а сам регион играл значимую роль в развитии Пермского края. Однако конурбация на современном этапе развития испытывает множество трудностей. В экономическом плане это проявляется в зависимости от традиционных отраслей промышленности, моноспециализацией экономики, высоким износом основных фондов. К социальным проблемам территории относится старение населения, понижение уровня доступности социальных услуг и износ ключевых элементов социальной инфраструктуры, безработица и низкий уровень заработной платы. Усиливается загрязнение окружающей среды, отсутствуют эффективные меры по утилизации отходов. Недостаточно развиты механизмы поддержки малых и средних предприятий. В этой связи актуальной является проблема поиска направлений диверсификации экономики, перехода к пятому и шестому технологическому укладу[1].

Учитывая промышленное наследие конурбации, одним из направлений диверсификации экономики может стать промышленный туризм. Анализируя мировой опыт, можно утверждать, что развитие промышленного туризма предоставляет большое количество возможностей для решения многих задач, связанных с развитием туристской отрасли в частности и экономики страны в целом. Хотя он требует больших вложений, креативного подхода, продуманной долгосрочной стратегии, однако и крупные, и малые предприятия должны понимать, что развитие этого направления весьма выгодно и может обеспечить новые возможности для бизнеса. Активизация промышленного туризма неизбежно влечет за собой развитие сопутствующей инфраструктуры — отелей, ресторанов, транспортных коммуникаций и др., обеспечивает новые рабочие места[2].

Промышленный туризм активно развивают в регионах России. В его основе не только знакомство с производственными процессами предприятий различной сферы промышленности, возможность развития и продвижения создаваемой продукции, формирование новых рынков сбыта благодаря взаимодействию с потенциальными партнерами, но и привлечение новых молодых специалистов в отрасль посредством организации профориентационных экскурсий[3].

В последнее время тема промышленного туризма набирает популярность среди исследователей. Так, например, Поздеева О. Г. в своем исследовании указывает на высокий потенциал развития промышленного туризма в Свердловской области, в связи с историческими особенностями развития горной и металлургической промышленности в регионе[4]. Демешко В. Н. в своей статье про Омск акцентирует внимание на значительное количество промышленных предприятий различных отраслей и масштабов, что является благоприятным фактором для развития промышленного туризма[5]. Безусловно, применение накопленного опыта развития данного вида туризма в условиях местной экономики требует адаптации и переоценки. Кроме того, согласно научной электронной библиотеке Elibrary.ru, публикации на тему промышленного туризма, а именно о его развитии в Пермском крае, появились сравнительно недавно[6,7]. Большинство исследований направлено на изучение особенностей развития промышленного туризма на уровне региона в целом или в отдельных городах. Наше же исследование ориентировано на проведение оценки потенциала для развития промышленного туризма в разрезе муниципальных образований, что ранее не проводилось на территории Пермского края.

---

[1] Блусь П. И., Ганин О. Б. Пространственные аспекты и предпосылки агломерирования старопромышленных территорий Западного Урала // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 4. С. 656–677.

[2] Таскаева С. В. Потенциал промышленного туризма на современном этапе // Вестник науки. 2023. Т. 2, № 6 (63). С. 107–112.

[3] Константинова А. С., Панченко О. Л. Промышленный туризм: особенности и перспективы развития в России // Казанский вестник молодых ученых. 2022. Т. 6, № 3. С. 82–91.

[4] Поздеева О. Г. Некоторые аспекты развития туризма в промышленном регионе (на примере Свердловской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 156–159.

[5] Демешко В. Н. Омск как центр промышленного туризма // Астраханский вестник экологического образования. 2023. № 2 (74). С. 48–58.

[6] Конышев Е. В., Фадеева С. М. Методика интегрально-балльной оценки промышленно-туристской привлекательности муниципальных образований (на примере Пермского края) // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9, № 4. С. 13–24.

[7] Зырянова И. С., Сафарян А. А. Промышленный туризм в Пермском крае // География и туризм. 2021. № 2. С. 66–71.

Пермский край, как старопромышленный регион страны, всегда ассоциировался с такими отраслями, как металлургия, машиностроение, химическая промышленность. Особенно здесь выделяется территория Горнозаводского Прикамья, где с XVIII в. зародилась металлургическая промышленность, которая считалась крупнейшей в мире. Стоит полагать, что это является одной из хороших предпосылок для развития промышленного туризма.

Необходимо поэтапно, взвешенно подходить к развитию промышленного туризма на новой территории. В этой связи для разработки рекомендаций по развитию промышленного туризма в Горнозаводской конурбации на начальном этапе необходимо произвести оценку ресурсного потенциала для развития промышленного туризма в регионе, что и является основной целью исследования.

История формирования Горнозаводской конурбации

В классическом понимании конурбация — это городская агломерация полицентрического типа, которая не имеет одного центра притяжения (доминирующего), а включает в себя несколько равнозначных городов. Г. М. Лаппо отмечает, что «города конурбации настолько разнесены друг от друга, что между ними интенсивные маятниковые поездки, которые присущи моноцентрической агломерации, чаще всего не возникают», поэтому «каждый город конурбации — личность, и каждый сам по себе»[8].

Авторы статьи «Пространственные аспекты и предпосылки агломерирования старопромышленных территорий Западного Урала» выделяют Горнозаводскую конурбацию как особую форму агломерационного развития. При этом устанавливаются следующие границы Горнозаводской конурбации: Восточная меридиональная предгорная горнопромышленная зона, включающая Кизеловский угольный бассейн (Губахинский, Гремячинский и Кизеловский городские округа) и Лысьвенско-Чусовской промышленный узел (Горнозаводский, Лысьвенский и Чусовской городские округа), а также Александровский муниципальный округ.

Авторы монографии «Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике» также выделяют Горнозаводскую конурбацию и определяют ее границы. В их понимании Горнозаводская агломерация (конурбация) может охватывать Лысьвенский, Чусовской, Губахинский, Кизеловский, Горнозаводский, Гремячинский городские округа и Александровский муниципальный округ. Ключевыми ядрами этой конурбации будут города Губаха, Чусовой, Лысьва[9].

В обоих вариациях выделения границ Горнозаводской конурбации оказались схожими. В состав конурбации на данный момент входит шесть муниципалитетов Пермского края (Гремячинский ГО был упразднен в 2022 г. и вошел в состав Губахинского муниципального округа).

Территории, входящие в Горнозаводскую конурбацию, имеют богатую историю своего образования, напрямую связанную с промышленностью данного региона (табл. 1).

Таблица 1

История образования муниципалитетов Горнозаводской конурбации

Table 1

History of formation of municipalities of the Gornozavodsk conurbation

Муниципальные округа/ городские округа	Год	История
Губахинский МО	XVI в.	В 1558 г. Иван IV пожаловал Григорию Аникеевичу Строганову «пустые» земли от устья реки Ласьва (чуть ниже Соликамска) вниз по обоим берегам р. Кама до устья р. Чусовая и всем впадающим в нее рекам. В 1736 г. рудоискатель Боляка Русаев впервые на Урале нашел уголь в медистых песчаниках Кунгурского уезда в верховьях реки Турка. В 1744 г. рудознатцами были найдены месторождения железной руды у горы Губахинской. Из первого чугуна, полученного на этом руднике, на горе был установлен трехметровый чугунный крест. Губахинскую стали называть Крестовой горой. В 1755 г. на месте найденного месторождения открылся Губахинский железный рудник

[8] Блусь П. И., Ганин О. Б. Указ. соч.

[9] Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике / под науч. ред. Я. П. Силина, В. Е. Ковалева. Екатеринбург, 2022. 346 с.

Гремячинский ГО (в 2022 г. был упразднен и вошел в состав Губахинского муниципального округа)	1941 г.	Населенные пункты на территории нынешнего города Гремячинска образовались в 1941 г. Его возникновение связывают с Гремячинским угольным месторождением. Добыча угля началась в 1942 г., тогда появился поселок городского типа Гремячинский, в состав которого вошли шахтерские поселения и пристанционный поселок Баская. 4 мая 1949 г. поселок городского типа преобразовали в город
Кизеловский МО	XVIII в.	Появление первого населенного пункта на современной территории города связано с открытием залежей железной руды по рекам Малый Кизел и Кизел в 1750 г. С 1762 г. начал работать первый рудник. Позднее, в 1789 г., был запущен Кизеловский железоделательный завод. В 1786 г. было открыто месторождение каменного угля. Это стало переломным моментом в судьбе Кизела. В 1788–1790-х гг. был построен Кизеловский металлургический завод. Первая шахта была заложена в 1797 г., и только во второй половине XIX в. началась ее интенсивная разработка в штольне Западной. Она положила начало эксплуатации Кизеловского угольного бассейна
Горнозаводский МО	XVII в.	Широкое освоение края началось с начала XVII в., когда в районе рек Койвы и Вижая были открыты железные руды. В 1751 г. строится Кусье-Александровский, в 1785 г. — Архангело-Пашийский завод, в 1786–1789 гг. — Бисерский металлургические заводы. Новый этап хозяйственного освоения края связан с окончанием строительства дороги Пермь — Екатеринбург в 1879 г. В 1834 г. пущен Теплогорский чугунолитейный завод. В первой половине XX в. многие предприятия металлургии были закрыты или переспециализированы. В то же время начинается интенсивное использование нерудных минеральных и лесных ресурсов. С первым связано строительство цементного завода и города Горнозаводска
Лысьвенский МО	XVIII в.	Земли вокруг Лысьвы принадлежали известным купцам и промышленникам Строгановым. Во второй половине XVIII в. эти владения по наследству перешли дочери одного из представителей знатного рода Строгановых — княгине Варваре Шаховской. 12 июня 1785 г. Шаховская получила в Пермской казенной палате разрешение на строительство чугунно-делательного завода на берегу реки Лысьвы и через два месяца приступила к его закладке. В декабре 1787 г. домна дала первую плавку чугуна весом немногим более сотни пудов. В середине XIX в. в Лысьве началось листокатальное производство, ставшее отныне ведущей отраслью на заводе. Доменное производство в 1874 г. было прекращено, и с тех пор предприятие работает на привозном чугуне. К 1889 г. завод перешел на производство сортового железа. К 1900 г. были построены два мартена. Тогда же лысьвенское железо получило Золотую медаль Парижской выставки. В начале XX в. сооружается электростанция, устраивается освещение. В 1902 г. прошли первые поезда по железнодорожной ветке, соединившей Лысьву со станцией Калино, расположенной на Горнозаводской линии
Чусовской МО	XVI в.	Активное развитие территории началось после того, как в 1568 г. царь Иван Грозный пожаловал эту землю промышленникам Строгановым. Мощный импульс развитию территории дало строительство первой на Урале железной дороги. Во второй половине XIX в. была построена железнодорожная ветка Пермь — Екатеринбург, а в 1879 г. Франко-Русским уральским акционерным обществом построен Чусовской металлургический завод. Среди современной продукции ЧМЗ — крупнейшее в Европе производство авторессоры, поставляемой на многие предприятия России и зарубежья
Александровский МО	XVI в.	Первое упоминание о территории, на которой располагается Александровский муниципальный район, относится к XVI в., а первое упоминание в архивных документах поселения Лытвенская дача — к 1750 г.

Все развитие Горнозаводской конурбации связано с рудными и угольными месторождениями, а также возведением на этих территориях заводов. В регионе активно развивалась промышленность, благодаря которой достигался высокий уровень и качество жизни населения, а в исследуемых муниципалитетах появилось богатое индустриальное наследие.

Первые залежи каменного угля на Урале были выявлены в 1783 г. в процессе строительства плотины для Кизеловского завода. Однако это открытие не получило должной оценки. В 1786 г. крепостные крестьяне Моисей Югов, Еким Меркушев и Данила Иванцов повторно обнаружили угольные и серебряные месторождения в районе Артемьевского рудника, что стало отправной точкой для развития угольной промышленности в регионе. К 1917 г. доля Кизеловского бассейна в общеуральской добыче угля достигла 50 %, а доля Урала в общероссийской добыче увеличилась с 2,2 % в 1900 г. до 5 % к 1917 г. Это увеличение было обусловлено прекращением импорта угля из-за мировой войны и утратой Домбровского бассейна.

В условиях политической нестабильности и нехватки рабочей силы, вызванных революционными событиями, добыча угля в Кизеловском бассейне начала снижаться. К 1921 г. его доля в общей добыче Урала упала с 51 % до 22 %. Стадия зарождения угольной промышленности на Урале затянулась более чем на столетие, что объясняется низким спросом на уральский уголь и отсутствием развитой транспортной сети. Лишь с включением Урала в общероссийскую систему железных дорог в последней трети XIX в. добыча угля стала рентабельной, и железные дороги стали основными потребителями уральского угля.

Стадия ускоренного роста угольной промышленности на Урале совпала с индустриализацией, проводимой Советским Союзом в 1930–1950-х гг. Развитие отрасли стало ключевым элементом создания Урало-Кузнецкого комбината, что требовало значительного увеличения добычи местного топлива. В этот период были построены новые шахтерские города, такие как Кизел, Губаха и Гремячинск, что способствовало развитию угледобывающих территорий.

К концу 1970-х гг. привлекательность шахтерской профессии снизилась из-за тарифных реформ, которые уравняли зарплаты в угледобывающей отрасли с другими секторами. Это, наряду с тяжелыми условиями труда и нехваткой жилья, привело к нежеланию молодежи работать в шахтах. В 1990-х гг. началась реструктуризация угольной промышленности, что привело к ликвидации многих шахт и угледобывающих предприятий. К 1999 г. добыча угля в Кизеловском бассейне была полностью прекращена.

Реструктуризация угольной промышленности вызвала серьезные социальные проблемы в шахтерских городах, включая ухудшение демографической ситуации и снижение уровня жизни. Множество трудоспособного населения покинуло регион, что привело к нехватке квалифицированных специалистов. Кроме того, закрытие шахт вызвало ухудшение экологической обстановки: затопление горных выработок привело к самоизливу шахтных вод, что негативно сказалось на качестве подземных вод и экологии региона[10].

Кизел, Губаху и Гремячинск объединяет добыча угля. А вот остальные города и территории объединяет развитие обрабатывающих отраслей.

Горнозаводск — по историческим меркам молодой город: ему всего 42 года. Заводы Кусье-Александровский, Бисерский, Архангело-Пашийский, Теплогорский, а также Крестовоздвиженские промыслы дали жизнь поселкам, которые расположены теперь в границах Горнозаводского муниципального округа. Все предприятия входили когда-то в промышленные комплексы Голициных и Шаховских, которые, в свою очередь, взяли начало от строгановских вотчин. В этих местах, на реке Усть-Койва, был найден первый в России алмаз.

В конце XIX в. была сдана в эксплуатацию уральская горнозаводская железная дорога. Шла она от Перми через станции Чусовская и Гороблагодатская в Екатеринбург. На территории нынешнего Горнозаводского района стальной путь протянулся на 97 км с девятью станциями и несколькими разъездами. Одна из таких, что расположена в 186 км от Перми, получила название «Пашия». Деревянное небольшое помещение вокзала, несколько жилых домов, казарма для рабочих пути — вот и весь поселок. Шли годы, станция менялась. В 1937 г. партия изыскателей Пермского геологоразведочного управления обнаружила в окрестностях Пашии залежи известняка. Было

[10] Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012. 328 с.

принято решение строить в этом месте цементный завод. Но тогда этим планам помешала война. Строительство цементного гиганта возобновилось лишь весной 1948 г. Одновременно с этим развернулось строительство городка цементников среди нетронутого леса. Городок строился с таким расчетом, чтобы цементная пыль и другие вредные выбросы не могли достичь его. Вскоре появились первые три жилых дома на нынешней улице Калинина. Здесь же разместили столовую, красный уголок, небольшой магазин. Восемь двухквартирных домов положили начало первой улице — Октябрьской. 27 июля 1955 г. завод выдал первые тонны цемента, а 17 декабря приказом министра промышленности строительных материалов СССР он был включен в число действующих цементных предприятий страны. Первым директором был назначен Борис Александрович Тимофеев. Именно в эти годы на заводе впервые в мире было освоено производство расширяющегося портландцемента. На сегодняшний день в Горнозаводском муниципальном округе в структуре промышленности лидирует черная металлургия, машиностроение, производство стройматериалов, санитарно-технического оборудования.

Лысьва как населенный пункт известна с середины XVII в. Во второй половине XVIII в. земли, на которых расположена современная Лысьва, перешли по наследству к княгине Варваре Александровне Шаховской, дочери барона Александра Григорьевича Строганова. В 1785 г. было получено разрешение на строительство чугуноплавильного и железоделательного завода, что стало отправной точкой для формирования промышленного потенциала региона. Официальной датой основания Лысьвы считается 1785 г., а первая плавка на домне была осуществлена 2 декабря 1787 г. С развитием завода формировался и населенный пункт, который в XIX в. стал центром Лысьвенского горного округа. Вклад в развитие региона внесли три известные промышленные династии: Строгановы, Шаховские и Шуваловы. Граф Павел Петрович Шувалов, вступивший во владение в 1898 г., акцентировал внимание на социальном и экономическом развитии территории, что способствовало привлечению передовых специалистов и модернизации производства. С конца XIX — начала XX в. Лысьва переживала бурный экономический рост. Продукция Лысьвенского завода, в частности кровельное железо, завоевала признание на мировом рынке и была отмечена медалями на Парижской выставке в 1900 г. В 1908 г. в центре Лысьвы был установлен памятник графу П. П. Шувалову, что подчеркивает его значимость для региона. В советский период, несмотря на Гражданскую войну и разруху, Лысьва смогла восстановить свои производственные мощности. В 1926 г. населенный пункт получил статус города, а завод графа Шувалова стал крупнейшим предприятием отрасли — Лысьвенским металлургическим заводом (ЛМЗ). В годы Великой Отечественной войны ЛМЗ, известный как завод № 700, стал единственным производителем солдатских касок для Красной армии, а также поставлял боеприпасы и другие военные материалы. В послевоенное время Лысьва продолжила развиваться как промышленный центр. В городе были основаны новые предприятия, такие как турбогенераторный завод и чулочно-перчаточная фабрика. Лысьвенская эмалированная посуда, производство которой началось в 1913 г., стала известным брендом, успешно конкурирующим с западными аналогами. На сегодняшний день на территории завода действуют несколько мелких предприятий, продолжающих традиции производства. Таким образом, Лысьва представляет собой значимый исторический и промышленный центр, который прошел путь от небольшого населенного пункта до современного города с развитой промышленностью и богатой историей[11].

Чусовой — населенный пункт, имеющий богатую историю, уходящую корнями в древние времена. Первоначально земли, на которых расположен современный Чусовой, были населены предками народа манси, которые занимались не только традиционными видами хозяйственной деятельности, такими как охота, земледелие и рыболовство, но и активно участвовали в торговле. Археологические находки, включая украшения и монеты, свидетельствуют о торговых связях с Персией, что указывает на значительное расстояние — более 4000 километров — между этими регионами. В середине XVI в. началось освоение этих земель русскими, что привело к вытеснению коренного населения. В 1558 г. царь Иван Грозный предоставил купцу и промышленнику Григорию Аникеевичу Строганову земли вдоль берегов Камы до реки Чусовой. Спустя десять лет аналогичные привилегии были предоставлены брату Григория — Якову. В это время на левом берегу Чусовой было основано первое русское поселение — Чусовской

[11] Лысьва: путеводитель / ред. О. Н. Кочнева. Лысьва, 2018. 43 с.

городок, который позже стал известен как Нижний Чусовской городок. Для защиты от набегов местных племен и сибирских татар городок был укреплен высокими деревянными стенами и рвом. После смерти Строгановых их владения перешли к брату Семёну и сыну Якова — Максиму. Наследники расширили свои владения, основав Верхний Чусовской городок и присоединив к Нижнему городку два села: Никольское (ныне Верхние Муллы) и Камасино, которое стало первым поселением на территории современного Чусового. Чусовой был официально основан в 1878 г., после строительства станции на Уральской горнозаводской железной дороге. В 1879 г. князь Сергей Голицын совместно с французским предпринимателем Шарлем Барруеном приняли решение о строительстве Чусовского металлургического завода, который стал градообразующим предприятием. Завод был введен в эксплуатацию в 1882 г., а в 1884 г. начала работать первая доменная печь. Развитие завода способствовало росту поселения, которое со временем обрело статус города в 1933 г. Сегодня Чусовой представляет собой небольшой металлургический город, который славится не только своей промышленностью, но и спортивной культурой, уникальной природой и музеем под открытым небом. Город продолжает развиваться, сохраняя при этом свои исторические традиции и культурное наследие.

Впервые слово «Александровск» появилось в документах в начале XIX в. как название завода и поселка вокруг него — «Александровский завод». Разрешение на строительство «чугуноплавильного и железоделательного завода» давали неоднократно, начиная с 1763 г. «Рапорт» В. А. Всеволожского Пермскому горному правлению свидетельствует, что Александровский завод построен в 1786 г. С началом строительства завода связано и появление поселка. Первые поселения на территории Александровска появились в 1558–1570 гг. Построена и заселена слобода Яйвинская и несколько деревень, «да девять починков, да три пустоши, а в них двадцать дворов крестьянских…». Село Яйвинское (позднее — д. Посад) — одно из самых ранних сел на этой территории. В описи за 1750–1752 гг., составленной при разделе имущества между тремя наследниками Строгановыми, имеются названия селений, сохранившиеся до наших дней, такие как села Растётого, деревень Молчан, Ик, Разим, Косьва, Вильва, Макушино, Порошина, Елово и др. До декабря 1708 г. территория района входила в состав Соликамского уезда Великопермской земли. При разделе России на 8 губерний территория в составе Великопермской земли сначала оказалась приписанной к Сибирской губернии, затем к Пермской провинции Казанской губернии, а в 1775 г. — к Пермской губернии, выделенной из состава Казанской по указу Екатерины II. В XIX в. Александровская волость объединяла несколько сел, деревень, хуторов и поселков, в административном и хозяйственном отношении подчинявшихся управлению волости. Географическое положение и природно-ресурсный потенциал Александровска способствовали развитию промышленности. По мере развития в 1942 г. поселок Александровск становится центром промышленного района (1942–1951 гг.). Статус города областного подчинения Александровск получил в августе 1951 г. Муниципальное образование «Город Александровск» наделено статусом муниципального района Законом Пермской области от 01.12.2004 № 1888-412 «Об утверждении границ и о наделении статусом муниципальных образований административной территории города Александровска Пермской области». С 2006 г. город Александровск является административным центром муниципального района. Александровский район расположен в северо-восточной части Пермского края, граничит со Свердловской областью, Губахинским, Кизеловским, Усольским, Красновишерским, Добрянским и Соликамским районами. Территория района горно-холмистая, почти на 90 процентов покрыта лесом. Лес, известняки, торф — основное его богатство. В лесах водятся медведи, рыси, лоси, белки, лисица и др. Из птиц — глухари, рябчики, куропатки, тетерева. Развитие города и района связано с промышленностью. Ведущие промышленные комплексы района: топливно-энергетический, машиностроительный, лесопромышленный, производство строительных материалов. Действующими предприятиями являются ОГК-4 «Филиал «Яйвинская ГРЭС», Александровский машиностроительный завод, Луньевский каменный карьер и др. Перспективы развития района связаны с расширением существующих и освоением новых производств промышленными предприятиями.

В то же время на современном этапе развития региона мы наблюдаем негативные процессы деиндустриализации и депопуляции в конурбации, что подтверждается анализом динамики

численности населения[12]. Анализируя динамику численности населения муниципальных образований, входящих в состав Горнозаводской конурбации, становится очевидным, что происходит отток населения (*рис. 1*). Доля населения конурбации от общей численности населения Пермского края также снижается. Кроме того, в структуре занятости населения административных центров муниципалитетов среди экономически активного населения наблюдается также снижение численности работников[13]. Таким образом, в конурбации развивается процесс депопуляции и дезурбанизации малых городов: наблюдается отток населения из них и прилегающих к ним сельских территорий в крупные и крупнейшие города, происходит «сжатие» городского пространства, пригодного для комфортного проживания. Ежедневные трудовые миграции в рамках конурбации смещаются в сторону агломераций более высокого уровня. Если в самые сжатые сроки эти процессы не остановить, существует реальная угроза превращения всей Горнозаводской конурбации в депрессивную территорию с отдельными «анклавами» относительного экономического благополучия. Сама территория в этой ситуации потеряет свою привлекательность как постоянное место жительства[14].

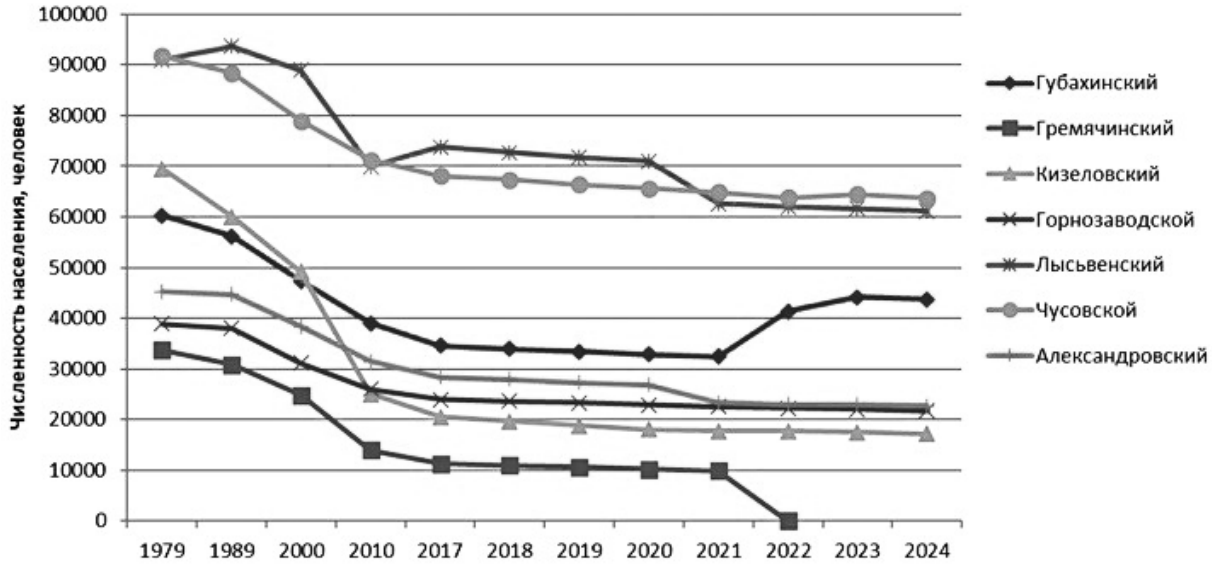

Рис. 1. Динамика численности населения Горнозаводской конурбации
Fig. 1. Population dynamics in the Gornozavodsk conurbation

Помимо снижения численности населения, в исследуемом регионе наблюдается деиндустриализация экономики. В течение XXI в. в Горнозаводской конурбации закрылось немало предприятий. В городском округе Кизел в 1997 г. закрыли последние шахты, а позже закрылись ремонтно-механический завод, хлебозавод и молочный завод. Теплогорский литейно-механический завод в Горнозаводском городском округе был закрыт в 2010 г., а в 2012 г. перестал работать Губахинский механический завод. В городе Лысьва закрылась Лысьвенская чулочно-перчаточная фабрика, в результате банкротства. Закрытие градообразующих предприятий (например, закрытие шахт и заводов в Кизеле) приводит к сокращению рабочих мест, что вынуждает население мигрировать в более развитые города и муниципалитеты. Кроме того, это приводит к снижению диверсификации экономики, делает ее менее устойчивой.

[12] Фадеева С. М. Динамика и структура населения Горнозаводской конурбации // Сборник материалов участников международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках XXI Большого географического фестиваля, посвященного 100-летию вхождения Географического Института в состав СПбГУ. СПб.: Свое издательство, 2025. С. 1128–1132 [Электронное издание].

[13] Латышева А. И., Лоскутникова Н. А. Анализ миграционных процессов Пермского края в контексте социально-экономической привлекательности региона // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 10 (октябрь). С. 256–260. URL: http://e-koncept.ru/2018/184052.htm (дата обращения: 29.11.2025).

[14] Блусь П. И., Ганин О. Б. Указ. соч.

Однако индустриальное наследие сохраняется, и одним из вариантов его коммерциализации может стать промышленный туризм. Как показал первоначальный анализ (табл. 1), размещение потенциала для развития промышленного туризма характеризуется территориальной неоднородностью. В этой связи для выявления наиболее перспективных территорий и «аутсайдеров» в составе Горнозаводской конурбации применялся метод интегрально-балльной оценки. Несмотря на простоту, этот метод имеет ряд преимуществ: объективность, учет нескольких показателей, ранжирование объектов по результатам оценки. Учитывая разнообразие объектов промышленного туризма в конурбации и самих муниципалитетов, данный метод позволит быстро и эффективно достичь цели исследования.

В общественно-географических исследованиях метод интегрально-балльной оценки получил значительное распространение. В том числе он широко применяется для оценки туристско-рекреационного потенциала территории[15]. Общая формула интегрально-балльной оценки промышленно-туристской привлекательности муниципального образования выглядит следующим образом:

$$ПТ_i = ПП \times К_{пп} + Ф \times К_ф + М \times К_м + АН \times К_{ан} + ПАМ \times К_{пам},$$

где $ПТ_i$ — общая сумма баллов оценки в i-м муниципалитете;
ПП — сумма баллов по группе ресурсов «Промышленные предприятия»;
Ф — сумма баллов по группе ресурсов «Фестивали и праздники»;
М — сумма баллов по группе ресурсов «Промышленные музеи»;
АН — сумма баллов по группе ресурсов «Промышленно-архитектурное наследие»;
ПАМ — сумма баллов по группе ресурсов «Памятники».

Для расчета общей суммы баллов по муниципалитетам была разработана шкала оценки компонентов интегрально-балльной оценки (табл. 2).

Таблица 2

Шкала оценивания компонентов интегрально-балльной оценки

Table 2

Breakdown of the components of the integral point score

Баллы по составляющим интегрально-балльной оценки				
0 баллов	**1 балл**	**2 балла**	**3 балла**	**4 балла**
Фестивали				
Фестивали отсутствуют	Проведение профессионального праздника, дня предприятия	Местный или региональный одножанровый фестиваль, проводящийся на действующей или заброшенной производственной площадке в течение 1 дня / предприятие участвует в местных или региональных фестивалях, демонстрируя свои производственные способности	Местный или региональный многожанровый фестиваль, проводящийся на действующей или заброшенной производственной площадке в течение нескольких дней / предприятие участвует в местных или региональных многожанровых фестивалях, демонстрируя свои производственные способности	Международный многожанровый фестиваль, проводящийся на действующей или заброшенной производственной площадке в течение одного или нескольких дней с большим количеством спонсоров / предприятие участвует в международных многожанровых фестивалях, демонстрируя свои производственные способности

[15] Гудковских М. В. Методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала // Географический вестник. 2017. № 1 (40). С. 102–116.

Музеи и выставки				
Промышленные музеи или выставки отсутствуют	Присутствует отдельный стенд об истории города и его предприятий в муниципальном городском музее	Присутствует тематическая выставка или выставки (отделения) в составе краеведческого музея, в том числе с применением интерактивных технологий / или существует корпоративный музей-выставка без интерактивных технологий	Существует корпоративный музей предприятия на самом предприятии или рядом с ним, в том числе с применением современных музейных технологий	Существует музей промышленной истории и развития технологий в муниципалитете, использующий самые современные интерактивные технологии
Промышленные предприятия				
Экскурсии не проводятся	Проводятся экскурсии для ограниченных групп, в основном в рамках профориентационной деятельности и по отдельным цехам, экскурсионные технологии не соблюдаются	Проводятся экскурсии для отдельных групп и в отдельные периоды года, по отдельным цехам, экскурсионные технологии соблюдаются частично	Проводятся экскурсии для всех желающих круглогодично, показывается весь технологический цикл, экскурсионные технологии соблюдаются частично	Проводятся экскурсии для всех желающих круглогодично, показывается весь технологический цикл, экскурсионные технологии соблюдаются полностью
Архитектурно-промышленное наследие				
Отсутствует	Присутствуют старые здания и производственные площадки в разрушенном состоянии, которые не используются	Присутствует архитектурно-промышленное наследие, которое не поддерживается в должном состоянии, но используется для нетуристских целей (в том числе заводские плотины и пруды)	Присутствует архитектурно-промышленное наследие, которое не поддерживается в должном состоянии, но используется для промышленного туризма	Присутствует архитектурно-промышленное наследие, которое поддерживается в должном состоянии и используется для промышленного туризма
Памятники				
0 баллов	**0,5 балла**	**1 балл**		
Отсутствуют	Памятник не поддерживается властями / населением	Памятник имеет хорошее состояние, используется в организации промышленных туров		

Для повышения объективности оценки итоговые баллы рассчитывались с учетом коэффициентов, где 1 — составляющая является основой промышленного туризма, 1,3 — составляющая имеет большой масштаб проведения мероприятий, 0,5 — составляющая является дополнением промышленного туризма[16].

Расчет баллов с учетом коэффициентов и результаты интегрально-балльной оценки представлены в таблице 3.

[16] Конышев Е. В., Фадеева С. М. Указ. соч.

Таблица 3

Интегрально-балльная оценка промышленно-туристской привлекательности муниципальных образований Горнозаводской конурбации

Table 3

Integral-point assessment of the industrial and tourist attractiveness of the municipal entities of the Gornozavodsk conurbation

Муниципальное образование	Промышленные предприятия, балл (коэф.= 1)	Музеи, балл (коэф. = 1)	Фестивали, балл (коэф. = 1,3)	Промышленно-архитектурное наследие, балл (коэф. = 0,5)	Памятники, балл (коэф. = 0,5)	Σ баллов
Губахинский городской округ, вкл. Гремячинский городской округ	8	5	5,2	2,0	1,0	**25,7**
	2	1	0,0	0,5	1,0	
Горнозаводский городской округ	10	4	6,5	2,5	0,5	**23,5**
Лысьвенский городской округ	12	2	3,9	3,0	0,5	**21,4**
Чусовской городской округ	8	7	1,3	2,0	1,0	**18,3**
Городской округ Кизел	6	2	5,2	2,5	1,5	**17,2**
Александровский муниципальный округ	4	4	0,0	3,0	0,0	**11,0**

При расстановке баллов учитывались свойства объектов промышленного туризма, к которым были отнесены действующие предприятия муниципалитетов, муниципальные и корпоративные музеи, архитектурно-индустриальное наследие, праздники и фестивали, посвященные индустриальному наследию муниципалитетов.

Губахинский муниципальный округ выделяется наличием двух крупных предприятий химической отрасли — это ОАО «Губахинский кокс» и ПАО «Метафракс Кемикалс». Эти предприятия получили оценку 2 балла, так как экскурсии проводятся здесь для небольших групп и показываются не все процессы производства, в силу его опасности. Компания ПАО «Метафракс Кемикалс» имеет свой корпоративный музей, где показана история губахинских химиков, путь их успеха, также можно увидеть нынешнее состояние предприятия, выпускаемую продукцию, историю ее создания и сферы применения. Данный музей получил оценку 3 балла, так как музей находится на территории предприятия и использует современные музейные технологии. Также в Губахе проводятся культурные мероприятия, приуроченные к промышленной тематике, это фестиваль «Губаха ALIVE» (2 балла), День шахтера (1 балл) и День химика (1 балл). Стоит отметить, что с 2022 г. Гремячинский городской округ был упразднен и вошел в состав Губахинского муниципального округа. В ходе оценки Гремячинский ГО получил суммарный балл 4,5, который был добавлен Губахинскому МО. За счет имеющихся объектов, которые представляют большой масштаб и основу промышленного туризма, Губахинский МО занял 1-е место.

Горнозаводской муниципальный округ занял 2-е место благодаря большому количеству объектов промышленного туризма. Здесь сосредоточено 7 промышленных предприятий, имеется 6 объектов архитектурно-индустриального наследия и проводятся 2 фестиваля, посвященных промышленности.

Лысьвенский муниципальный округ занял третью строчку рейтинга благодаря наличию 6 промышленных предприятий, проведению фестиваля «Взлетка» и празднику День металлурга; так, на территории имеется 4 объекта архитектурно-промышленного наследия, в том числе памятник П. П. Шувалову.

Таким образом, мы видим, что Губахинский МО, Горнозаводской МО, Лысьвенский МО, Чусовской МО, Кизеловский МО имеют наибольшие баллы. Заметно от лидеров отстает Александровский МО. Однако это не мешает сделать вывод, что выбранная для исследования

территория имеет богатое промышленное наследие, наделена потенциалом для развития промышленного туризма.

По результатам оценки была составлена карта (*см. цв. вклейку, рис. 31*), на которой отображено количество объектов промышленного туризма в Горнозаводской конурбации, а также представлены результаты оценки. Все объекты связаны непосредственно с промышленным развитием территории. Они отражают прошлое, настоящее и будущее данной территории.

Исходя из комплексного анализа территории Горнозаводской конурбации, можно сделать следующие выводы:

— муниципалитеты имеют богатую историю, связанную с промышленным производством и добычей полезных ископаемых (табл. 1);

— численность населения убывает, число экономически активного населения в административных центрах муниципалитетов снижается (*рис. 1*);

— функциональная структура конурбации разнообразна, представлена и добычей полезных ископаемых, и обрабатывающими производствами, сельским хозяйством, а также сферой услуг;

— все муниципалитеты конурбации обладают богатым индустриальным наследием (*см. цв. вклейку, рис. 31*).

Заключение

Вследствие того, что Горнозаводская конурбация имеет высокий потенциал развития промышленного туризма, следует предложить концепцию развития данного вида на выбранной территории.

Концепция развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации Пермского края должна учитывать уникальные особенности региона, включая историческое наследие заводов, природные ландшафты и культурные традиции. В основе концепции должна лежать идея об усилении межмуниципального взаимодействия, в том числе за счет создания межмуниципального кластера развития промышленного туризма.

Кластерный подход позволит сформировать условия для развития туристической инфраструктуры для создания комфортных условий пребывания туристов в регионе, укрепить имидж региона как уникального места для промышленного туризма. Повышение инвестиционной привлекательности конурбации позволит повысить эффективность мер по стимулированию развития малого и среднего предпринимательства в сфере услуг. Важными направлениями должны стать и организация экскурсий, и образовательных программ для школьников и студентов. И уже на стадии проектирования туристских маршрутов и привлечения инвесторов необходимо провести большую работу по брендированию территории для повышения ее известности в других регионах страны.

Важными мероприятиями должны стать организация туров по историческим заводам и фабрикам, проведение знакомства с историей производства и технологиями, открытие больших интерактивных музеев, посвященных истории металлургии, машиностроения и других отраслей региона. Нужно проводить тематические фестивали, ярмарки и мероприятия, отражающие промышленное прошлое региона. Демонстрировать современные технологии и инновации в промышленности. Организовывать выставки и мастер-классы, демонстрирующие современные производственные процессы. Разрабатывать и создавать сувенирную продукцию для формирования положительного имиджа.

Все объекты имеющейся туристской инфраструктуры региона и индустриального наследия необходимо грамотно вписывать в маршруты промышленного туризма, в том числе на межрегиональном и национальном уровнях.

Таким образом, концепция развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации Пермского края должна учитывать территориальные различия в потенциале муниципальных образований, базироваться на современных подходах к организации туристско-рекреационной деятельности и должна учитывать интересы местных сообществ и обеспечивать комплексное развитие региона, сохранение исторического наследия и повышение качества жизни населения. В конечном итоге промышленный туризм может стать источником дохода, способствовать увеличению количества рабочих мест и поможет предприятиям привлекать молодые кадры на производство.

References

Bakanov S. A. *Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyy tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [The Urals' Coal Industry: The Life Cycle of the Industry from Its Inception to Decline]. Chelyabinsk: Entsiklopediya Publ., 2012. (In Russian).

Blus P. I., Ganin O. B. [Spatial Aspects and Prerequisites for Agglomeration Process in Old Industrial Territories of the Western Urals]. *Ars Administrandi*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 656–677. EDN: WVOOGN. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-4-656-677 (In Russian).

Demeshko V. N. [Omsk as a Center for Industrial Tourism]. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya* [Astrakhan Bulletin of Ecological Education], 2023, no. 2 (74), pp. 48–58. EDN: XXODPU. DOI: 10.36698/2304-5957-2023-2-48-58 (In Russian).

Fadeeva S. M. [Dynamics and Structure of the Population of the Gornozavodsk Conurbation]. *Sbornik materialov uchastnikov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh v ramkakh XXI Bol'shogo geograficheskogo festivalya, posvyashchennogo 100-letiyu vkhozhdeniya Geograficheskogo Instituta v sostav SPbGU* [Collection of Materials of Participants of the International Scientific and Practical Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists within the Framework of the 21st Great Geographical Festival Dedicated to the 100th Anniversary of the Inclusion of the Geographical Institute into St. Petersburg State University]. Saint Petersburg: Svoye izdatel'stvo Publ., 2025, pp. 1128–1132. (In Russian).

Gudkovskikh M. V. [Methodology for Comprehensive Assessment of Tourism Potential]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin], 2017, no. 1 (40), pp. 102–116. EDN: YNBUUL. DOI: 10.17072/2079-7877-2017-1-102-116 (In Russian).

Konstantinova A. S., Panchenko O. L. [Industrial Tourism: Peculiarities and Development Prospects in Russia]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 82–91. EDN: SGEUUH. (In Russian).

Konyshev E. V., Fadeeva S. M. [Methodology for Integral Score Assessment of the Industrial and Tourist Attractiveness of Municipalities (Using the Example of the Perm Territory)]. *Nauchnyy rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa* [Research Result. Business and Service Technologies], 2023, vol. 9, no. 4, pp. 13–24. EDN: UMYCIP. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-4-0-2 (In Russian).

Latysheva A. I., Loskutnikova N. A. [Analysis of the Migration Processes in the Perm Region in the Context of the Socio-Economic Attractiveness of the Region]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"], 2018, no. 10 (October), pp. 256–260. Available at: http://e-koncept.ru/2018/184052.htm (accessed: 03.03.2026).

Pozdeeva O. G. [Some Aspects of Tourism Development in an Industrial Region (On the Example of the Sverdlovsk Region)]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2022, no. 3, pp. 156–159. EDN: AOZZCZ. (In Russian).

Razvitiye paradigmal'nykh idey v otechestvennoy regional'noy ekonomike [Development of Paradigmatic Ideas in the Domestic Regional Economy]. Ekaterinburg: UrGEU Publ., 2022. (In Russian).

Taskaeva S. V. [Potential of Industrial Tourism at the Present Stage]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2023, vol. 2, no. 6 (63), pp. 107–112. EDN: MPIZEU. (In Russian).

Zyryanova I. S., Safaryan A. A. [Industrial Tourism in Perm Region]. *Geografiya i turizm* [Geography and Tourism], 2021, no. 2, pp. 66–71. EDN: NAGOBJ. (In Russian).

УДК 911.513 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-124-133

Салов Андрей Владимирович
хранитель фондов МАУК «Музей истории Екатеринбурга», научный сотрудник ЦИКИ «Астра» (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0009-0000-9205-007X
E-mail: andronus@list.ru

Оценка значимости изменения промышленного ландшафта для модернизации городского пространства на примере этапов развития территории Паркового микрорайона города Екатеринбурга

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена систематизации и уточнению знаний о событиях, повлиявших на появление, становление и развитие южной части Екатеринбурга — микрорайона Парковый. Проанализированы факторы и явления, сформировавшие территорию как один из крупных очагов фабричного (производственного) центра города в разные периоды его истории с середины XVIII до конца XX в. Данная работа выполнена на основе анализа картографических и письменных источников и рассматривает теоретические и практические аспекты организации промышленного ландшафта на примере одного конкретно взятого микрорайона. Анализируется роль и значимость развития реального производственного сектора в модернизации города. В тексте приведены девять ключевых процессов застройки исследуемой территории, семь из которых непосредственно связаны или находятся под значительным влиянием промышленной сферы. Располагающиеся в границах исследуемого района производственные предприятия не просто сформировали рассматриваемую территорию, они, по сути, ее отстроили, возводя для своих сотрудников жилые дома, бытовые комбинаты и социальные учреждения. К частной инициативе самостоятельных купцов и промышленников, возводивших на ранних этапах развития территории свои небольшие фабрики и мануфактуры по берегам реки Исеть, достаточно быстро подключается городское регулирование, вынужденное создавать и организовывать комфортные условия для разрастающегося производственного комплекса. С приходом советской власти развитие участка и вовсе переходит полностью под государственное управление. Ключевыми факторами здесь становится национализация действующих фабрик, создание новых больших государственных предприятий-гигантов и эвакуация на Урал уже действующих производств. Появление так называемых «точек притяжения» для стремительно разрастающегося городского населения (площади, рынки, парки отдыха) также отмечено в статье как значимый этап развития территории. Подобное исследование и используемый набор источников для анализа данной территории рассматриваются для микрорайона впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбург, Парковый, микрорайон, предпринимательство, фабрика, промышленность

Для цитирования: Салов А. В. Оценка значимости изменения промышленного ландшафта для модернизации городского пространства на примере этапов развития территории Паркового микрорайона города Екатеринбурга // Историко-географический журнал. 2026. Т. 5, № 2. С. 124–133. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-124-133.

Поступила в редакцию 02.04.2026
Принята к публикации 06.07.2026

© Салов А. В., 2026

UDC 911.513 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-124-133

Andrey V. Salov
Museum of the History of Ekaterinburg, Central Institute of Cultural Heritage "Astra" (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0009-0000-9205-007X
E-mail: andronus@list.ru

Changes in the Industrial Landscape and Modernization of Urban Space. The Case of the Parkovy Microdistrict of the City of Ekaterinburg

ABSTRACT. The article aims to systematize and refine knowledge about the events that influenced the emergence, formation, and development of the southern part of the city of Ekaterinburg – the Parkovy microdistrict. It analyzes the factors and phenomena that shaped this area as one of the major centers of the city's factory (manufacturing) center at different periods in its history, from the mid-18th to the late 20th century. The study, based on cartographic and written sources, examines the theoretical and practical aspects of organizing the industrial landscape using the example of one specific microdistrict. It analyzes the role and significance of the development of the real manufacturing sector in the city's modernization. The text presents nine key development processes in the area, seven of which are directly related to or significantly influenced by the industrial sector. The industrial enterprises located within the boundaries of the study area did not merely shape the territory in question; they, in essence, rebuilt it, constructing residential buildings, communal facilities and social institutions for their employees. The private initiatives of independent merchants and industrialists, who in the early stages of the area's development built their small factories and manufactories along the banks of the Iset River, were fairly quickly joined by the city administration, which was compelled to create and organize comfortable conditions for the expanding industrial complex. With the advent of Soviet rule, the development of the area came entirely under state control. Key factors here were the nationalization of existing factories, the creation of new, large state-owned enterprises, and the evacuation of existing production facilities to the Urals. The emergence of so-called "points of attraction" for the rapidly growing urban population (squares, markets, leisure parks) is also highlighted in the article as significant stages in the area's development. This is the first study of this concerning the microdistrict.

KEYWORDS: Ekaterinburg, Parkovy, microdistrict, entrepreneurship, factory, industry

For citation: Salov A. V. [Changes in the Industrial Landscape and Modernization of Urban Space. The Case of the Parkovy Microdistrict of the City of Ekaterinburg]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2026, vol. 5, no. 2, pp. 124–133. DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-124-133 (In Russian).

Received 2 April 2026
Accepted 6 July 2026

© 2026 The Author

В настоящий момент город Екатеринбург состоит из восьми районов: Академический, Верх-Исетский, Железнодорожный, Кировский, Ленинский, Октябрьский, Орджоникидзевский и Чкаловский. Каждый из них, в свою очередь, делится на микрорайоны — небольшие сегменты городской застройки, представляющие собой комплекс жилых домов, учреждений социально-бытового обслуживания и транспортных путепроводов. Один из таких микрорайонов — Парковый — не принято называть индустриальным (промышленным) очагом города, хотя таковым он, безусловно, является. Начав свою историю во второй половине XVIII в. как небольшая промысловая заимка Грязновых, он быстро разрастается в важную промышленную территорию, где богатые купцы-старообрядцы Харитонов, Симбирцев, Рязанов, Казанцев, Толстиков, Логинов, Нуров и др. возводят свои скотобойные, салотопенные, кожевенные, кирпичные, свечные, маслобойные и мыловаренные заводы, запрещенные к устройству в городской черте.

С течением времени количество и мощности производственных площадок к югу от центра города только возрастали. На небольшой территории микрорайона (1,7 кв. км на 19,5 тыс. человек[1,2]) в его современных границах ул. Декабристов — Базовый пер. — ул. Щорса — река Исеть к XX в. уже насчитывается около десяти крупных промышленных площадок, выпускающих сотни наименований продукции, от пищевой до военной направленности. Эти учреждения не просто сформировали рассматриваемую территорию, они, по сути, ее выстроили, возводя для своих сотрудников жилые дома, бытовые комбинаты и социальные учреждения.

В соответствии с докладом «Проблемы планового регулирования дальнейшего развития Свердловска» 1973 г., за черту города должны были быть вынесены 18 предприятий[3]. Однако абсолютное большинство из них по сей день остаются на своих местах. В том числе и в рассматриваемом микрорайоне, где все пути и направления от построенного фабриками жилья ведут на завод. На территории совсем небольшого Паркового и в непосредственной близости от него в настоящее время продолжает работать достаточно большое количество промышленных предприятий, оказывающих непосредственное влияние на функционирование рассматриваемой территории: Уральский оптико-механических завод, Пневмостроймашина, кондитерское объединение «Славянка» (бывшее «Конфи»), фармацевтическое предприятие «Уралбиофарм» (бывшая фабрика бр. Коробейниковых), концерн «Юнирусь» (бывшие парфюмерно-косметическая компания «Калина», фабрика «Уральские самоцветы») и другие.

Но только ли производственные компании задавали вектор развитию микрорайона? Какие события повлияли на рост промышленности? Чем помимо работы жили люди в разные периоды истории данной территории? Цель этой статьи — проследить формирование территории исследуемого района от его возникновения до настоящего времени, описав этапы становления изучаемой местности, ее функциональных составляющих в разные периоды XVIII–XX вв.; оценить уровень влияния развивающегося промышленного ландшафта на модернизацию городского пространства; используя богатый картографический и документальный материал фондов ГАСО и МИЕ, разобрать цепочку обстоятельств, которые создали современный облик исследуемого участка (*см. цв. вклейку, рис. 40*).

Известно несколько исследований развития территории Паркового микрорайона города Екатеринбурга. В рамках проекта «Екатеринбург — город семи районов» Музей истории Екатеринбурга провел краеведческий обзор на данную территорию, результатом которого послужили исторический лонгрид «Микрорайон Парковый»[4] и карманный путеводитель «Парковый» [5]. Также к 90-летию со дня основания района было выпущено издание с подробным описанием истории территории района [6]. Данные публикации носят обзорный популяризационный харак-

[1] Отчет о научно-исследовательской работе. Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «Город Екатеринбург» до 2035 года: Этап 5. Формирование комплексного профиля специализации микрорайонов. Октябрьский административный район / Кузьмин А. И. [и др.]. Екатеринбург, 2017. С. 30–40.

[2] Козлова О. А., Макарова М. Н. Формирование расселения на основе результатов демографического прогнозирования крупнейшего города (на примере Екатеринбурга) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 2. С. 274.

[3] Фонды МИЕ. КП 13817, 13818.

[4] Лепаловская В. А. Микрорайон Парковый // Екатеринбург — город семи районов. URL: https://ekb7.ru/parkoviy (дата обращения: 16.03.2026).

[5] Лепаловская В. А. Парковый. Карта-путеводитель. Екатеринбург, 2020.

[6] Бурденков Е. А., Лепаловская В. А., Салов А. В. К 90-летию со дня основания Октябрьского района города Екатеринбурга. Екатеринбург, 2024.

тер. В этой статье содержащаяся в них информация будет дополнена, структурирована и разделена на основные этапы.

1 этап: 1754 г. — Грязновы на реке Исеть

Первое упоминание об освоении территории исследуемого района приведено в книге Н. С. Корепанова «Первый век Екатеринбурга»[7]. В 1754 г. на реке Исеть, в полутора верстах ниже города, хлебную мельницу и дубовую толчею завел шарташский житель Иван Степанович Грязной. По рекам выше заводов строить мельницы запрещалось. Со своими сыновьями Гаврилой и Осипом на левом берегу Исети Грязнов также сооружает крупяную толчею, каменный овин для сушки дуба и салотопню с двумя железными котлами[8]. Эти сооружения являлись своего рода доминантой поймы реки Исеть, и при отводе мест для застройки в прилегающих к мельничной плотине районах обязательно указывалось положение новой усадьбы относительно Грязновской хлебной мельницы[9].

Безусловно, южные земли по берегам реки Исеть были чрезвычайно привлекательными для заселения и организации небольших частных производств. Именно поэтому после издания в 1785 г. грамоты Екатерины II «на права и выгоды городам» произошел бурный всплеск промышленной деятельности екатеринбургского купечества. Богатые купцы-старообрядцы Харитонов, Симбирцев, Рязанов, Казанцев, Толстиков, Логинов и др. стали возводить здесь свои скотобойные, салотопенные, кожевенные, свечные, маслобойные и мыловаренные заводы, запрещенные к устройству в городской черте[10,11].

В начале XIX в. Анисья Грязнова строит при фамильной плотине уже на правом берегу Исети каменную мельницу о двух поставах, крупорушку и дубовую толчею. Вдобавок на участке сооружается кирпичное производство — самое надежное предприятие во времена массового каменного строительства[12]. Позднее здесь поселится купеческая семья Нуровых. Именно они впоследствии и построят мост по современной улице Декабристов (Царский), который даст дальнейшее развитие исследуемого района[13]. Память об этих людях с любовью хранят активисты сообщества «Сад Нурова». На противоположном от них левом берегу в своей роскошной усадьбе также будут проживать многие влиятельные купцы Екатеринбурга: Расторгуевы, Сухаревы, Рязановы, Харитоновы и Белиньковы. Сейчас их усадьба снесена, и на ее месте ведется строительство следующей очереди жилого комплекса.

Хотя, конечно, жизнь на исследуемом участке была и раньше. К примеру, пресса того времени фиксирует следующие археологические находки: «…при рытье канавы на постройке Царского моста рабочие наткнулись на разные старинные вещи, вроде медных нательных крестов». Также обществу «были представлены затылочная кость с одним рогом громадного оленя, кости и зубы мамонта, головные кости носорога; каменные орудия, медные иконы маленького размера, вынутые из земли при перестройке Царского моста».

Выбирая возможный участок для организации городской плотины, посещал этот участок Исети выше Уктуса и основатель города В. Н. Татищев. На основании сделанного в декабре 1722 г. рисунка, на котором схематично изображена долина и русло реки Исеть, участники экспедиции Татищев и Бурцев обозначили это место как одно из возможных и благоприятных для устройства плотины нового завода. На этом участке пойма Исети немного сужается. Левый берег обрывист, на правом (берег небольшого полуострова) располагается пойма реки Камышенка (позднее — Монастырка)[14] (*рис. 1*).

---

[7] Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 68.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 749, 850, 996.
[9] Корепанов Н. С., Блинов В. А. Город посредине России: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007. С. 33–34.
[10] ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 353.
[11] Микитюк В. П. Роль екатеринбургских предпринимателей в развитии салотопенной отрасли Пермской губернии (конец XVIII — начало XX в.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2018. Т. 1. С. 181–182.
[12] ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 76.
[13] ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 551; Ф. Р-191. Оп. 1. Д. 1535.
[14] Корепанов Н. С. Указ. соч. Вклейка.

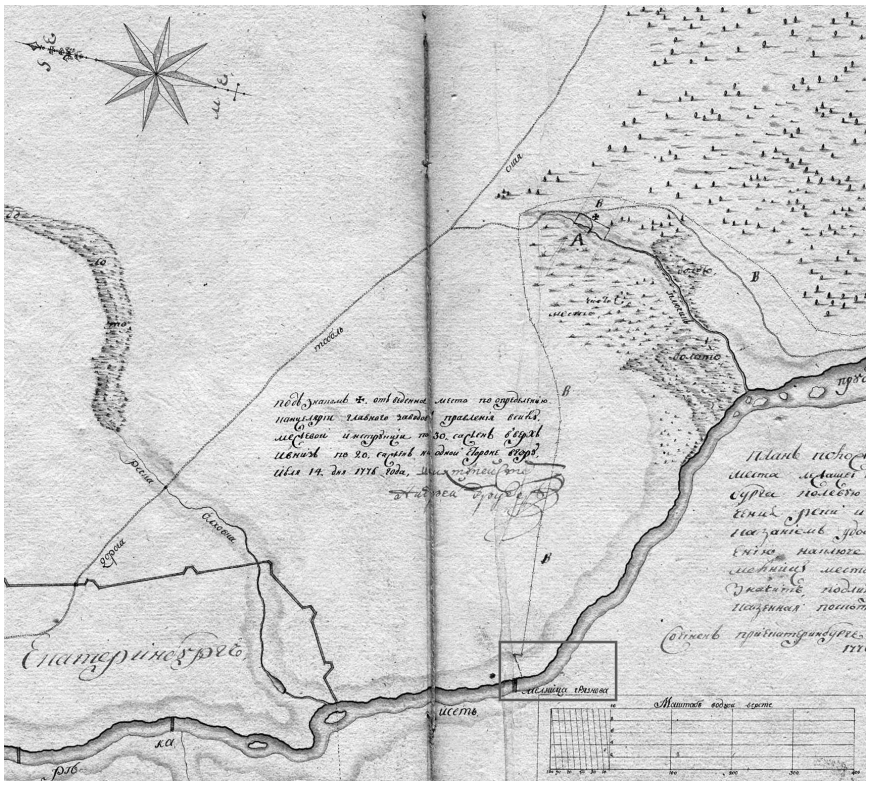

Рис. 1. Исследуемая территория на плане 1776 г. Фонды МИЕ, КП 8960
Fig. 1. The study area on the 1776 map. MIE Archives, KP 8960

2 ЭТАП: 1804 Г. — ОТ БУМАЖНОЙ ФАБРИКИ К ОПТИЧЕСКОМУ ХОЛДИНГУ

Чуть дальше по течению от Грязновых планы 1804–1814 гг. фиксируют искусственно сооруженную плотину на притоке реке Исеть[15]. Здесь располагался пруд бумажной фабрики, который к 1820-м гг. выкупит предприимчивый маркшейдер гиттенфервалтер 10-го класса Иван Васильевич Полков и организует тут водочный завод. В окрестных территориях вдоль Сибирского тракта купцом Баландиным был устроен «курорт» с серными водами[16].

Далее, в 1852 г., помещик Арсентьев откупил землю и выстроил в районе Большого водочного завода химический и стеариновый завод, главной продукцией которого становятся бытовые свечи. После пожара в 1857 г. предприятие, на котором работало около 100 сотрудников, было куплено промышленником Плехановым и далее еще много раз перепродавалось и отстраивалось заново: великобританским подданным Эджертоном Губбартом (в 1864 г.), братьями Ошурковыми (в 1882 г.) и братьями Крестовниковыми (в 1887 г.). Подвергшись нескольким серьезным пожарам, завод отстраивался и разрастался. К перечню продукции было добавлено мыловаренное и фосфорное производство, а штат рабочих увеличился до 1000 человек.

В 1897 г. завод переходит к известным фабрикантам братьям Макаровым, которые и организуют на этом месте прядильно-ткацкую фабрику, которая в 1917 г. переходит в руки рабочих и становится Свердловской льно-прядильной ткацкой и шпагатной фабрикой им. Ленина — самым крупным городским предприятием того времени[17,18].

В 1942 г. на промышленную площадку эвакуирован московский завод № 217, что послужило стартом оптического профиля этой территории (Геофизика, УОМЗ, холдинг Швабе). Именно это предприятие в значительной степени формировало городскую застройку исследуемого микро-

[15] Фонды МИЕ. КП 8960.
[16] Товарищ Терентий. № 2, 1925 г.
[17] ГАСО. Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 1. Д. 810.
[18] Люди фабрики им. В. И. Ленина. Рассказы работниц Свердловской льно-ткацко-прядильной фабрики. Свердловск, 1938. С. 4–6, 31–36.

района, активно возводя вокруг производственных площадок жилье для своих сотрудников. Основными этапами жилищной застройки территории являются: 1 — частная одноэтажная застройка времен фабрики Ошурковых — Макаровых, 2 — деревянные 2-этажные четырехквартирные дома первого кооперативного товарищества «Самодеятельность» при Ленинской фабрике в 1925 г., 3 — послевоенная застройка шлакобетонными 18-квартирными домами серии 228-5 для завода п. я. 942 (УОМЗ) в 1954–1955 гг. и 4 — современная высотная застройка 1960-х гг. (тоже, преимущественно, являющаяся УОМЗовским «самстроем») [19,20] (*см. цв. вклейку, рис. 32*).

3 этап: 1824 г. — спрямление Сибирского тракта

После ликвидации Верхотурской таможни главная сибирская дорога переместилась на Средний Урал и пролегла через Екатеринбург. Новый путь на восток стал называться Сибирский тракт. К концу XVIII в. он подходил к Главному проспекту города с запада в районе так называемого Московского шлагбаума (на пересечении современных улиц Ленина и Сакко и Ванцетти) и продолжался от восточной оконечности города — от Сибирского шлагбаума (пересечение современных улиц Ленина и Тургенева). С течением времени город разрастался, и восточные «ворота» города меняли местоположение. Так, в начале XIX в. Сибирский тракт начинался уже от современной улицы Карла Маркса. Но в 1824–1826 гг. восточный въезд в город был окончательно закреплен в месте пересечения современных улиц Декабристов и Восточной, где и находится по сей день[21].

Место, обозначающее старую границу Екатеринбурга, сейчас зафиксировано каменными столбами Сибирской заставы. Они были установлены в 1836–1837 гг. в честь приезда в город цесаревича Александра, маршрут которого как раз проходил через эту территорию, которая, конечно, год от года заметно оживлялась и развивалась. К середине XIX в. к востоку от въезда в город возникло Австрийское старообрядческое и Спасское единоверческое кладбище[22]. На последнем была выстроена Михайло-Архангельская церковь, которая в законсервированном состоянии сохранилась до настоящего времени на территории кондитерской фабрики. В районе заставы размещают кузницу, поскотину для лошадей и казенные постройки. Обывательские жилые дома в этот период тут только-только зарождались[23] (*см. цв. вклейку, рис. 33*).

4 этап: 1835 г. — Метеостанция

В конце 1835 г. на самой высокой естественной точке тогдашнего города — Лысой (Плешивой) горе — открывается Екатеринбургская магнитно-метеорологическая обсерватория[24]. Она стала первым научным учреждением на Урале и ни разу, вплоть до сегодняшнего дня, не останавливала свою работу. На вершине холма, с которого хорошо просматривался город, были построены два небольших здания, «не употребляя ни малейше железных гвоздей и прочего железа». Постепенно развиваясь, метеостанция от простых наблюдений за погодными явлениями (фиксация и передача данных) перешла к предсказываниям погоды («отдел предупреждения о метелях»), а на территории отстроились дополнительные деревянные павильоны. В 1906 г. при обсерватории начинает работу сейсмическая станция[25]. На обнесенной забором территории не только работали, но и жили метеорологи со своими семьями. Восточный склон горки был отдан ботаническому саду. Там и сейчас в ряд стоят высаженные ими деревья.

В 1975 г. на горе начали строить новое здание Метеослужбы — «дворец погоды». Огромное стеклянное сооружение по проекту архитектора П. Д. Дёминцева возводили долго. Оно было сдано лишь в 1990 г. Тогда же появилась и смотровая площадка с открывающимся видом на город (*см. цв. вклейку, рис. 34*).

---

[19] ГАСО. Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 1. Д. 812, 819.

[20] Бурцев А. Г. Самодеятельное строительство жилья в Свердловске 1924–1925 гг. Кооперация и частники // Архитектон: известия вузов. 2014. № 4 (48). С. 122–125.

[21] ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7492.

[22] ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 8332.

[23] Там же.

[24] Уральская жизнь. 22.09.1910.

[25] Свердловская магнитная и метеорологическая обсерватория. 1836–1936. Юбилейный сборник. Свердловск, 1936. С. 29–40, 77–81.

5 этап: 1885 г. — железнодорожная ветка и ст. Шарташ

Следующим важным пунктом развития района стало строительство железнодорожной ветки Екатеринбург — Тюмень и организация железнодорожной станции, изначально носившей наименование Екатеринбург-II. Она была образована в 1885 г. и имела в своем обслуживании несколько платформ, угольных складов и станционных служебных зданий [26]. К главной станции Екатеринбург-I отсюда отходила одноколейная железнодорожная ветка, проложенная вдоль лесного массива и городской окраинной улицы, — Вторая Восточная. Екатеринбург-Тюменскую железную дорогу сооружал известный инженер-строитель и отличный практик Пётр Эрнестович Гёттэ, а торжественное открытие станции возглавлял Пермский губернатор.

После завершения в 1913 г. строительства железной дороги Тюмень — Омск это направление стало северным ходом Транссиба. В эти годы здесь же, на северной части территории, появляется станция Екатеринбург-III с выходом на современную улицу Вишнёвую. Деля одну территорию, эти две станции принадлежали разным железным дорогам. Новая — обслуживала Тавдинское направление[27].

В годы Гражданской войны станция Екатеринбург-III стала свидетелем исторических событий: 30 апреля 1918 г. на товарную часть станции был доставлен поезд с Николаем II и его семьей. Здесь произошла передача царских узников местным большевикам. На этом месте сейчас располагается информационная табличка.

После объединения двух железных дорог необходимость в содержании двух станций отпала, и в 1920-х гг. их объединили в одну, назвав Екатеринбург-II, а в 1924–1925 гг., на волне переименования города Екатеринбурга в Свердловск, станция была переименована в Шарташ. В советские годы станция активно развивается и становится одним из транспортно-логистических центров Свердловска. Прокладываются новые пути, в том числе на многочисленные предприятия и тресты. Строятся склады и базы, при станции появляется «деревянный поселок» работников железной дороги. Многие до сих пор помнят деревянное здание вокзала с печным отоплением, колоннами, панорамными окнами и скрипучими полами. Построенное в 1950-х, оно было снесено в 2017 г. Среди старинных помещений станции до нас сохранилось лишь здание товарной конторы у пешеходного моста. В 2023 г. на станции был установлен первый в России капсульный модульный вокзал, напоминающий вагон скоростного поезда с панорамным остеклением (*рис. 2*).

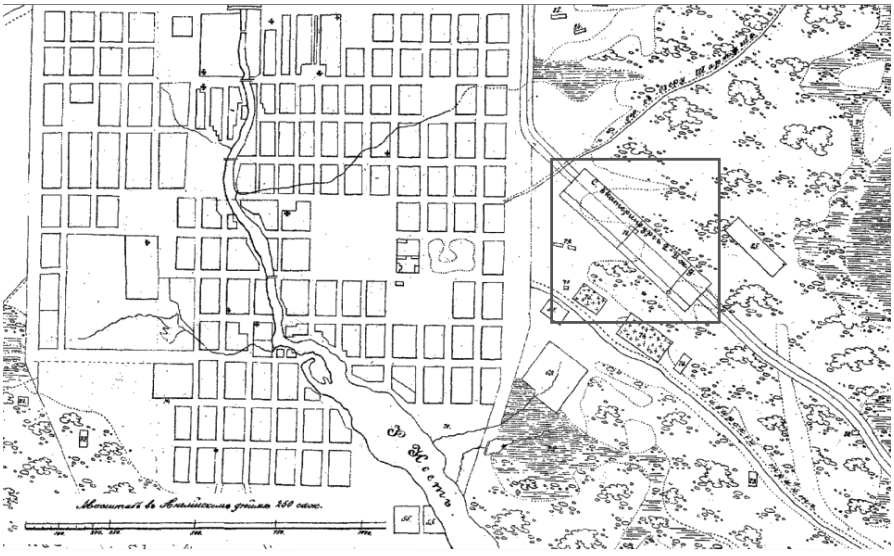

Рис. 2. Исследуемая территория на плане 1888 г. ГАСО. Ф.Р-191, оп.1, д. 254
Fig. 2. The study area on the 1888 map. GASO. F.R-191, op. 1, d. 254

[26] Симанов И. И. Город Екатеринбург: сборник историко-статистических и справочных сведений, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Справочное издание по городу Екатеринбургу. Екатеринбург, 1889. С. 1029–1030.
[27] ГАСО. Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 1. Д. 8423.

6 этап: 1885 г. — Ночлежный дом и площадь

На небольшом пустыре, примыкающем к Сенной площади, 12 сентября 1885 г. был открыт Ночлежный приют[28]. Под это заведение, где могли на ночь помещаться бездомные в количестве до 450 человек, городским обществом был приспособлен казенный хлебозапасный магазин. Он был построен еще во времена генерала Глинки и предназначался для хранения хлеба, представляя из себя высокое белое здание с полукруглыми окнами и каланчой. При переделке этого громадного по своей длине здания в жилищный дом внутренняя обшивка из досок была выломана, построены в два этажа нары, вставлено несколько окон и печей. В одной из комнат ночлежки висел в рамке портрет ее основателя — И. И. Симанова. В начале XX в. ночлежный дом будет отремонтирован и несколько перестроен для размещения в нем двух рот Оровайского полка[29].

В честь этого дома была названа площадь — Ночлежная (затем — Симеоновская, Максима Горького, Обороны). В начале XX в. в восточной ее части была заложена церковь-школа Симеона Верхотурского и возведен арестный дом, где в 1918 г. содержались слуги семьи Николая II. В непосредственной близости от площади работают дрожже-винокуренный завод Чистякова и первое отделение городской больницы коммерции советницы А. С. Рязановой[30,31] (*см. цв. вклейку, рис. 35*).

7 этап: 1932 г. — Шарташский рынок

Летом 1932 г. на пустыре, где в рамках «пятничного торга» стихийно торговали ремесленники, мастера, кузнецы и кожевники из села Шарташ, был открыт Шарташский советский колхозный базар[32]. Уже к концу года на территории совбазара проводилось электричество и организовывалось освещение[33]. Всего на территории рынка планировалось размещение пяти деревянных торговых павильонов, столовой-чайной, парикмахерской на два кресла и сапожной мастерской. Помимо сельскохозяйственной продукции (фрукты, овощи, мясо, молоко) на рынке можно было найти одежду и обувь, галантерею и ткани, посуду и радиотовары. В разные периоды на базаре продавались железо-скобяные товары, оконные стекла, керосин и даже сельскохозяйственные машины (плуги, культиваторы, брички...). В рамках программы «Смешанные рынки на районах» сбывали тут скот и сено.

В 1966 г. началась и в 1975 г. закончилась реконструкция рынка. Под руководством группы архитекторов Свердловского отделения Гипроторга (В. Назаров, В. Тягунов, А. Булыгин, Н. Лопатина, Э. Фролов) главный павильон рынка предстал в виде красивого куполообразного сооружения без перегородок внутри[34]. Свод-оболочку поддерживали несколько боковых колонн, а стены были выполнены из стекловидных блоков. Имея «собрата» в московских Черёмушках, проект Шарташского (Октябрьского) рынка был доработан под уральские реалии и, таким образом, стал считаться уникальным.

В исследуемом районе также вел свою деятельность Октябрьский оптовый рынок. На его месте в районе улиц Луначарского и Тверитина сейчас располагается ТЦ «Максидом» и ЖК LevelUp (*см. цв. вклейку, рис. 36*).

8 этап: 1933 г. — ЦПКиО

Большие потоки людей также привлекал открывшийся 18 июня 1933 г. на территории Расторгуевской заимки городской Центральный Парк Культуры и Отдыха (ЦПКиО). Авторы проекта Дукельский, Соколов, Дрожжин создали на юге города площадку для массового отдыха, не имеющую по своим размерам аналогов на Урале[35]. Спроектированная как эталонное пространство, она предлагала посетителям аттракционы и прогулки, увеселительные мероприятия и катание на лодках по Парковому пруду, буфеты и ларьки с едой и напитками. К концу 1930-х гг. в парке работали кинотеатр (арх. Лантратов, Шишов), цирк-шапито и многочисленные павильоны. Привычный

[28] Екатеринбургская неделя. 27.09.1885.

[29] Уральская жизнь. 11.07.1913.

[30] Микитюк В. П. Винокуры Чистяковы // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2006. Т. 2. С. 74–76.

[31] Екатеринбургская неделя. 18.07.1884.

[32] Постановление 1172 от 20 июня 1932 г. о дополнительных мероприятиях по организации и развертыванию совхозно-колхозной торговли в городе.

[33] Письмо № 131 от 22 августа 1933 г.

[34] Проектное предложение по застройке территории Октябрьского рынка г. Свердловска.

[35] Рабинович Е. Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского. Екатеринбург, 2019. С. 1001–1003.

сейчас вид территория приняла в 1950-х гг. Сдвинув влево главную аллею, был засыпан Парковый пруд, а вместо старой деревянной поставлена кирпичная входная арка. В 1959 г. на территории парка начала свою работу узкоколейная Детская железная дорога[36] (*рис. 3*).

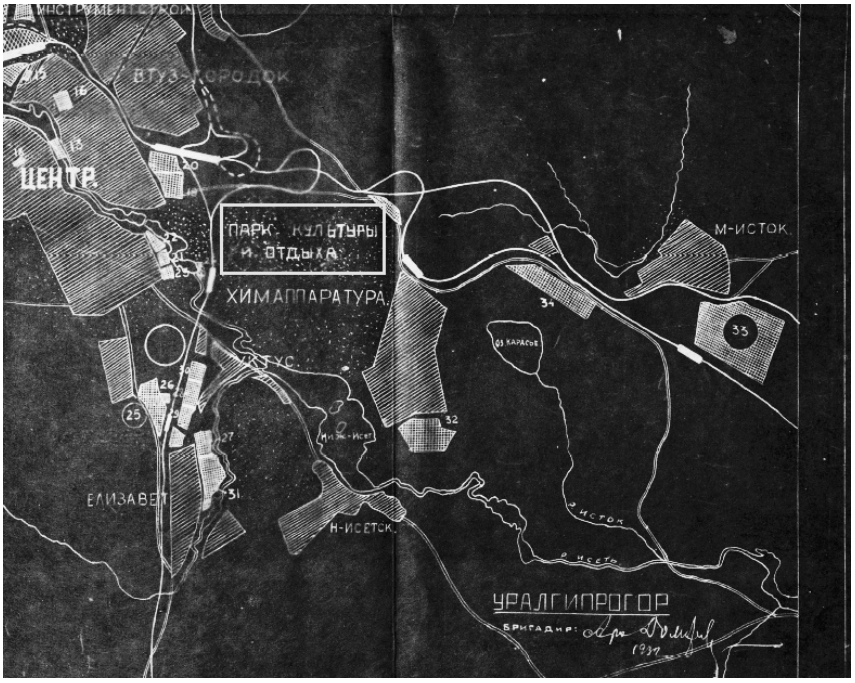

Рис. 3. Исследуемая территория на плане 1932 г. Фонды МИЕ, КП 8960
Fig. 3. The study area on the 1932 map. MIE collections, KP 8960

9 ЭТАП: 1941 Г. — ЭВАКУАЦИЯ

В годы Великой Отечественной войны на Урал эвакуируется большое количество производств и культурных институций. Город Свердловск разместил на своей территории несколько сотен человек. Так, в 1941 г. территорию ткацкой фабрики занимает завод № 217 (Москва) и № 46 (Кунцево) — сегодня тут УОМЗ, а на территории мебельной фабрики «Уральский пролетарий» располагается аэротехнический завод № 8 (Москва) — сегодня тут Пневмостроймашина. В 1942 г. в Свердловск эвакуировали парфюмерную фабрику «Новая заря» (до 1917 г. — «Брокаръ и Ко»), производившую мыло, зубной порошок, помаду и предметы личной гигиены для нужд фронта. Обосновавшись на уральской почве, в 1963 г. фабрика получила новое название — «Уральские самоцветы». Образованный в годы войны Свердловский пищевой комбинат в 1960-х гг. также займет свою новую площадку вдоль Сибирского тракта на месте разрушенного кладбища[37].

В 2005 г. события военных лет были увековечены 12-метровым памятником «Седой Урал». Он был установлен на площади Обороны, откуда в годы войны провожали на фронт свердловчан. Автор монумента Геворг Геворкян изобразил сжимающего в правой руке меч богатыря-кузнеца, который символизирует уральцев, оставшихся ковать победу в тылу (*см. цв. вклейку, рис. 37*).

В данной статье были детально рассмотрены, систематизированы и уточнены факты о событиях, оказавших влияние на формирование территории Паркового района города Екатеринбурга от его возникновения до настоящего времени, описаны этапы становления изучаемой местности, ее функциональных составляющих в разные периоды XVIII–XX вв.

Семь из девяти рассмотренных этапов развития микрорайона непосредственно связаны или находятся под значительным влиянием производственной тематики. Рассмотрев только ключевые и основные процессы застройки территории, можно сказать, что помимо социальных, научных и культурных сфер деятельности человека наибольший вклад в формирование микрорайона внес

[36] Шестаков В. Ю. Архитектура Малой Свердловской железной дороги в 1960-е годы // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2023. № 2 (57). С. 72.
[37] Эвакуация. Величайшая из битв Второй мировой войны. Екатеринбург, 2022. С. 86–90.

именно промышленный сектор. В первые годы развития Екатеринбурга (этапы 1–2) это была частная инициатива, движимая деятельностью самостоятельных купцов и промышленников, возводивших свои небольшие фабрики и мануфактуры по берегам реки Исети. С 1820-х гг. (этапы 3–6) к неорганизованному процессу подключается городское регулирование, вынужденное создавать и организовывать комфортные условия для разрастающегося производственного комплекса, — это сетка дорог и транспортных узлов, жилье и социальные учреждения для сотрудников заводов, смежные подрядные предприятия (в том числе научные). С приходом советской власти (этапы 7–9) развитие города в целом и района в частности переходит полностью под государственное управление. Ключевыми факторами здесь стали национализация действующих фабрик и создание новых больших государственных предприятий-гигантов, а также их значительная масштабизация на фоне проводимой эвакуации во время Великой Отечественной войны. Создание так называемых «точек притяжения» для стремительно разрастающегося городского населения (площадь, рынок, парк отдыха) также отмечены в статье как значимый этап развития территории.

Кроме рассмотренных в статье основополагающих производственных площадок, на территории Паркового в разные периоды времени также работали и не упомянутые в тексте фабрики и заводы: фабрика «Конфи», завод медпрепаратов, Бисквитный завод, Исетский пивзавод, Уральская картографическая фабрика, завод музыкальных инструментов «Урал» и другие. Являясь достаточно крупными игроками в своей сфере, они не так масштабно повлияли на структуру и развитие городской застройки, но, без сомнения, оказали влияние на определенный сегмент своей деятельности.

References

Burdenkov E. A., Lepalovskaya V. A., Salov A. V. *K 90-letiyu so dnya osnovaniya Oktyabr'skogo rayona goroda Ekaterinburga* [Oktyabrsky District. On the 90th Anniversary of the Founding of the Oktyabrsky District of the Ekaterinburg City]. Ekaterinburg: PK Aster-EK Publ., 2024. (In Russian).

Burtsev A. G. [Self-Built Housing in Sverdlovsk in 1924–25. Cooperatives and Owner-Builders]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], 2014, no. 4 (48), pp. 111–136. EDN: TEWEMD. (In Russian).

Evakuatsiya. Velichayshaya iz bitv Vtoroy mirovoy voyny [Evacuation. The Greatest Battle of World War II]. Ekaterinburg: Muzey istorii Ekaterinburga Publ., 2022. (In Russian).

Korepanov N. S. *Pervyy vek Ekaterinburga* [The First Century of Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2005. (In Russian).

Korepanov N. S., Blinov V. A. *Gorod posredine Rossii: Kul'turno-istoricheskiye ocherki* [The City in the Middle of Russia: Cultural and Historical Essays]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2007. (In Russian).

Kozlova O. A., Makarova M. N. [Population Distribution Based on Demographic Forecasting of Metropolis (Case of Yekaterinburg)]. *Ars Administrandi*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 269–288. EDN: YSQIAD. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-269-288 (In Russian).

Mikityuk V. P. [The Chistyakov Distillers]. *Shestyye Tatishchevskiye chteniya: tezisy dokladov i soobshcheniy. Ekaterinburg, 20–21 aprelya 2006 g.: v 2 t.* [The Sixth Tatishchev Readings: Abstracts of Papers and Reports. Ekaterinburg, April 20–21, 2006: in 2 Vols]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2006, vol. 2, pp. 73–79. EDN: BHTGRY. (In Russian).

Mikityuk V. P. [The Role of the Ekaterinburg Entrepreneurs in the Development of Salatino Industry of the Perm Province (The End of 18 — Beginning of 20th Century)]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskiye chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vseros. nauch. konf.* [Industrial Urals. Bakunin Readings. Industrial Modernization of Russia in the 18th–21st Centuries: Proceedings of the 13th All-Russian Sci. Conf.]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2018, vol. 1, pp. 179–188. EDN: YMLMDB. (In Russian).

Rabinovich E. *Tsentral'nyy park kul'tury i otdykha im. V. Mayakovskogo* [Central Park of Culture and Leisure Named After V. Mayakovsky]. Ekaterinburg: Tatlin Publ., 2019. (In Russian).

Shestakov V. Yu. [Architecture of the Small Sverdlovsk Railway in the 1960s]. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN* [Academic Bulletin of the UralNIIproekt RAASN], 2023, no. 2 (57), pp. 71–75. EDN: TQYMFS. DOI: 10.25628/UNIIP.2023.57.2.012 (In Russian).

Sverdlovskaya magnitnaya i meteorologicheskaya observatoriya. 1836–1936. Yubileynyy sbornik [Sverdlovsk Magnetic and Meteorological Observatory. 1836–1936. Anniversary Collection]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye upravleniye gidrometsluzhby Publ., 1936. (In Russian).

Сообщения

УДК 005.745 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-134-137

Межрегиональное научно-практическое совещание «Актуальные вопросы сохранения, изучения и популяризации объектов археологического наследия Урало-Сибирского региона». Екатеринбург, 13–14 апреля 2026 г.

13–14 апреля 2026 г. в Екатеринбурге на площадке Музея истории Екатеринбурга в Креативном кластере Л52 состоялось Межрегиональное научно-практическое совещание «Актуальные вопросы сохранения, изучения и популяризации объектов археологического наследия Урало-Сибирского региона». Организаторами стали Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Музей истории Екатеринбурга, Свердловское региональное отделение ИКОМОС (Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест), Россия.

В мероприятии приняли участие представители государственных и общественных организаций, ведущих научных, музейных и образовательных организаций страны; представители научно-производственных учреждений Уральского региона: Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Институт археологии РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Музей истории Екатеринбурга, Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Сургутский государственный университет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральская государственная юридическая академия имени В. Ф. Яковлева, Курганский государственный университет, ООО «Научно-производственное объединение Поэнгурр», ООО «АВКОМ-Наследие», ООО НЦ «Топос», ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра». Общее количество участников и слушателей на совещании составило 65 человек.

В первый день были представлены открытые лекции об археологии и законодательству по сохранению объектов культурного наследия: А. В. Энговатова, к. и. н., Институт археологии РАН (г. Москва, *рис. 1*). Современное состояние сохранения археологического наследия в России; О. В. Зеленцова, к. и. н., С. В. Мокроусов, к. и. н., А. В. Энговатова, к .и. н., Институт археологии РАН (г. Москва). Раздел по сохранению объектов археологического наследия: состав и содержание, на примере опыта работы Института археологии РАН; О. В. Кардаш, д. и. н., Сургутский государственный университет, член научно-методического совета Службы охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры (г. Нефтеюганск). Опыт работы Госкультохраны Югры и региональных научно-исследовательских организаций по выявлению, сохранению, изучению и популяризации археологического наследия ХМАО — Югры; С. Е. Чаиркин, Институт истории и археологии УрО РАН, А. В. Старков, НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области (г. Екатеринбург). Опыт работы ИИиА УрО РАН, НПЦ по охране памятников и других ведущих исследовательских организаций г. Екатеринбурга по изучению и сохранению культурного (археологического) наследия области (*рис. 2*); Ю. М. Бердюгина, к. ю. н, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области, Уральская государственная юридическая академия им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург). Последние предложения по изменениям законодательства Российской Федерации в сфере охраны объектов культурного наследия.

Работа второго дня (*рис. 3*) Совещания прошла в формате круглого стола, на котором обсуждение проблемных вопросов было подразделено на 4 блока. Модератором всего дня была А. В. Энговатова, к. и. н., заместитель директора Института археологии РАН (г. Москва). Блок 1. Археологические памятники УрФО: от выявления к включению в реестр. Анализ успехов и неудач. Модераторы: С. Е. Чаиркин, А. В. Старков (г. Екатеринбург). Блок 2. Отчеты об археологических

Рис. 1. Выступление А. В. Энговатовой с докладом «Современное состояние сохранения археологического наследия в России»

Fig. 1. A. V. Engovatova delivering a presentation entitled «The Current State of Archaeological Heritage Conservation in Russia»

Рис. 2. Выступление С. Е. Чаиркина с докладом «Опыт работы ИИиА УрО РАН, НПЦ по охране памятников и других ведущих исследовательских организаций г. Екатеринбурга по изучению и сохранению культурного (археологического) наследия области»

Fig. 2. S. E. Chaikin delivering a presentation entitled «The experience of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the Scientific and Practical Centre for the Protection of Monuments, and other leading research organizations in Ekaterinburg in the study and preservation of the region's cultural (archaeological) heritage»

Рис. 3. Участники круглого стола во второй день работы совещания
Figs. 3. Participants of the round table on the second day of the conference

работах: сроки выполнения, оптимизация и контроль качества. Модератор: А. В. Энговатова, к. и. н. (г. Москва). Блок 3. Археологические коллекции в музейном фонде: вопросы передачи, учета, сохранности. Модераторы: И. Е. Пушкарев, Т. Б. Михайлова, к. иск., А. Г. Брагин (г. Екатеринбург). Блок 4. Культурный слой города как единый памятник в историческом центре: преимущества и ограничения концепции. Модераторы: Д. Н. Маслюженко, к. и. н.; И. К. Новиков (г. Курган). В ходе обсуждений тематик блоков были выдвинуты следующие предложения и решения совещания, объединенные в Резолюции:

1. Предложить ИИиА УрО РАН, отделу археологических исследований НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области при участии всех организаций, проводящих археологические исследования на территории Свердловской области, обратиться в Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области с инициативой создания отдельной секции по археологии в составе Научно-методического Совета при Управлении.

2. Предложить всем научным, образовательным и научно-производственным организациям Уральского федерального округа (далее — УрФО), проводящим археологические исследования на этой территории, обратиться в аппарат Представителя Президента РФ по УрФО с инициативой создания Научно-методического совета по археологии по УрФО.

3. Предложить ИИиА УрО РАН, отделу археологических исследований НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области при участии всех организаций, проводящих археологические исследования на территории Свердловской области, разработать актуальную программу на 2027–2030 гг. по выявлению, изучению, сохранению и популяризации объектов археологического наследия Свердловской области. Направить программу в Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области, Министерство культуры и губернатору Свердловской области.

4. В соответствии со ст. 45.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (последняя редакция) научная регламентация археологических полевых работ осуществляется Российской академией наук. В связи с участившимися случаями недобросовестного проведения разведочных работ по выявлению ОАН, снятием с учета, исключением из списков выявленных и единого государственного реестра ОКН предлагается:

А. Дополнить методические аспекты выявления и обследования ОАН — внести дополнения в Положение или выпустить отдельным документом методику поисково-разведочных работ повыявлению ОАН, культурного слоя и их обследованию для установления границ.

Б. Организовать при отделе полевых исследований ИА РАН с участием региональных специалистов (аттестованных экспертов) комиссию по проверке качества выполнения полевых поисково-разведочных работ и стационарных раскопок, соблюдения методики, предусмотренной Положением, для выборочной проверки участков археологических исследований в зонах производства строительных работ. Проверки производить с привлечением региональных подразделений РАН и госорганов охраны памятников. Для работы комиссии нужен документальный повод.

5. В условиях инфляционных процессов, когда ценообразования на археологические исследования сложно определить заранее, а также в условиях региональной динамики цен, связанной с расстояниями и региональными особенностями, считаем, что для определения цены на полевые археологические исследования первостепенное значение имеет состав работ. Рекомендуем ИА РАН обратиться в МК РФ для согласования разработанного ИА РАН совместно с Главгосэкспертизой сборника цен без таблиц ценообразования и закрепить использование при определении цены коэффициент инфляции, определяемый Минстроем РФ.

6. Поддержать предложение МАУК «Музей истории Екатеринбурга» о необходимости создания реставрационно-хранительских корпусов для музеев Екатеринбурга, включая МАУК «Музей истории Екатеринбурга», МАУК «Объединенный музей писателей Урала», МБУК «ЕМЦНТ «Гамаюн» и второй очереди реставрационно-хранительского корпуса МАУК «Екатеринбургский музей изобразительных искусств» в целях выполнения требований к хранению музейных предметов и коллекций, предъявляемых Федеральным законом от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и «Едиными правилами организации

комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций», утвержденных приказом Министерства культуры РФ от 23.07.2020 № 827.

7. Поддержать предложение МАУК «Музей истории Екатеринбурга» о необходимости создания в Екатеринбурге историко-археологического депозитария.

8. Поддержать предложение МАУК «Музей истории Екатеринбурга» о необходимости устранения правовой коллизии, касающейся правил приема на постоянное хранение археологических коллекций в состав Собрания муниципальных музеев. Противоречия возникли между Едиными правилами с поправками от 2022 г., 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2025 г. № 823 «Об утверждении Правил передачи музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в государственной собственности, в безвозмездное пользование государственным и муниципальным музеям и другим организациям». 73-ФЗ устанавливает, что объекты археологического наследия, а также все археологические предметы находятся в государственной (федеральной) собственности. В муниципальных музеях они могут храниться на основании договоров о передаче в безвозмездное пользование музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в федеральной собственности и включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Однако в эти договоры могут войти только археологические предметы, включенные в основной фонд (то есть имеющие художественную ценность) и зарегистрированные в Госкаталоге, для чего они должны быть внесены в учетные документы поединично. В то время как массовый археологический материал (не имеющий художественной ценности, но несущий научную значимость), составляющий подавляющее большинство передаваемых археологических коллекций (т. н. ФМАП), в этот договор войти не сможет, так как он вносится в учетные документы массивом и не проходит процедуру регистрации в Госкаталоге. Соответственно, муниципальные музеи вынуждены принимать все предметы в основной фонд, чтобы заключить договор на безвозмездное пользование, что затрудняет (а фактически блокирует) обработку музеями указанных массовых коллекций. Либо муниципальные музеи не смогут принимать археологические коллекции в основной фонд из-за большого объема поступлений, и археологи будут вынуждены передавать коллекции в государственные музеи, которые могут хранить археологические коллекции без договора.

9. Поддержать идею МАУК «Музей истории Екатеринбурга» и ФГБУН «Институт истории и археологии УрО РАН» о создании в Екатеринбурге, в районе пос. Палкино, археологического музея под открытым небом «Истоки Исети», как точки репрезентации древней истории региона. Она отвечает общегосударственным задачам по сохранению объектов археологического наследия, в том числе в составе природно-ландшафтных комплексов; популяризации археологического наследия и развитию культурно-просветительской работы; развитию туристической инфраструктуры и повышению туристической привлекательности региона и страны в целом; включению археологического наследия в современный социокультурный контекст. Свердловская область осталась единственным регионом в Уральском федеральном округе, где до сих пор не реализованы подобные проекты.

10. Поддержать инициативу СРОО «Экология, прогресс и Духовное совершенство» и АНО «Наша природа» по созданию историко-гидрологического ООПТ «Истоки Исети» в границах бассейна р. Исеть и водосборных территорий в ее верховьях до впадения в Верх-Исетское водохранилище, обосновать археологическую, гидрологическую, экологическую ценность территории планируемого ООПТ.

Мероприятие показало эффективность обсуждения вопросов сохранения и изучения памятников археологии на межрегиональном уровне, с учетом опыта представителей разных территорий.

Е. А. Булакова, Институт истории и археологии УрО РАН

УДК 005.745 DOI: 10.58529/2782-6511-2026-5-2-138-141

Межрегиональный круглый стол «Современные методы сохранения культурного наследия». Ярославль, 6 июля 2026 г.

6 июля 2026 г. на историческом факультете Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова состоялся Межрегиональный круглый стол «Современные методы сохранения культурного наследия». Данное мероприятие было реализовано в рамках V Всероссийской научно-практической школы «Средневековая Русь в контексте всемирной истории» (проект «Школа цифрового культурного наследия Руси» осуществлялся при поддержке Фонда Потанина). Партнером круглого стола выступила Автономная некоммерческая организация исследования, изучения и адаптации исторического и культурного наследия «Ярославика».

В приветственной речи на открытии заседания декан исторического факультета ЯрГУ Р. М. Фролов подчеркнул, что круглый стол — это прежде всего площадка для междисциплинарного диалога представителей разных регионов.

Первый докладчик А. Л. Каретников (ФГУК ГМЗ «Ростовский кремль», г. Ростов Великий) поднял злободневную тему — «Несанкционированный поиск археологических предметов как фактор уничтожения археологического наследия России» (*рис. 1*).

Несанкционированный поиск археологических предметов с помощью металлоискателей — один из самых серьезных факторов уничтожения археологического наследия, наряду с незаконной застройкой памятников археологии. Связано это с тем, что количество «любителей металлопоиска» в десятки раз превышает число археологов. Поиск археологических предметов они проводят с ранней весны до поздней осени, а иногда и зимой. Как правило, объектами несанкционированных поисков становятся остатки сельских поселений, не стоящие на учете как памятники археологии. Десятки тысяч находок ежегодно оседают в незакон-

Рис. 1. Выступление А. Л. Каретникова (заведующий Археологическим сектором Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль») об угрозах археологическому наследию и спасательных раскопках

Fig. 1. A presentation by A. L. Karetnikov (Head of the Archaeology Department at the «Rostov Kremlin» State Museum-Reserve) on threats to archaeological heritage and emergency excavations

ных частных коллекциях или продаются через социальные сети, специализированные сайты или интернет-аукционы. При этом фрагменты предметов из цветного металла (информативные для археологов) могут выбрасываться или сдаваться в соответствующие пункты приема. В результате археологическому наследию ежегодно наносится непоправимый ущерб, масштабы которого еще в полной мере не осознаны.

Следующим слово взял Т. О. Галкин (Коломенско-Зарайский государственный музей-заповедник, г. Зарайск). Его доклад «Охранная археология в Зарайске: позитивные и негативные явления» был посвящен ситуации в городе с богатым культурным слоем и сложной современной застройкой.

Спикер выделил положительные стороны: выявление и документирование памятников в рамках строительных работ, пополнение музейных коллекций новыми находками, популяризация археологии среди горожан. Одновременно были раскрыты и проблемные аспекты: ограниченность сроков и бюджетов охранных работ, риск утраты части информации из-за сжатых графиков, сложности взаимодействия между археологами, застройщиками и органами охраны наследия. На конкретных примерах из полевых сезонов 2016–2026 гг. были продемонстрированы как достижения, так и типичные трудности, с которыми сталкиваются специалисты в условиях городской среды. Отдельно был выделен позитивный опыт взаимодействия Института археологии РАН, Коломенско-Зарайского государственного музея-заповедника с администрацией м. о. Зарайск Московской области, результатом чего стала постановка на учет ГУКН МО нового ОАН «Культурный слой г. Зарайска XII — начала XX в.».

«Проблемы первичной консервации археологических находок: типичные ошибки (на примере металлических предметов)» были затронуты А. А. Аристовым и А. С. Лазаревым (ОГБУ «Наследие», г. Кострома).

В докладе на конкретных примерах перечислялись ошибки консервационных методик, намеренно или целенаправленно допускаемые исследователями при обработке предметов, обнаруженных в ходе археологических работ. Проведение постраскопочных мероприятий по консервации артефакта по определенному алгоритму зачастую нарушается или вовсе игнорируется, что приводит к ухудшению состояния сохранности находок, а иногда и к их разрушению в долгосрочной перспективе. Отрицательно влияют на сохранность предметов применение ненадлежащих химических веществ и использование неадекватного состоянию предмета инструментария, которые не соответствуют основным общепринятым правилам реставрации. В качестве вывода были предложены несколько основных методических операций, соблюдение которых позволит продлить жизнь предмета в постоянном хранении или до момента его комплексной реставрации.

«Опыт цифровой реконструкции текста частного письма начала XVIII в. из археологических раскопок Якутского острога» представили И. В. Фролов, И. Д. Горшков и А. В. Проценко (ООО НПО «Северная археология-1», СурГПУ, г. Сургут).

Авторы описали комплекс методов, примененных для реконструкции поврежденного документа, имеющего вид палимпсеста: от макросъемки и мультиспектральной визуализации до цифровой реконструкции фрагментов и лингвистического анализа. Был обоснован использованный авторами метод «визуального расслоения» текста, актуальный именно для палимпсестов. Особое место занимало обсуждение сложностей, связанных с плохой сохранностью бумаги, выцветанием чернил и особенностями скорописного почерка. В докладе также поднимался вопрос о перспективах использования цифровых технологий для изучения письменных источников и возможности интеграции реконструированных текстов в исторические исследования.

Н. М. Смирнов, А. В. Соловьев и В. Р. Рыжов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль) стали соавторами доклада «Проект "ДемАрх": предварительные результаты и перспективы».

Цель «ДемАрха» («Демидовская археология») — создать открытый репозиторий археологических находок: собрать в цифровом виде фотографии, научные описания и 3D-модели артефактов из раскопок, Кабинета археологии ЯрГУ и музеев Ярославской области. В рамках проекта его участники оцифровывают находки (используют 3D-сканирование со структурированным подсветом и фотограмметрию); реконструируют поврежденные предметы (восстанавливают недостающие или разрушенные части артефактов в цифровом виде); печатают тактильные копии (с помощью 3D-принтеров создают физические модели для музеев и образования, в том

числе чтобы с экспонатами могли взаимодействовать люди с нарушениями зрения) и публикуют результаты (модели размещают в открытом доступе в репозитории ЯрГУ на платформе DSpace CRIS и на Sketchfab).

Тему виртуальных копий продолжила И. А. Иванова (МИРЭА — Российский технологический университет, г. Москва) с докладом «Цифровая реконструкция икон с применением технологий искусственного интеллекта».

Иконопись является важной частью культурного наследия, которая включает в себя духовные, исторические и художественные традиции. На протяжении многих веков существует проблема утери икон в связи с перестройкой, разрушением, разграблением храмов, а также нарушением условий хранения, что приводит к потере и порче изображений. Методы традиционной реставрации имеют высокую стоимость и не всегда применимы ввиду хрупкого состояния иконы. Кроме того, существует дефицит квалифицированных специалистов. Современные технологии позволяют восполнить утраченные шедевры, используя цифровую реконструкцию, которая включает в себя восстановление визуальной целостности иконографических изображений, позволяет распознать образы, атрибутику на полотне и определить мастера, школу и период написания иконы. Проект «Цифровой ковчег» дает возможность интегрировать цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта в процессы сохранения культурного наследия и пополнения цифрового архива.

А. М. Спасскова (МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва), поставив важный вопрос «Цифровые базы данных древнерусских рукописных книг: доступно, надежно, безопасно?», предложила слушателям богатую пищу для размышлений.

С 2019 г. в рамках национального проекта «Культура» действует проект «НЭБ. Книжные памятники», благодаря которому цифровые образы многих древнерусских рукописных книг стали доступны широкому кругу специалистов и любознательных читателей. Этот проект, а также законодательные новации (внесенные 22.12.2020 изменения в ФЗ «О библиотечном деле» (463-ФЗ) и принятое тогда же «Положение о реестре книжных памятников») косвенно способствовали активизации работы по оцифровке уникальных единиц хранения из фондов библиотек, — музеи и архивы действуют в ином темпе и по другому алгоритму.

Казалось бы, плюсы создания баз данных оцифрованных письменных источников древнерусского периода очевидны, но есть и проблемные зоны, остро нуждающиеся в обсуждении. Это и технические проблемы, связанные с самим процессом оцифровки, и проблемы сохранности рукописных книг в процессе оцифровки, и особенности создаваемых баз данных (организация хранения и доступности цифровых образов КП, их описание), и необходимость регистрации в реестре КП, и иллюзия объективности исследования при работе с оцифрованным КП без сверки полученных данных с оригиналом, и многое другое.

В. М. Марасанова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль) поделилась информацией о «Проектах в сфере изучения и популяризации историко-культурного наследия Ярославского края».

Автор обобщила опыт реализации исследовательских и просветительских проектов Ярославского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) 2010–2020-х гг. Основное внимание было уделено проекту «Ярославский деревянный дом», результатом которого стало издание книги, привлечение широкого общественного внимания к деревянному зодчеству в городской среде и поиск эффективных форм презентации историко-культурного наследия.

Завершающий доклад Н. В. Ямолдиновой (Сеть социокультурных проектов «ПРО. СМЫСЛ», г. Москва) назывался «Бизнес-стратегия и проектный подход как инструменты сохранения культурного наследия: опыт Феодоровского женского монастыря Переславля-Залесского».

Доклад посвящен опыту применения таких традиционных для бизнеса инструментов, как долгосрочное и среднесрочное стратегическое планирование, социокультурное проектирование, SWOT-анализ и пр., для привлечения финансирования к реставрационным работам в Феодоровском женском монастыре Переславля-Залесского в период с 2019 по 2025 г. В докладе были раскрыты причины возникшего кризиса и предпосылки для создания стратегии, а также основные этапы ее разработки и реализации. В основном разделе доклада автор показала, как разработка стратегии развития социокультурной и хозяйственной деятельности, а также терри-

тории монастыря повлияла на привлечение стабильного финансирования к масштабным реставрационным работам и к другим направлениям монастырской деятельности.

В ходе организованной дискуссии было задано до полусотни вопросов. Среди выступающих и слушателей (47 гостей присутствовали очно и в дистанционном формате) были представители не только перечисленных организаций, но также Государственного исторического музея, Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника им. А. А. Горбенко и НИУ «БелГУ».

В заключительной речи координатор встречи Е. С. Данилов подвел итоги круглого стола и призвал собравшихся опубликовать наработки по представленным вопросам в специальном выпуске историко-краеведческого журнала «Ярославика», издание которого планируется в начале 2027 г.

Е. С. Данилов, к. и. н., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Сокращения

АРАН — Архив Российской академии наук
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГЗСКМ — Государственный Западно-Сибирский краевой музей
ГИС — Геоинформационные системы
ГККНИР — Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ
ГРЭС — Государственная районная электростанция
ГУГК при СМ СССР — Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР
ГУКН МО — Главное управление культурного наследия Московской области
ЕМЦНТ — Екатеринбургский музейный центр народного творчества
ЗСО(И)РГО — Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИиА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИКОМОС — Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест
ИЭ УрО РАН — Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
КП — Книжные памятники
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛМЗ — Лысьвенский металлургический завод
МАУК — Муниципальное автономное учреждение культуры
МАЭ ОмГУ — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МГИАИ — Московский историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет
МИЕ — Музей истории Екатеринбурга
МИРЭА — Российский технологический университет (Московский институт радиотехники, электроники и автоматики)
МК РФ — Министерство культуры Российской Федерации
НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории Российской академии наук
НИОКТР — Научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы
НИУ «БелГУ» — Белгородский государственный национальный исследовательский университет
НПЦ — Научно-производственный центр
НЭБ — Национальная электронная библиотека
ОАМ — Окуневский археологический микрорайон
ОАН — Объект археологического наследия
ОГБУ — Областное государственное бюджетное учреждение
ОГИК — Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГК — Оптовая генерирующая компания
ОКН — Объект культурного наследия
ОмГПИ — Омский государственный педагогический институт
ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет
ОМК — Омский музей краеведения
ООПТ — Особо охраняемые природные территории
ПКО — Производственное картосоставительное объединение
ПСМ — Пневмостроймашина
РААСН — Российская академия архитектуры и строительных наук
РАН — Российская академия наук
РГБ — Российская государственная библиотека
СГУГиТ — Сибирский государственный университет геосистем и технологий

СМ СССР — Совет министров СССР
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СРОО — Свердловская региональная общественная организация
СурГПУ — Сургутский государственный педагогический университет
ТГСПА — Тобольская государственная социально-педагогическая академия
ТОКМ — Томский Краеведческий музей
УАЭ — Уральская археологическая экспедиция
УОМЗ — Уральский оптико-механический завод
УрФУ — Уральский федеральный университет
ФМАП — Фонд массовых археологических предметов
ФОАН — Фонд охраны археологического наследия
ФССКН — Фонд содействия сохранения культурного наследия
ЦИКИ — Центр историко-культурных исследований
ЦПКиО — Центральный парк культуры и отдыха
ЧМЗ — Челябинский механический завод
ЯрГУ — Ярославский государственный университет
INAH — Национальный институт антропологии и истории Мексики
KDE — Оценка ядерной плотности

Научное издание
Историко-географический журнал. 2026. Т. 5. № 2

Главный редактор
М. В. Михеев

Корректор
Т. А. Качалова

Верстка
Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций
А. В. Темрюх

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м^2. Гарнитура Calibri
Уч.-изд. л. 11. Усл. печ. л. 16,74
Тираж 120 экз. Заказ № 000000
Дата выхода в свет 21.07.2026 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

Рис. 1. Карта Римской Британии из «Атласа древней географии» У. Смита
Fig. 1. A map of Roman Britain from “An Atlas of Ancient Geography” by W. Smith
Источник: Britannia // An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical to illustrate the dictionary of the Bible and the classical dictionaries. London: John Murray. 1874. Map 4

Рис. 2. Фрагмент Певтингеровой таблицы с юго-восточной частью Британии в левом верхнем крае
Fig. 2. An excerpt from Tabula Peutingeriana, Segm. II. 1 showing the south-eastern part of Britain in the top left-hand corner

Источник: Tabula Peutingeriana. Segm. II. 1

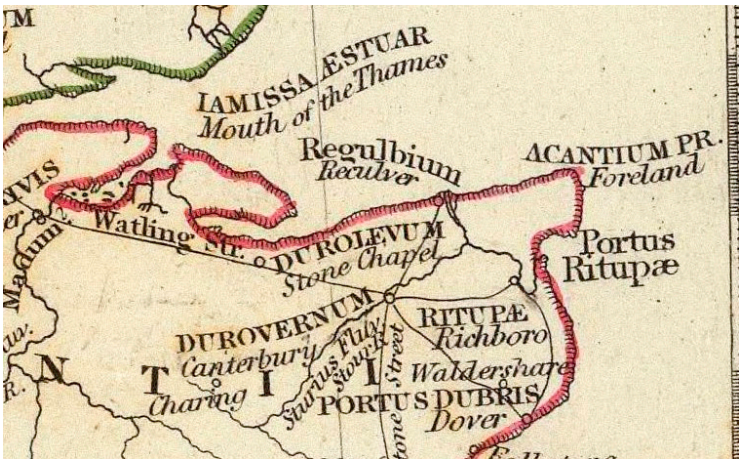

Рис. 3. Фрагмент карты «Древней Британии» (Ancient Britain) из сборника «Карт общества распространения полезных знаний» (Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge). Остров Танет не выделен и не подписан
Fig. 3. An excerpt from the map “Ancient Britain I” from the collection “Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge”. The Isle of Thanet is neither shown nor labelled

Источник: Ancient Britain I // Maps of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge. Vol. 1. London: Chapman and Hall, 186, Strand, 1844. Plate 26

Рис. 4. Фрагмент карты «Британские острова» (Insule Britannice) из «Школьного атласа по классической географии» (A School Atlas of Classical Geography). Остров Танет не выделен и не подписан

Fig. 4. An extract from the map “Insule Britannice” from “A School Atlas of Classical Geography”. The Isle of Thanet is neither shown not labelled

Источник: Insule Britannice // A School Atlas of Classical Geography. Edinburgh; London: Blackwood and Sons, 1853. Map 5

Рис. 5. Фрагмент карты «Британия под властью римлян» (Britain under the Romans) из «Школьного атласа по исторической географии» (The Student's Atlas of Historical Geography). Остров Танет показан, но не подписан

Fig. 5. An extract from the map “Britain under the Romans” from “The Student’s Atlas of Historical Geography”. The Isle of Thanet is shown but not labelled

Источник: Britain under the Romans // The Student's Atlas of Historical Geography. London: W. Collins, 1873. Map 35

Рис. 6. Фрагмент карты «Британия» (Britannia) из «Атласа древней географии» (An Atlas of Ancient Geography). Остров Танет показан и подписан

Fig. 6. An excerpt from the map “Britannia” from “An Atlas of Ancient Geography”. The Isle of Thanet is shown and labelled

Источник: Britannia // An Atlas of Ancient Geography, Biblical and Classical to illustrate the dictionary of the Bible and the classical dictionaries. London: John Murray. 1874. Map 4

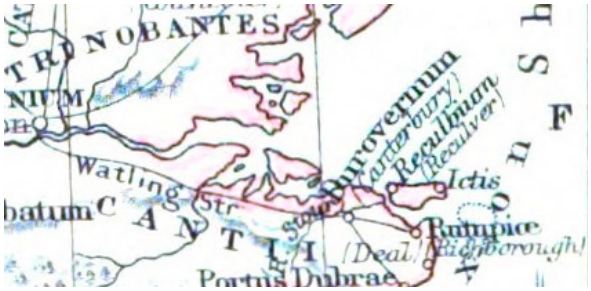

Рис. 7. Фрагмент карты «Римская Британия (ок. 400)» (Roman Britain (circa 400)) из «Школьного атласа английской истории» (A School Atlas of English History). Остров Танет показан, но не подписан

Fig. 7. An extract from the map “Roman Britain (circa 400)” from “A School Atlas of English History”. The Isle of Thanet is shown but not labelled

Источник: Roman Britain (circa 400) // A School Atlas of English History. London: Longmans, Green and Co., 1891. Map 1

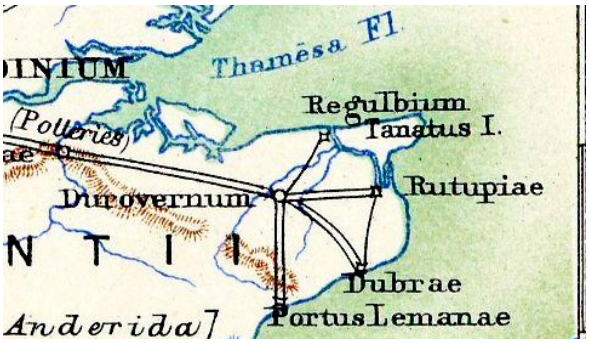

Рис. 8. Фрагмент карты «Римская Британия» (Roman Britain) из «Исторического атласа Европы Нового времени» (Historical Atlas of Modern Europe). Остров Танет показан и подписан

Fig. 8. An extract from the map “Roman Britain” from the “Historical Atlas of Modern Europe”. The Isle of Thanet is shown and labelled (Fig. 8)

Источник: Roman Britain // Historical Atlas of Modern Europe. Oxford: Clarendon Press; Edinburgh: W. & A. K. Johnston, 1902. Plate 15

Рис. 9. Фрагмент карты «Римская Британия» (Roman Britain) из «Нового учебного атласа по английской истории» (A New Student's Atlas of English History). Остров Танет четко не выражен в масштабе карты, но подписан

Fig. 9. An extract from the map “Roman Britain” from “A New Student’s Atlas of English History”. The Isle of Thanet is not clearly shown on the map, but is labelled

Источник: Roman Britain // A New Student's Atlas of English History. London: Macmillan and Co., 1903. Map 2

Рис. 10. Фрагмент «Физической [карты] Римской Британии» (Roman Britain — Physical) из «Нового школьного атласа по истории Нового времени» (A New School Atlas of Modern History). Остров Танет показан, но не подписан

Fig. 10. An extract from the map “Roman Britain — Physical” from “A New School Atlas of Modern History”. The Isle of Thanet is shown but not labelled

Источник: Roman Britain — Physical // A New School Atlas of Modern History. London: George Philip & Son, Ltd., Liverpool: Philip, Son & Nephew, Ltd., 1911. Map 1. [Section III — The British Isles]

Рис. 11. План поселения Каквинские печи I
Fig. 11. Plan of the Kakvinskiye Pechi I settlement

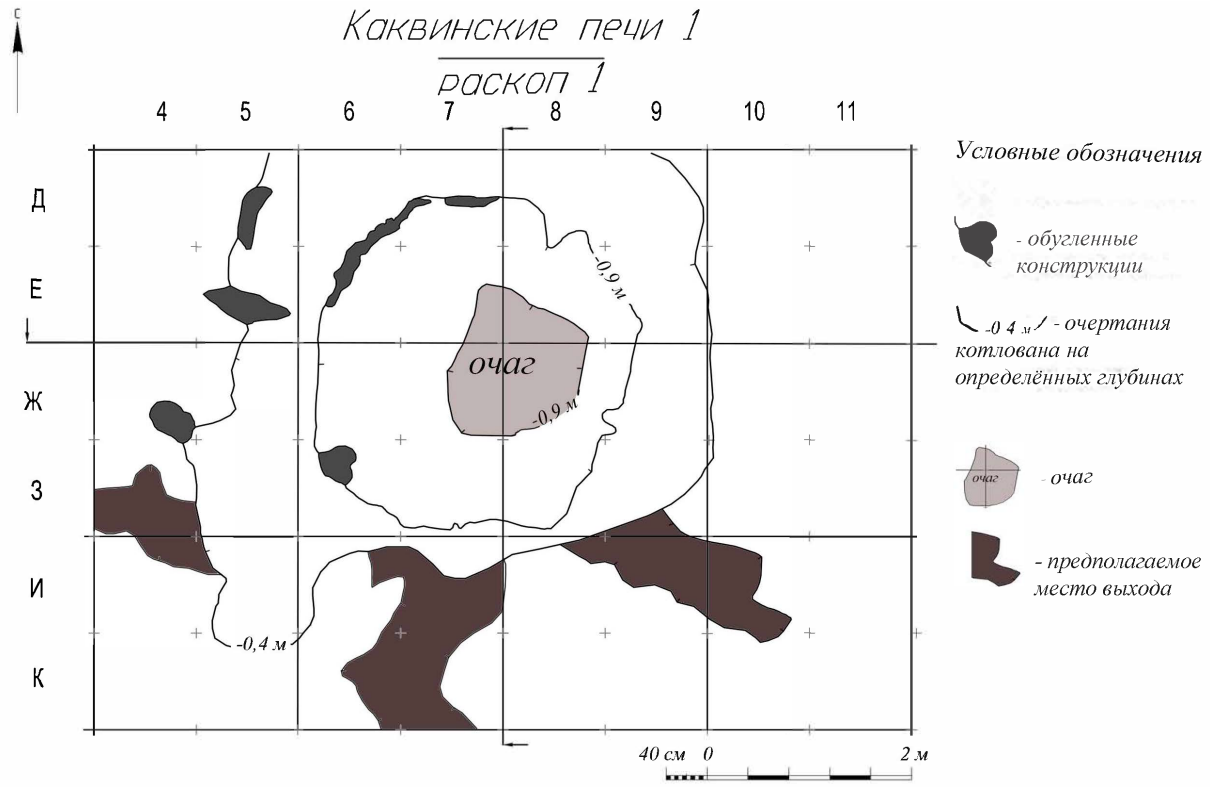

Рис. 12. Сводный план раскопа 1
Fig. 12. Composite plan of Excavation Trench 1

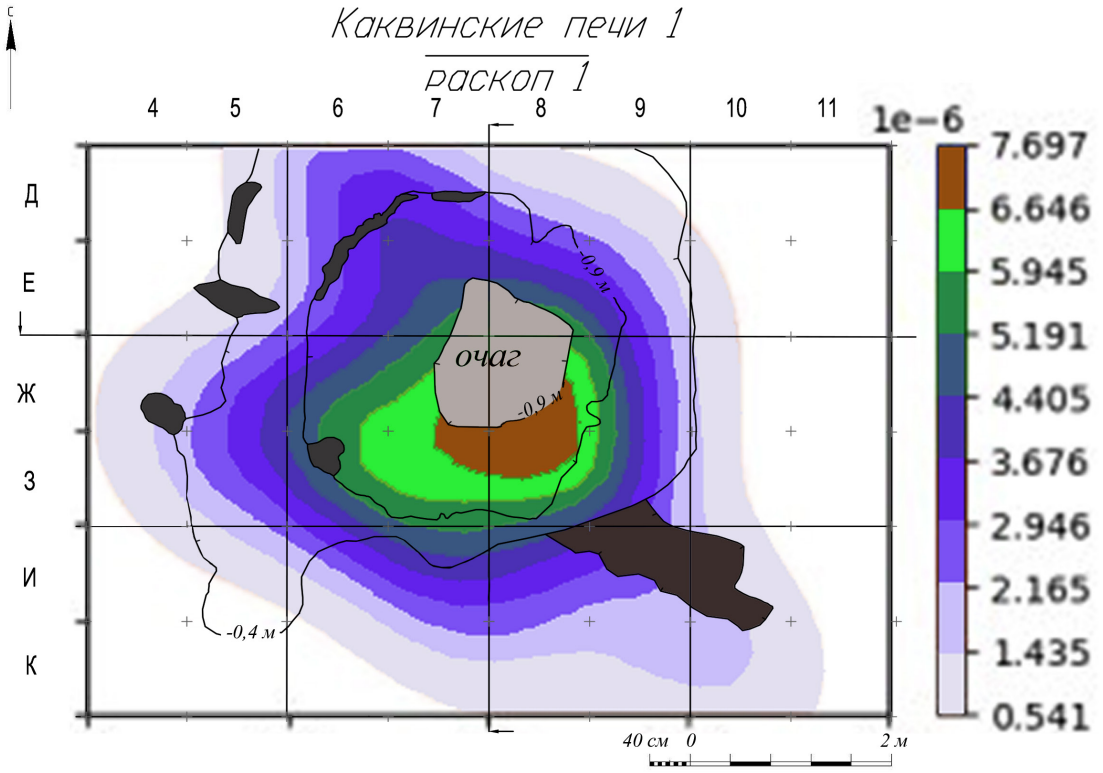

Рис. 13. Тепловая карта плотности каменных орудий поселения Каквинские печи 1, совмещенная со сводным планом жилища
Fig. 13. Heat map of stone tool density at the Kakvinskiye Pechi I settlement, overlaid with the composite plan of the dwelling

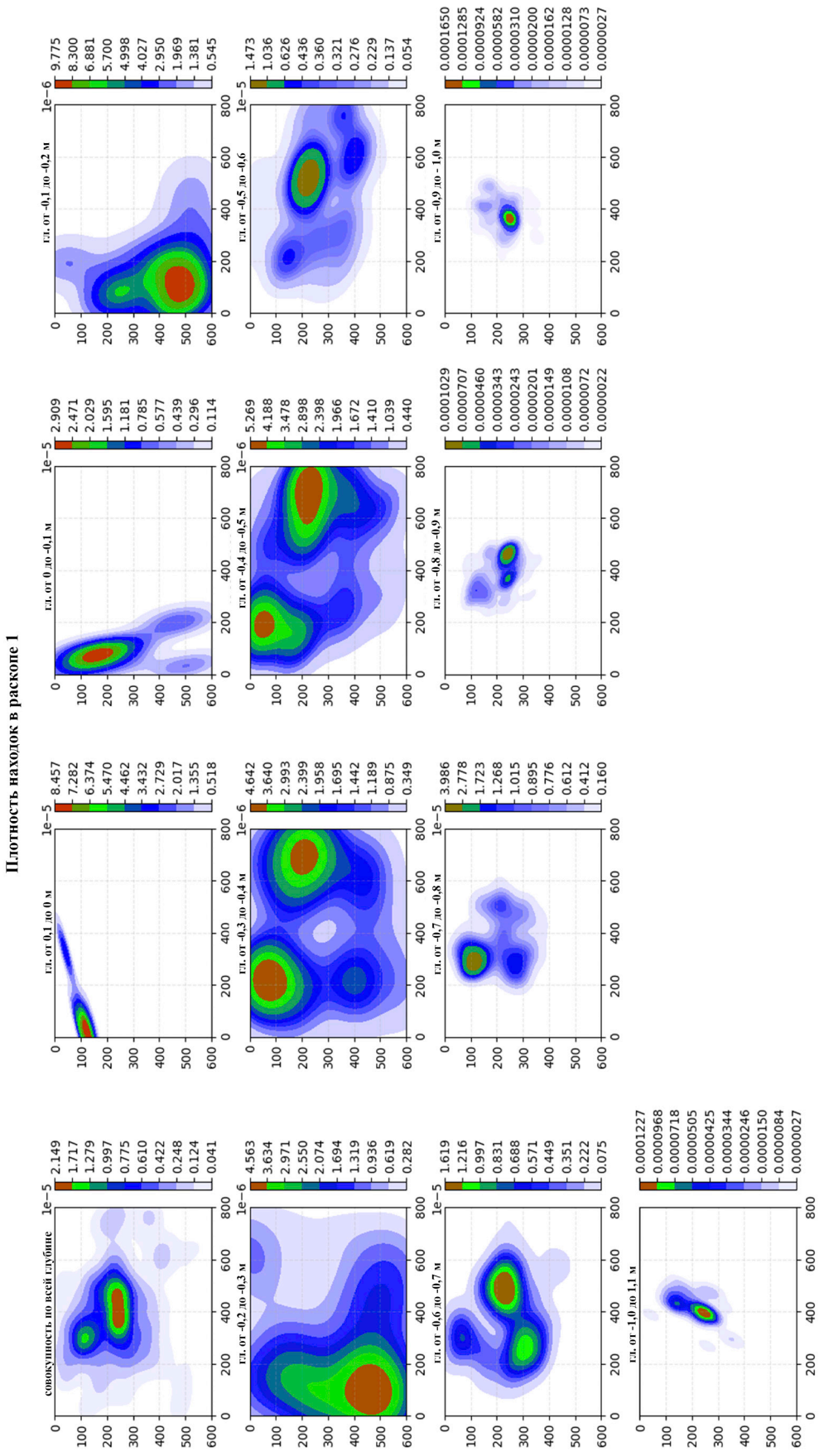

Рис. 14. Тепловые карты плотности находок на различных глубинах поселения Каквинские печи I
Fig. 14. Heat maps of find density at different depths of the Kakvinskiye Pechi I settlement

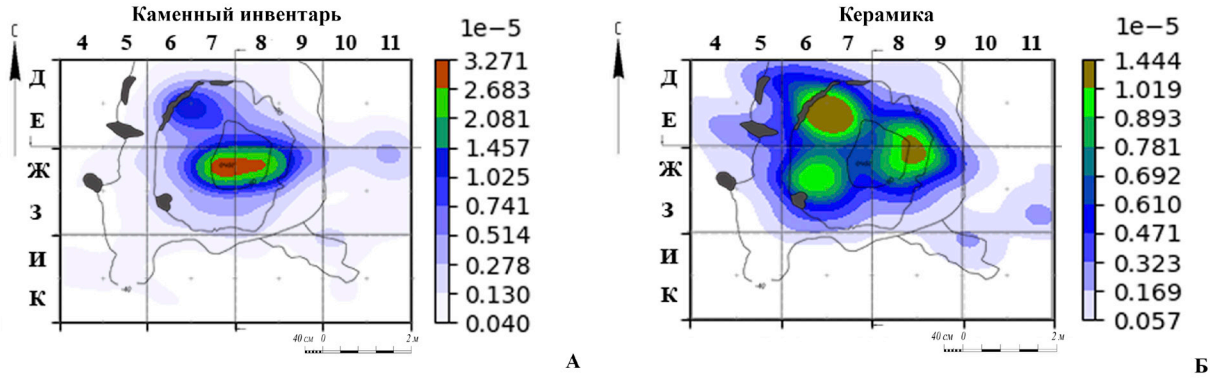

Рис. 15. Тепловые карты плотности находок поселения Каквинские печи:
А — кремневый инвентарь; Б — керамика
Fig. 15. Heat maps of find density at the Kakvinskiye Pechi settlement:
A — lithic inventory; B — ceramics

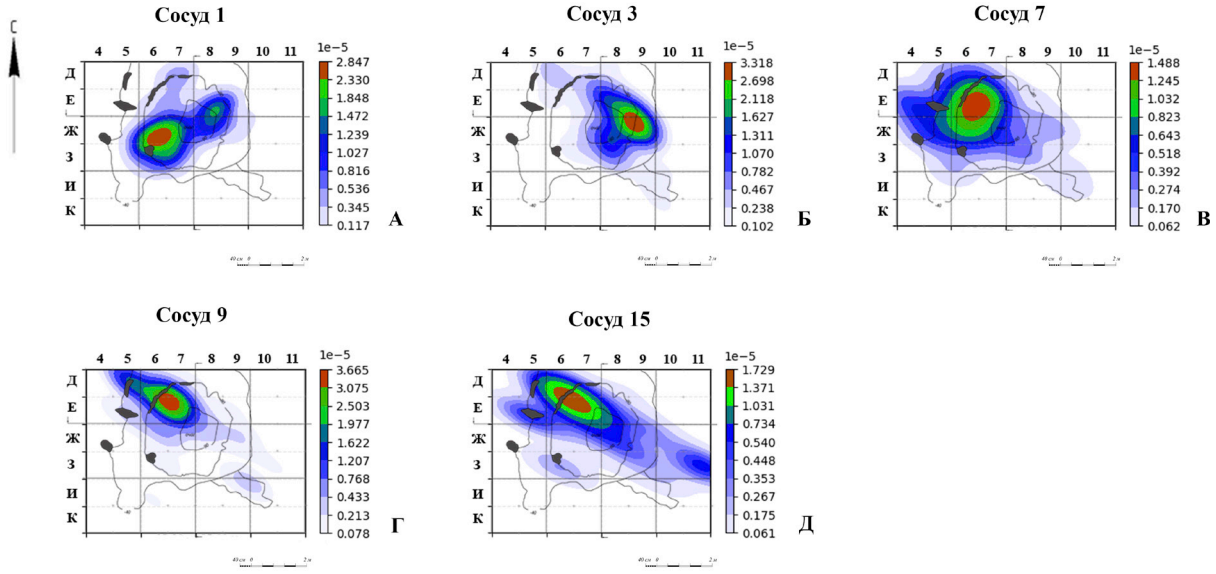

Рис. 16. Тепловые карты распределения фрагментов сосудов поселения Каквинские печи I
Fig. 16. Heat maps of the distribution of pottery sherds from vessels at the Kakvinskiye Pechi I settlement

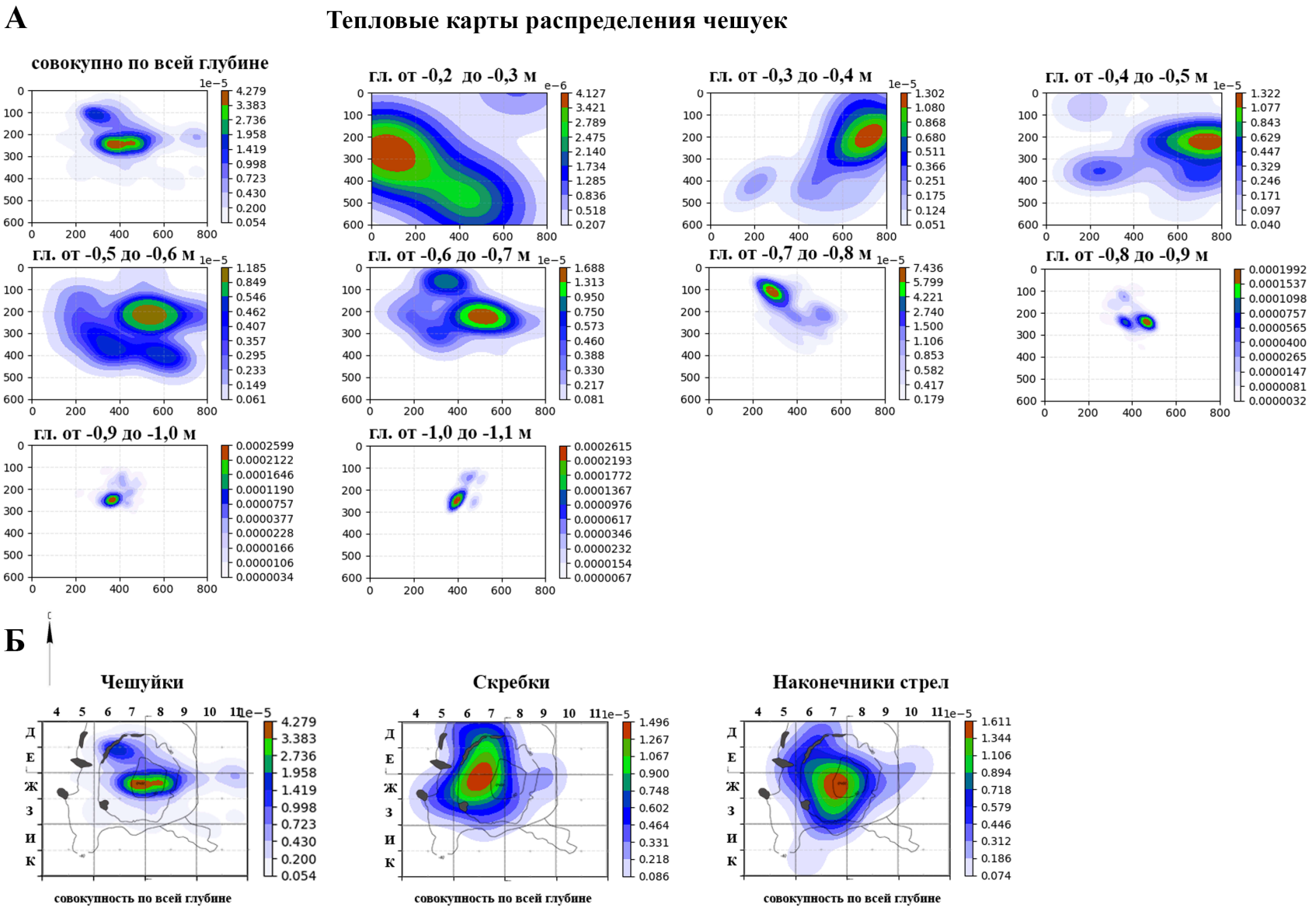

Рис. 17. А. Тепловые карты распределения чешуек по глубинам раскопа 1 поселения Каквинские печи I; А–Б. Сравнение тепловых карт плотности распределения чешуек, скребков и наконечников стрел

Fig. 17. A. Heat maps of flake distribution by depth in Excavation Trench 1 at the Kakvinskiye Pechi I settlement; A–B. Comparison of heat maps of the density distribution of flakes, scrapers, and arrowheads

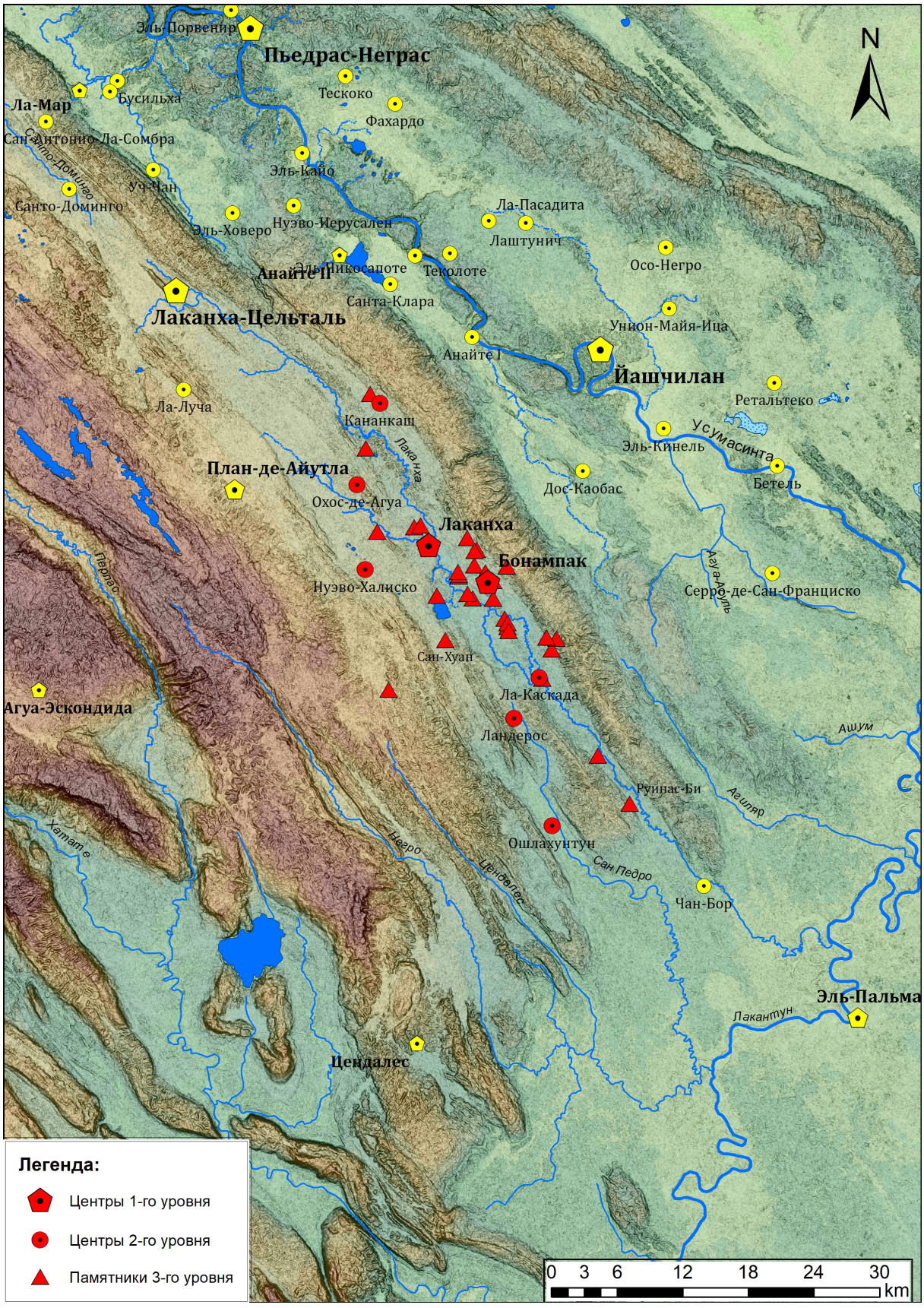

Рис. 18. Основные археологические памятники долины Лаканхи (составлено А. В. Сафроновым)
Fig. 18. Main archaeological sites in the Lacanha Valley (compiled by A. V. Safronov)

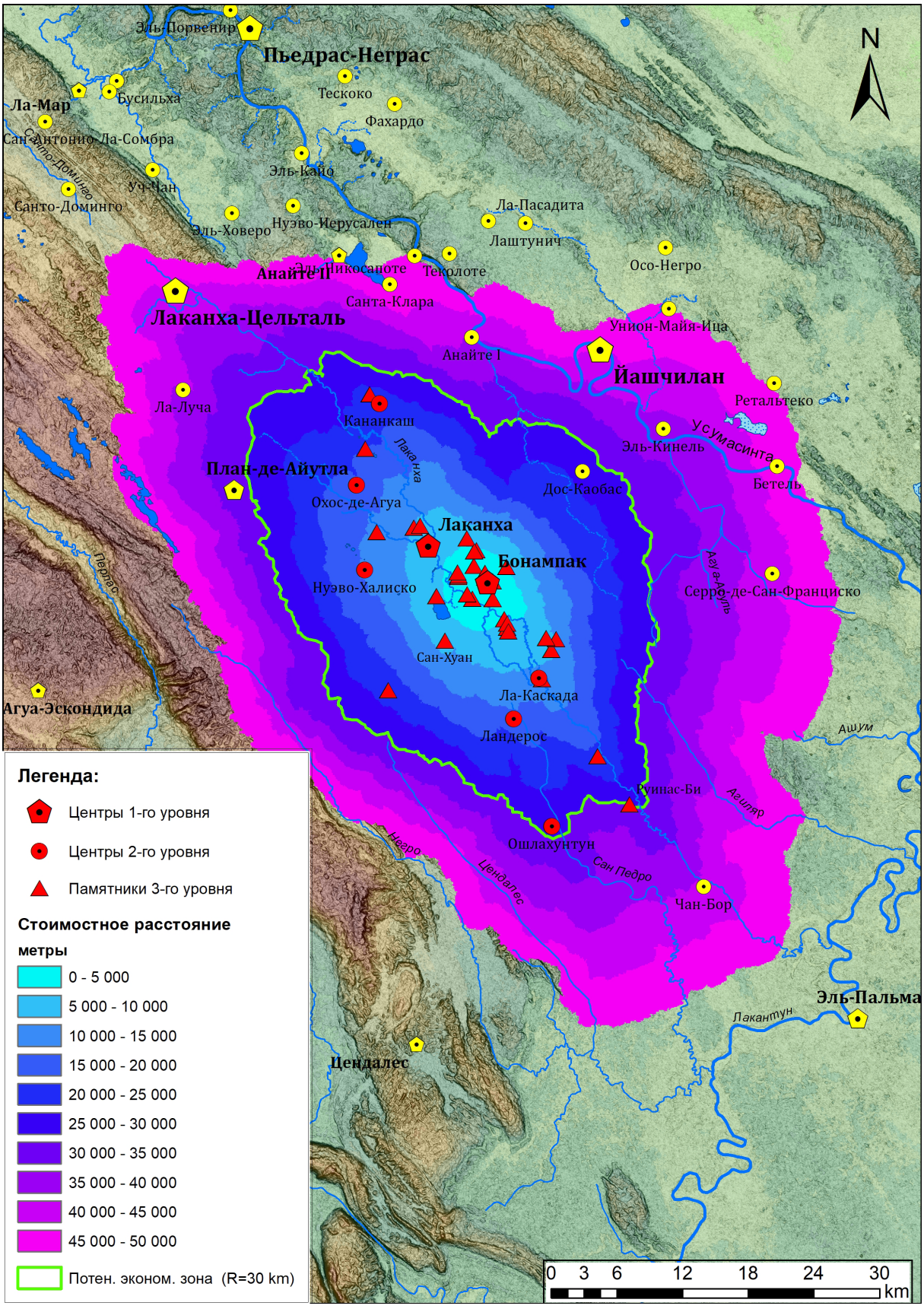

Рис. 19. Модель расчета стоимостного расстояния в R = 50 км от Бонампака (составлено А. В. Сафроновым)
Fig. 19. Model for calculating the cost distance at R = 50 km from Bonampak (compiled by A. V. Safronov)

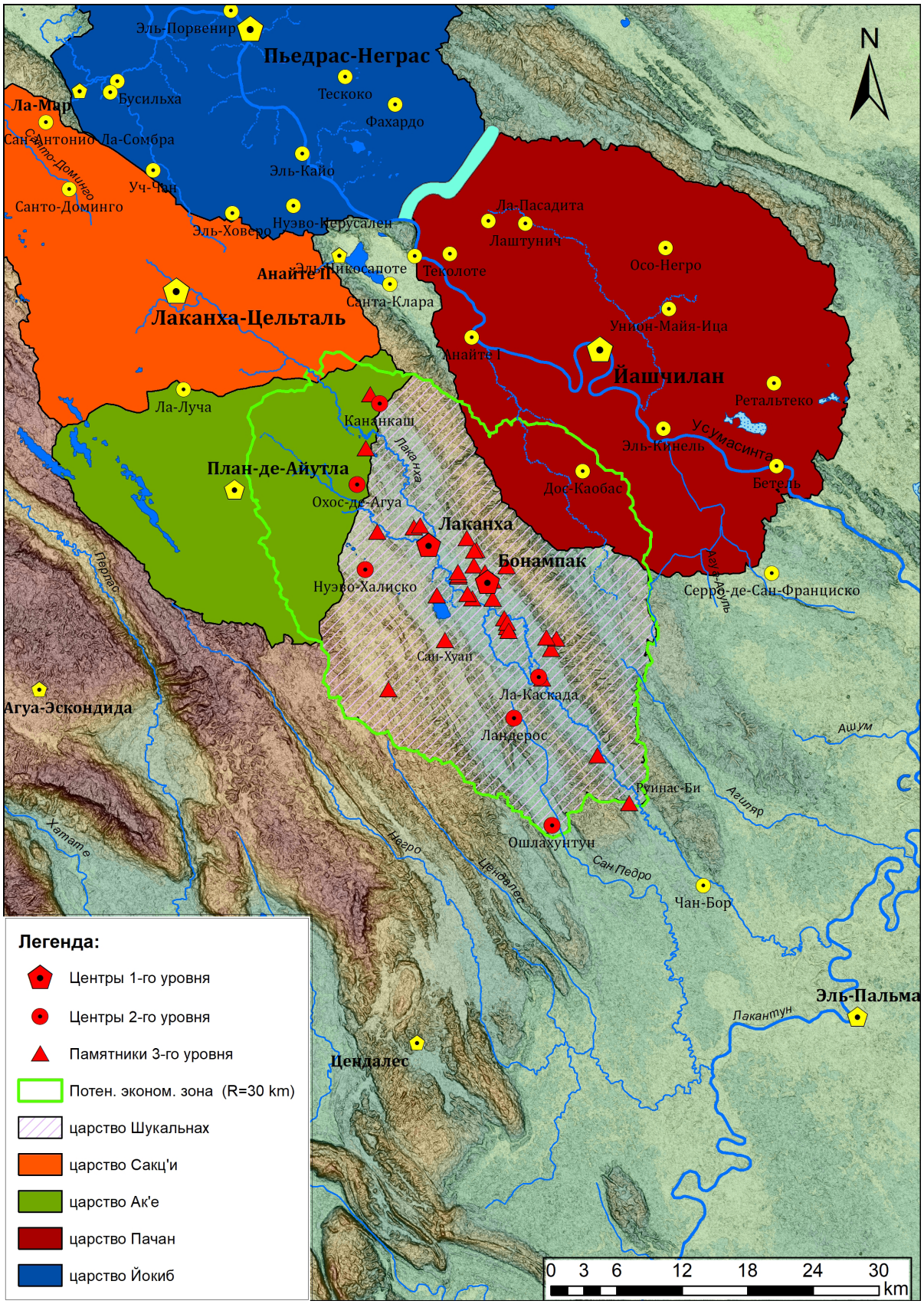

Рис. 20. Потенциальная экономическая зона (R = 30 км) царства Шукальнах в комплексе с вероятными территориями других царств области Верхней Усумасинты (составлено А. В. Сафроновым)

Fig. 20. The potential economic zone (R = 30 km) of the Kingdom of Xukalnaah, shown in conjunction with the probable territories of other kingdoms in the Upper Usumacinta region (compiled by A. V. Safronov)

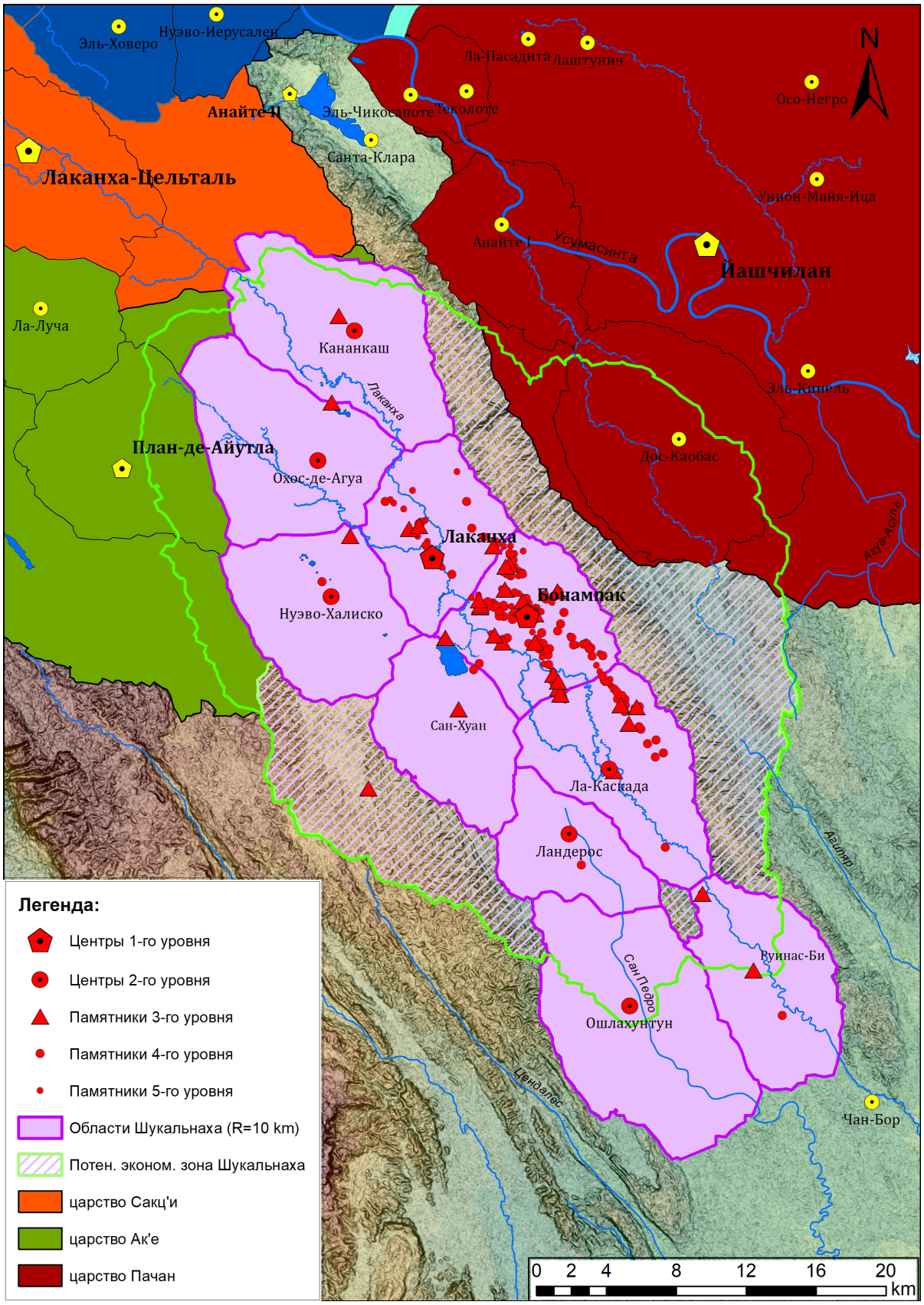

Рис. 21. Модель распределения стоимостного расстояния (R = 10 км) для потенциальных экономических зон локальных областей в долине Лаканхи (составлено А. В. Сафроновым)

Fig. 21. Model of the distribution of cost distance (R = 10 km) for potential economic zones in local regions of the Lacanha Valley (compiled by A. V. Safronov)

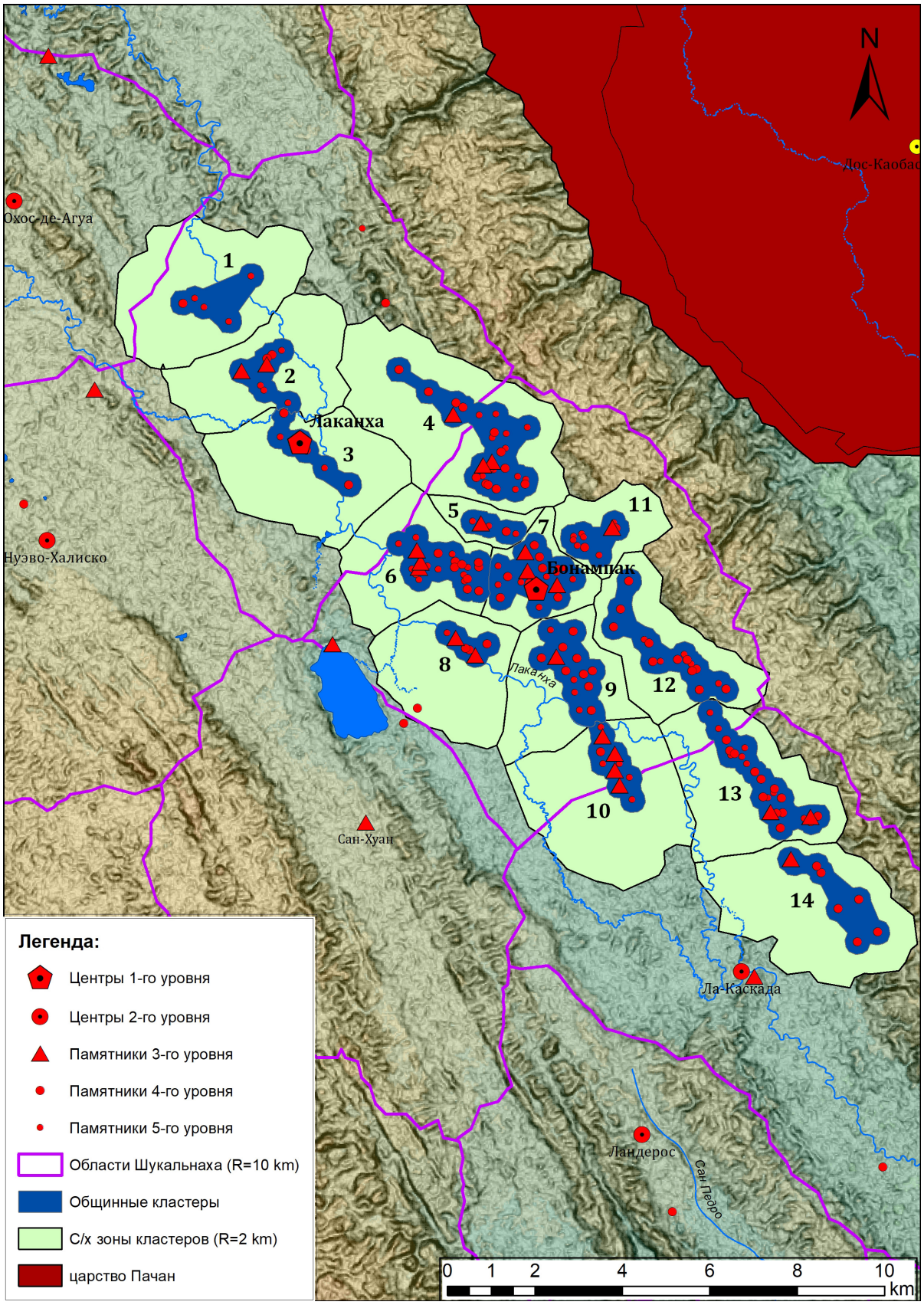

Рис. 22. Общинные объединения и распределение стоимостного расстояния (R = 2 км) для потенциальных экономических зон в долине Средней Лаканхи (составлено А. В. Сафроновым)

Fig. 22. Community associations and the distribution of cost distance (R = 2 km) for potential economic zones in the Middle Lacanha Valley (compiled by A. V. Safronov)

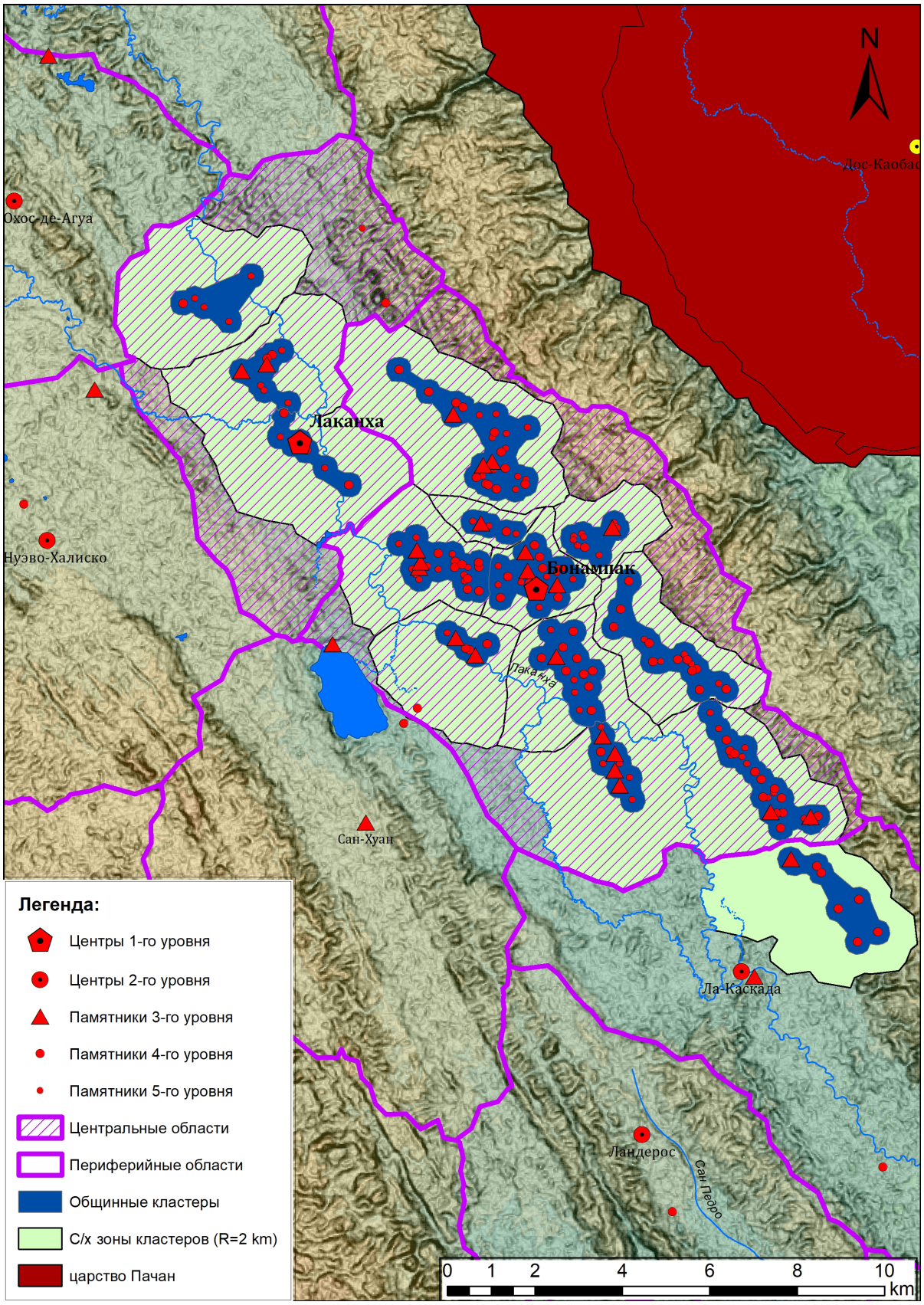

Рис. 23. Уточненные границы потенциальных экономических зон общинных объединений и центральных областей для городских центров Бонампак и Лаканха (составлено А. В. Сафроновым)

Fig. 23. Updated boundaries of the potential economic zones of community associations and central regions for the urban centers of Bonampak and Lacanha (compiled by A. V. Safronov)

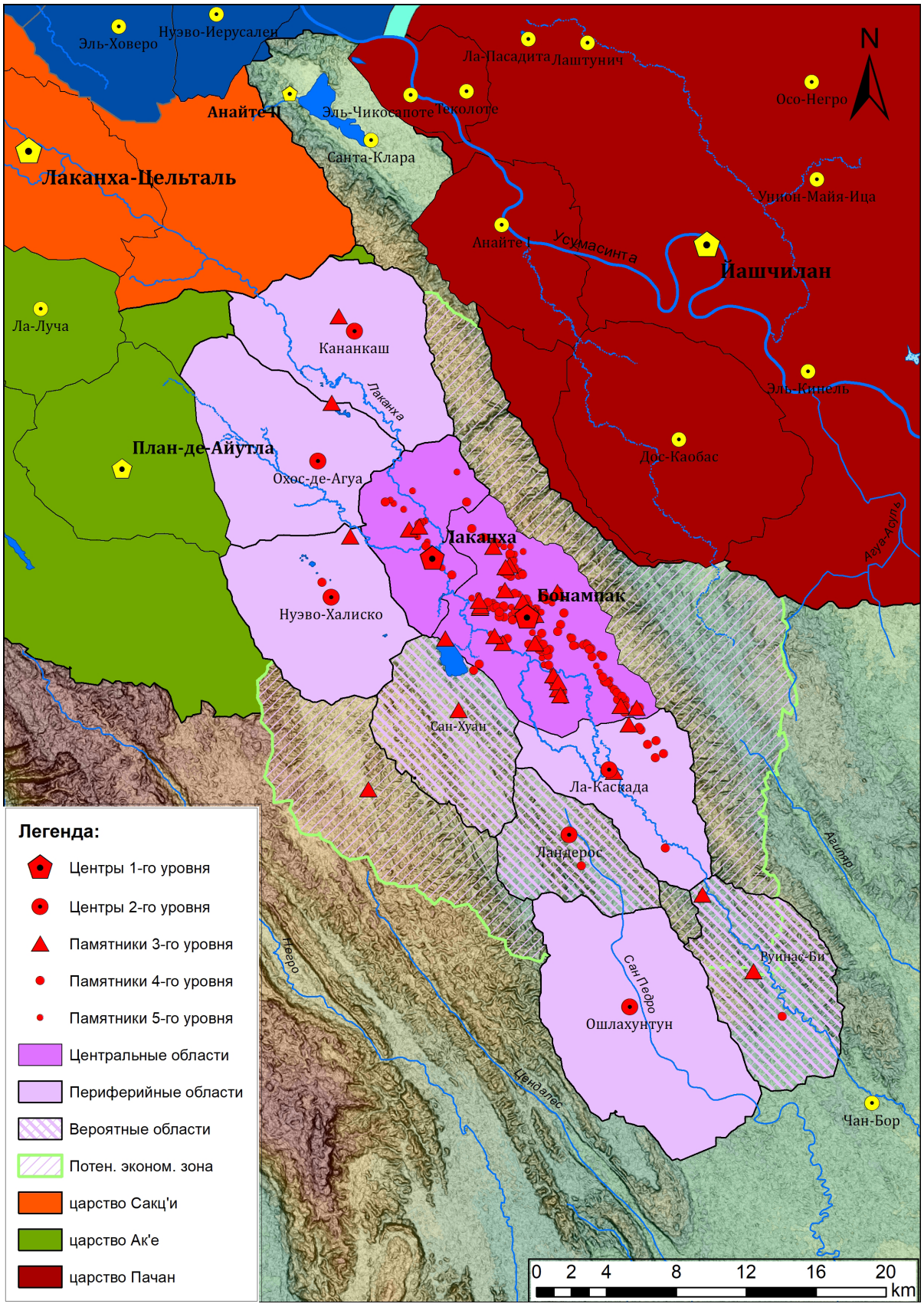

Рис. 24. Общая реконструкция территории и внутренней структуры царства Шукальнах и его положение относительно царств Верхней Усумасинты в VII–VIII вв. (составлено А. В. Сафроновым)

Fig. 24. General reconstruction of the territory and internal structure of the Kingdom of Xukalnaah and its location in relation to the kingdoms of Upper Usumacinta in the 7th – 8th centuries (compiled by A. V. Safronov)

К статье О. Н. Катионова, Г. С. Хорохордина

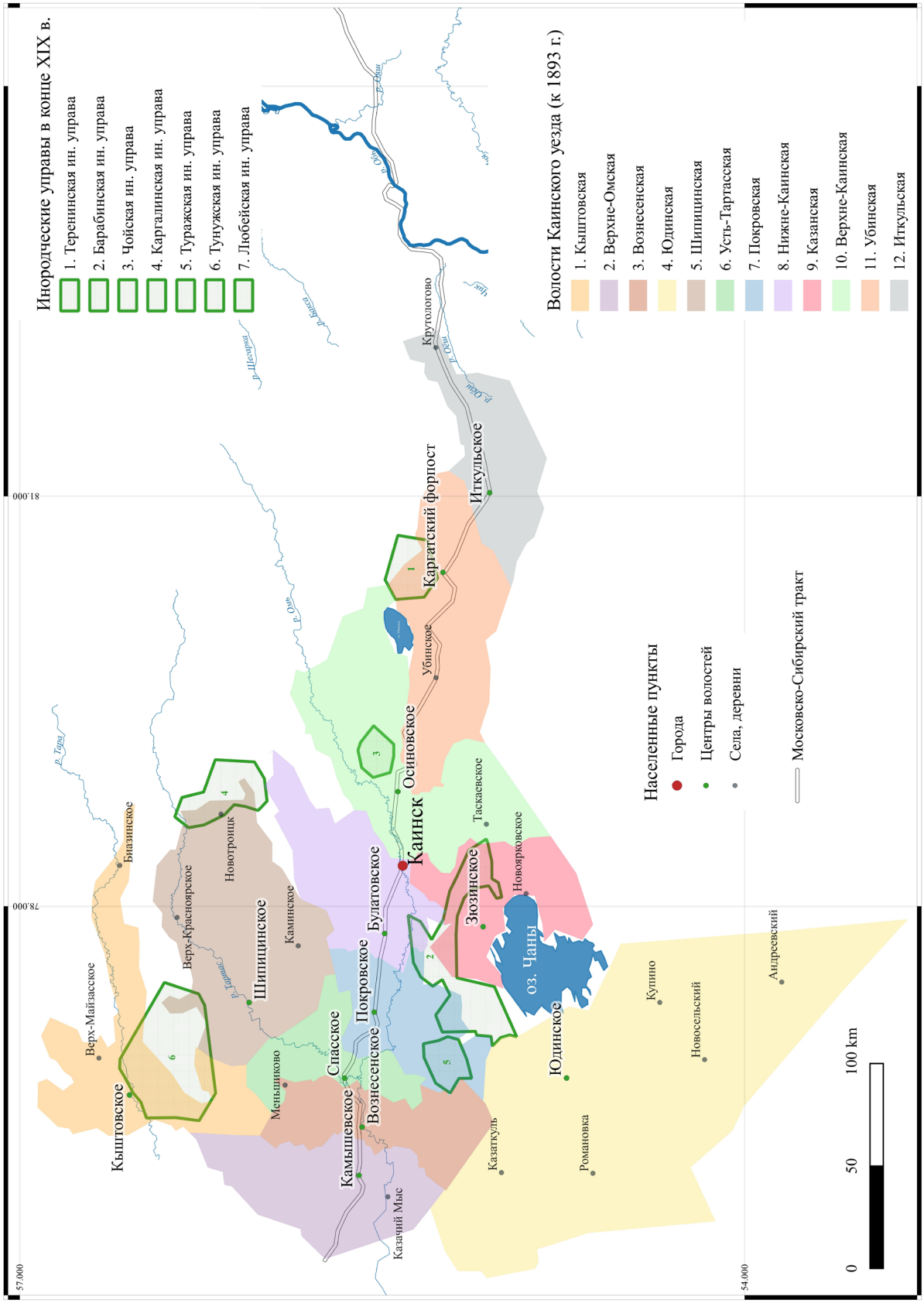

Рис. 25. Карта волостного деления Каинского округа в 1893 г.
Fig. 25. Map of the volost divisions of the Kainsky okrug in 1893

Рис. 26. Карта динамики волостных границ Каинского уезда в 1893–1911 гг.
Fig. 26. Map showing changes in the volost boundaries of the Kainsky uezd in 1893–1911

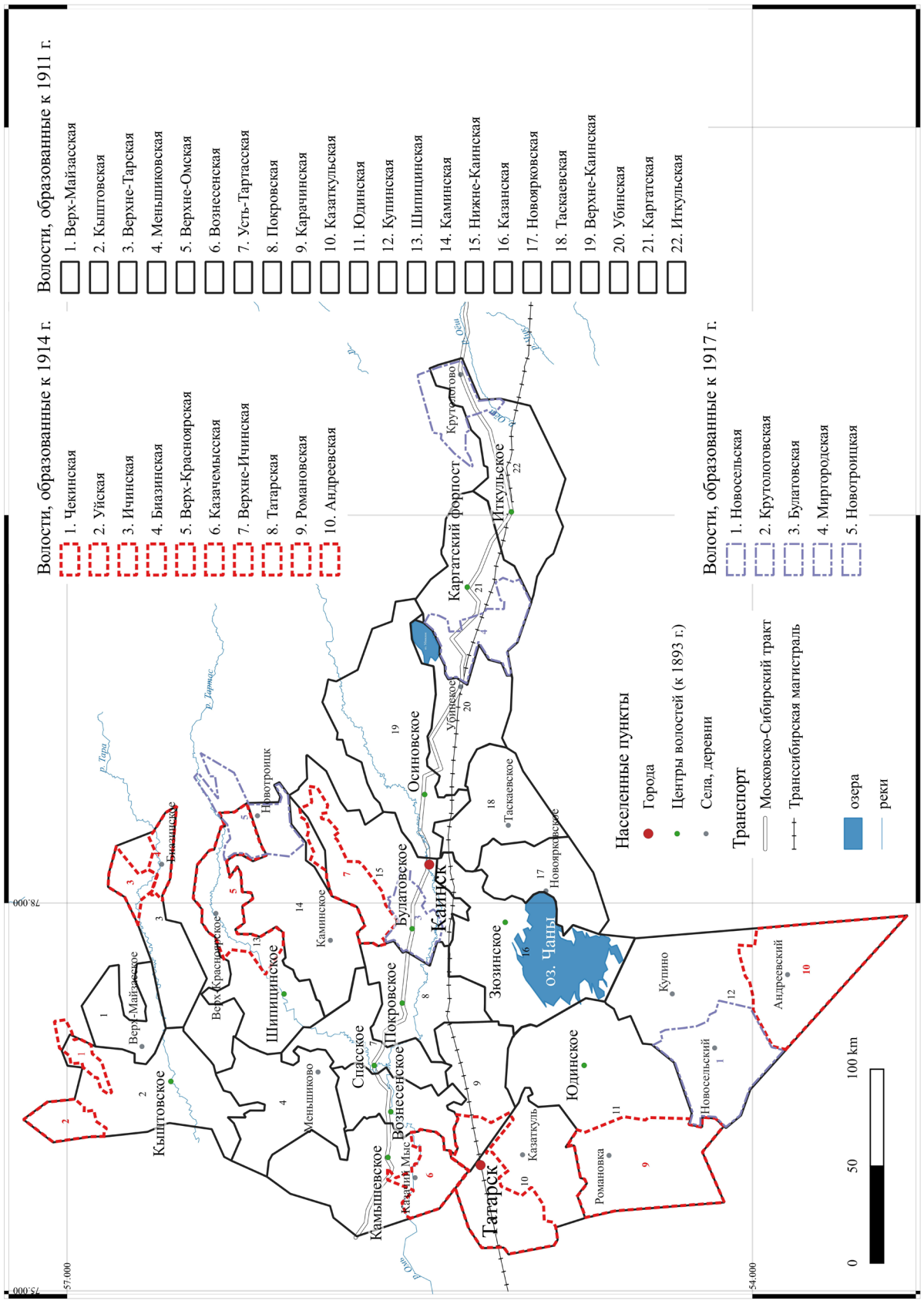

Рис. 27. Карта динамики волостных границ Каинского уезда в 1911–1917 гг.
Fig. 27. Map showing changes in the volost boundaries of the Kainsky uezd in 1911–1917

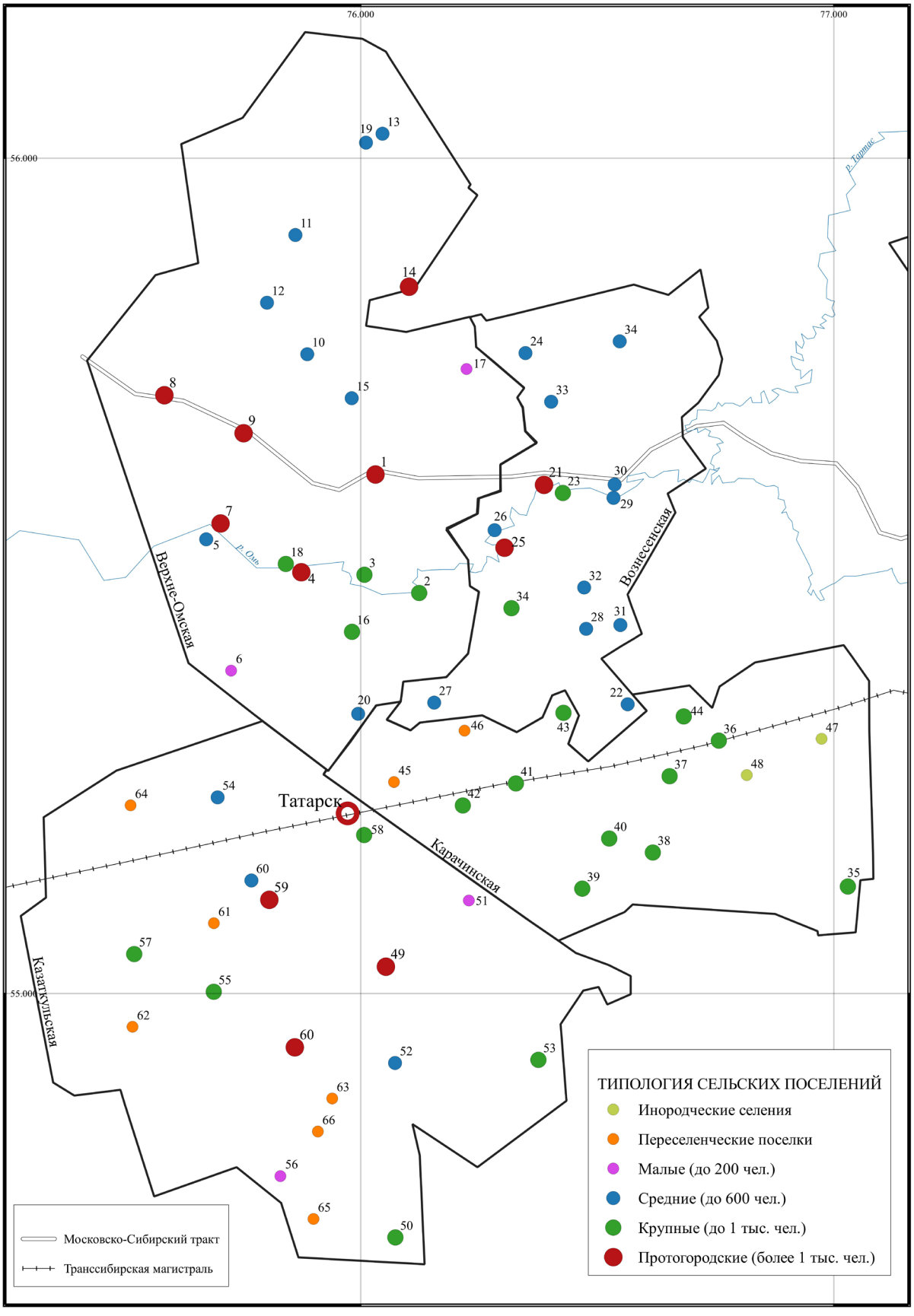

Рис. 28. Карта типологического состава западной группы волостей Каинского уезда в 1911 г.
Fig. 28. Map showing the typological composition of the western group of volosts in the Kainsky uezd in 1911

К статье П. А. Соларёва

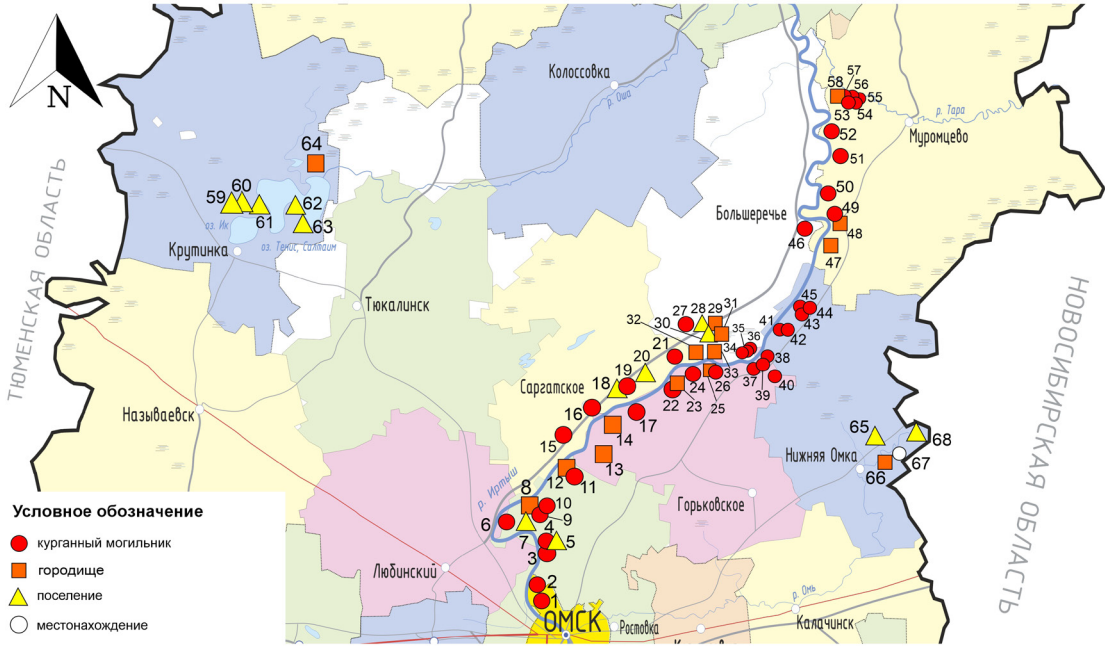

Рис. 29. Памятники саргатской культуры в Омском Прииртышье | Fig. 29. The Sargat culture sites in the Omsk Irtysh River basin

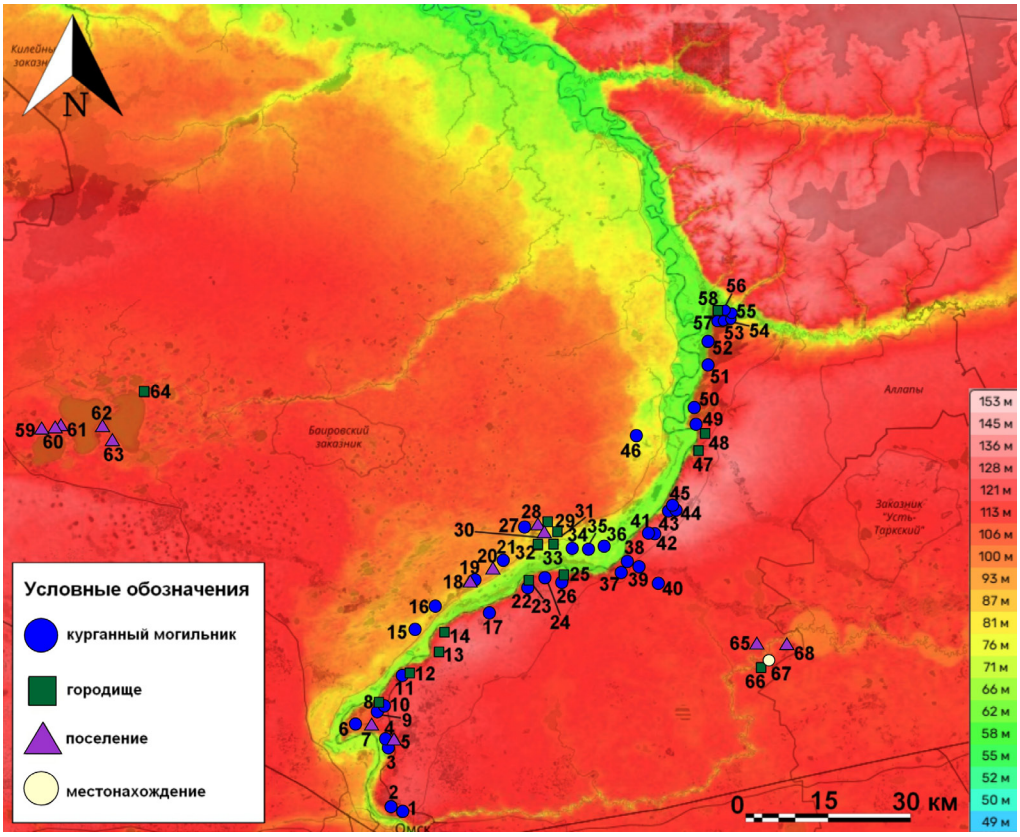

Рис. 30. Памятники саргатской культуры на карте высот | Fig. 30. The Sargat culture sites on the elevation map

Памятники (Рис. 29–30): 1 — Захламино, 2 — Николаевка, 3 — Кокоиовка-I, 4 — Кокоиовка-II, 5 — Кокоиовское, 6 — Чернолучье, 7 — Новотроицкое-I, 8 — Красноярка-VII, 9 — Красноярка, 10 — Красноярка-X, 11 — Горная Бития-V, 12 — Горная Бития, 13 — Каргановское (Чудской лог), 14 — Розановское, 15— Калачёвка-I, 16 — Саргатский, 17 — Новообо-лонь-I, 18 — Сибсарагатка-I, 19 — Сибсаргатка-II, 20 — Андреевка-X, 21 — Черноозерье-I, 22 — Богда-ново-I, II, II, 23 — Богданово-I, 24 — Новопокровка-IV, IX, X, XVII, XVII, 25 — Саратовское, 26 — Саратово, 27 — Старокарасук-II, 28 — Старокарасук-XVIII, 29 — Старокарасук-XXI, 30 — Батаково-X (Инберень-V), 31 — Батаково-XII (Инберень-VI), 32 — Батаково-VI (Инберень-IV), 33 — Батаково-XIX, 34 — Боро-вянка-XII, 35 — Боровянка-IX, 36 — Боровянка XIX, 37 — Исаковка-I, 38 — Исаковка-II, 39 — Исаковка-III, 40 — Сидоровка-I, 41 — Стрижево-I, 42 — Стриже-во-II, 43 — Бещаул-II, Бещаул-III, Бещаул-IV, 46 — Большеречье-I, 47 — Качесово-II, 48 — Карташево-III, 49 — Карташево-I, II, 50 — Артын, 51 — Сеткулово, 52 — Танатово-V, 53 — Окунево-I, 54 — Окунево-II, 55 — Окунево-IIIa, 56 — XIV, 57 — Окунево — XXII, 58 — Окунево-IX, 59 — Ик-VII, 60 — Ик-X, 61 — Ик-IX, 62 — Березово-II, 63 — Калугино-I, 64 — Усть-Логатка-I, 65 — Киршовка-I, 66 — Киршовка-II, 67 — Киршовка-III, 68 — Малая Хомутинка-II

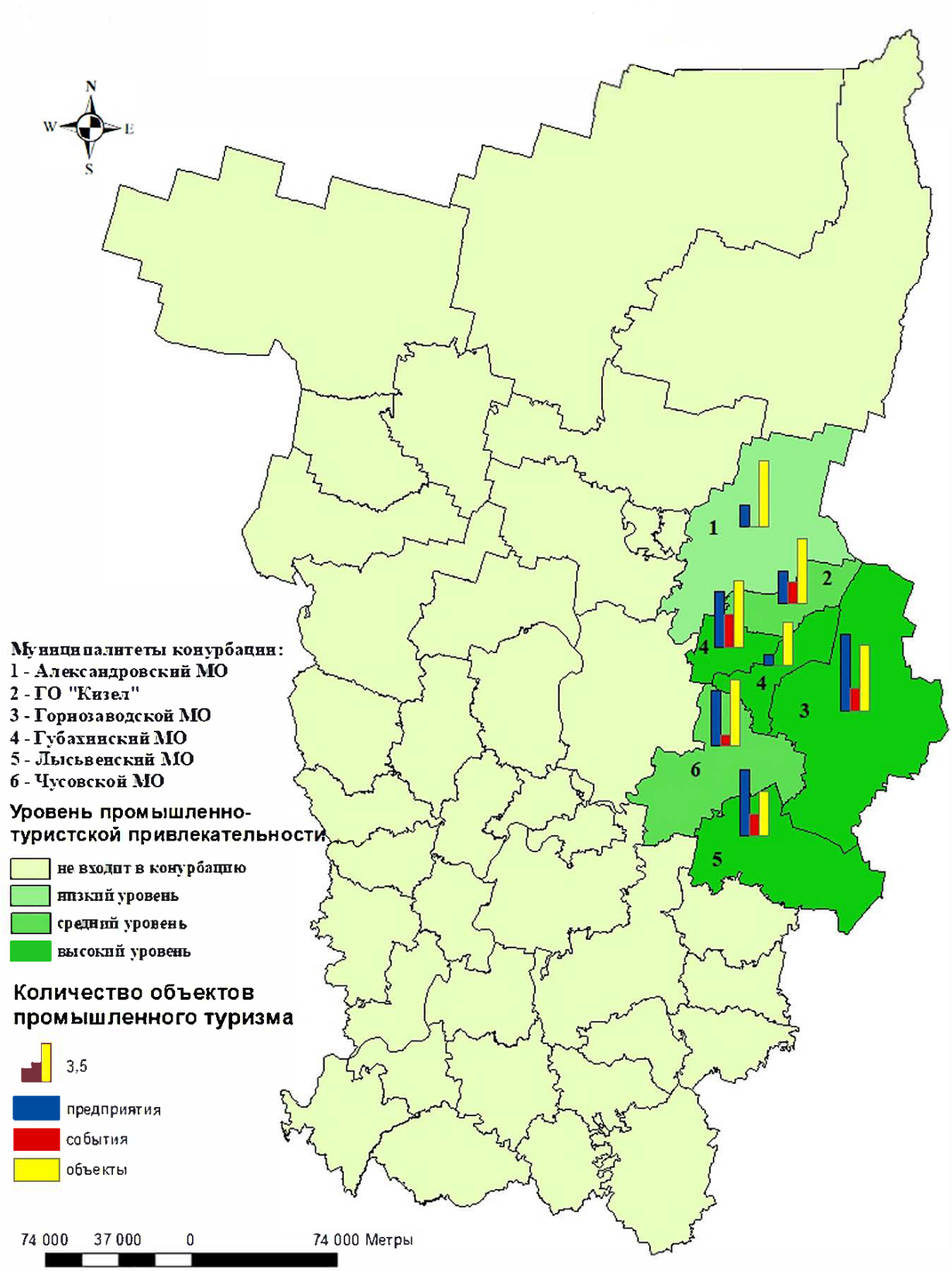

Рис. 31. Оценка потенциала для развития промышленного туризма в Горнозаводской конурбации
Fig. 31. Assessment of the potential for developing industrial tourism in the Gornozavodsk conurbation

К статье А. В. Салова

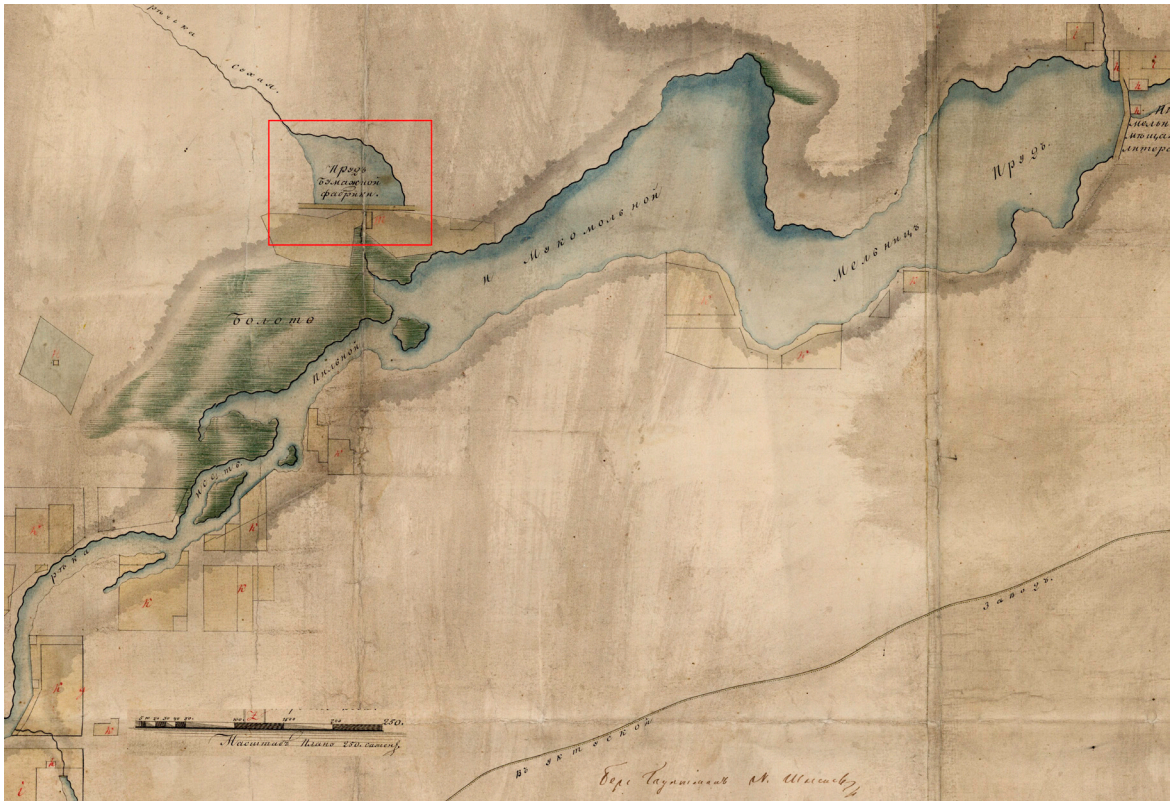

Рис. 32. Исследуемая территория на плане 1814 г. Фонды МИЕ, КП 8960
Fig. 32. The study area on the 1814 map. MIE Archives, KP 8960

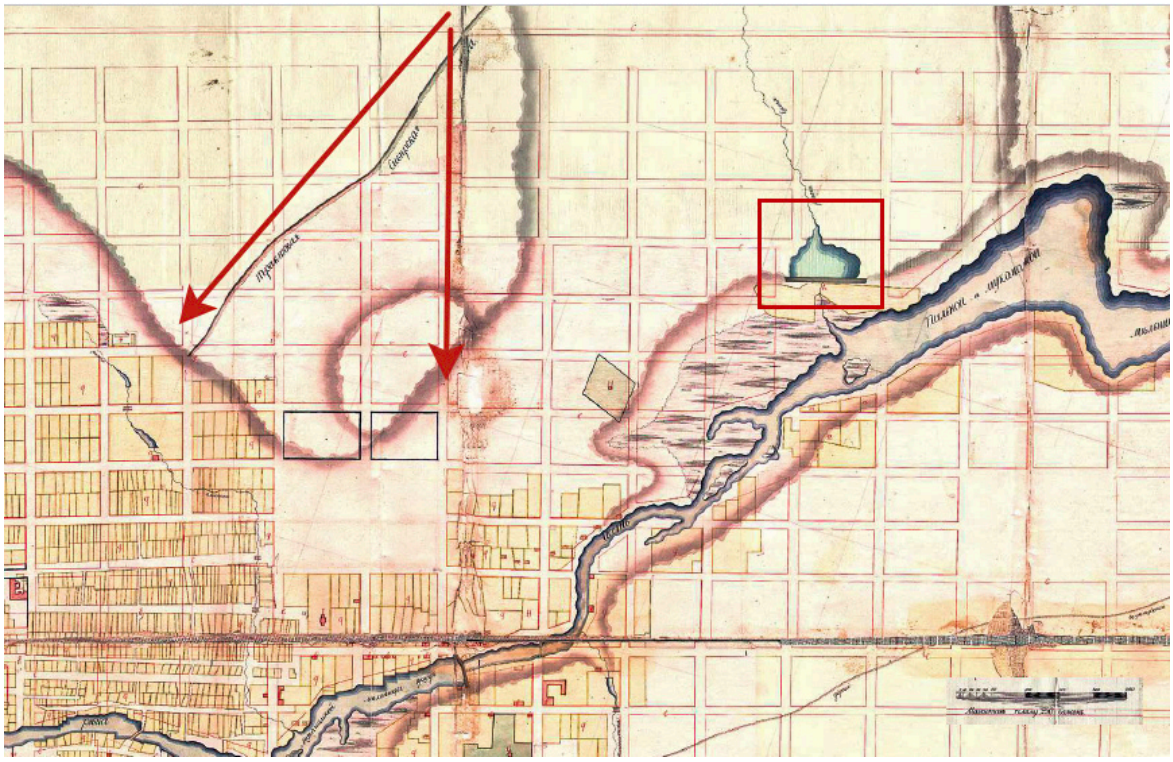

Рис. 33. Исследуемая территория на плане 1824 г. ГАСО. Ф. 59, оп. 14, д. 1549
Fig. 33. The study area on the 1824 map. GASO. F. 59, op. 14, d. 1549

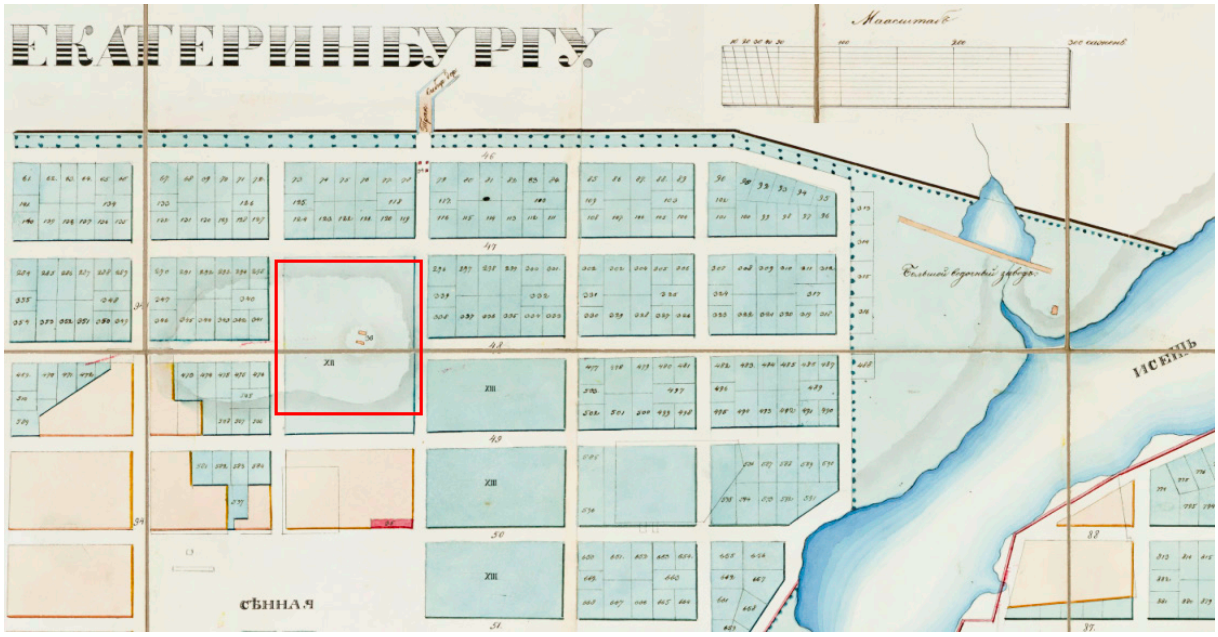

Рис. 34. Исследуемая территория на плане 1845 г. Фонды МИЕ, КП 8960
Fig. 34. The study area on the 1845 map. MIE Archives, KP 8960

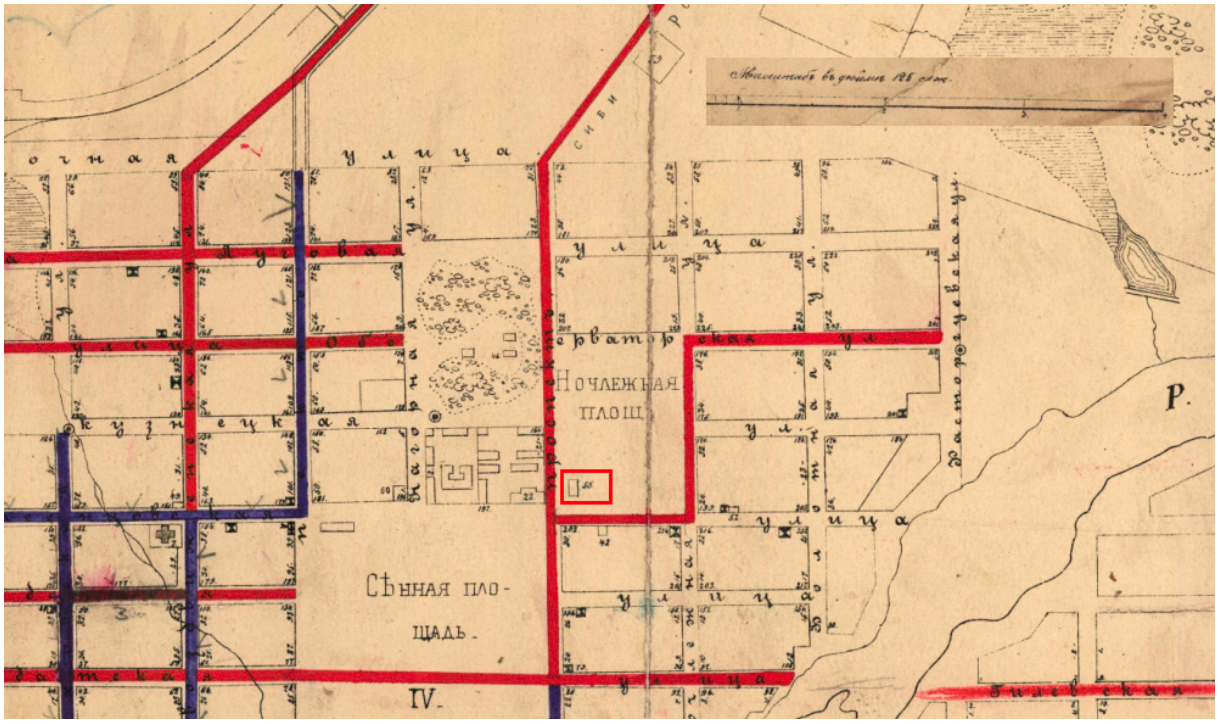

Рис. 35. Исследуемая территория на плане 1888 г. Фонды МИЕ, КП 8960
Fig. 35. The study area on the 1888 map. MIE Archives, KP 8960

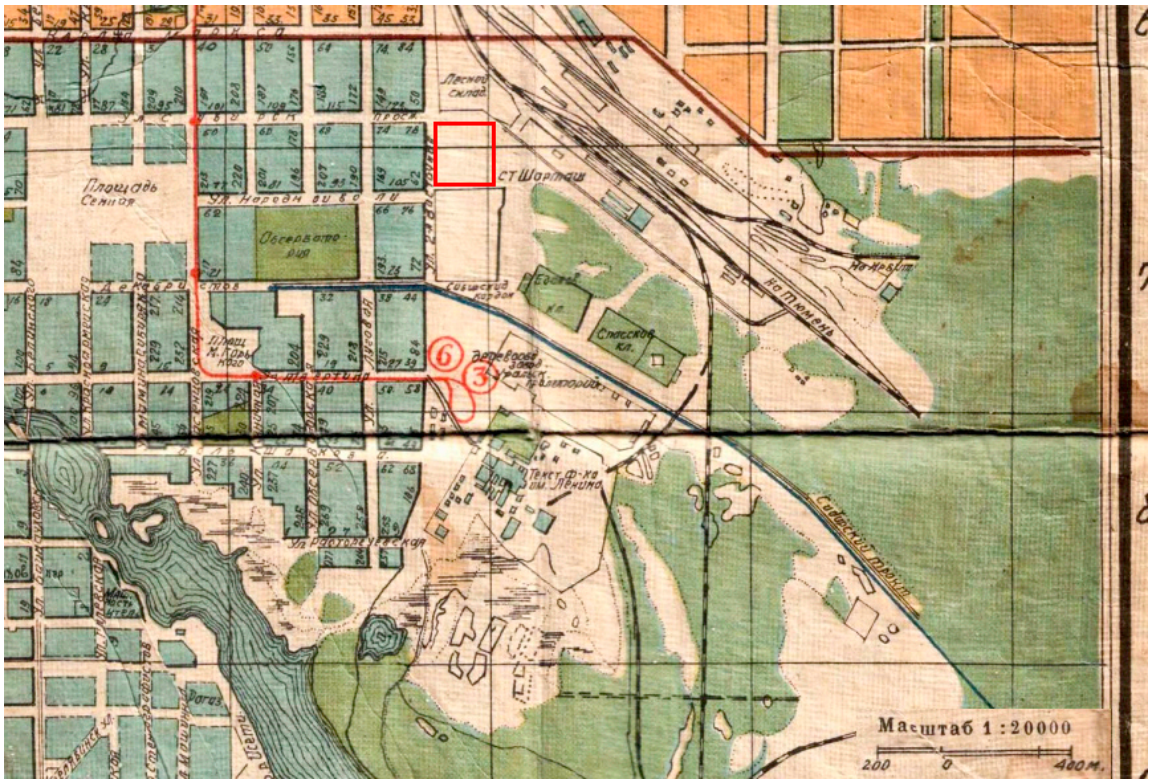

Рис. 36. Исследуемая территория на плане 1932 г. ГАСО. Ф.Р-191, оп. 1, т. 3
Fig. 36. The study area on the 1932 map. GASO. F.R-191, op. 1, vol. 3

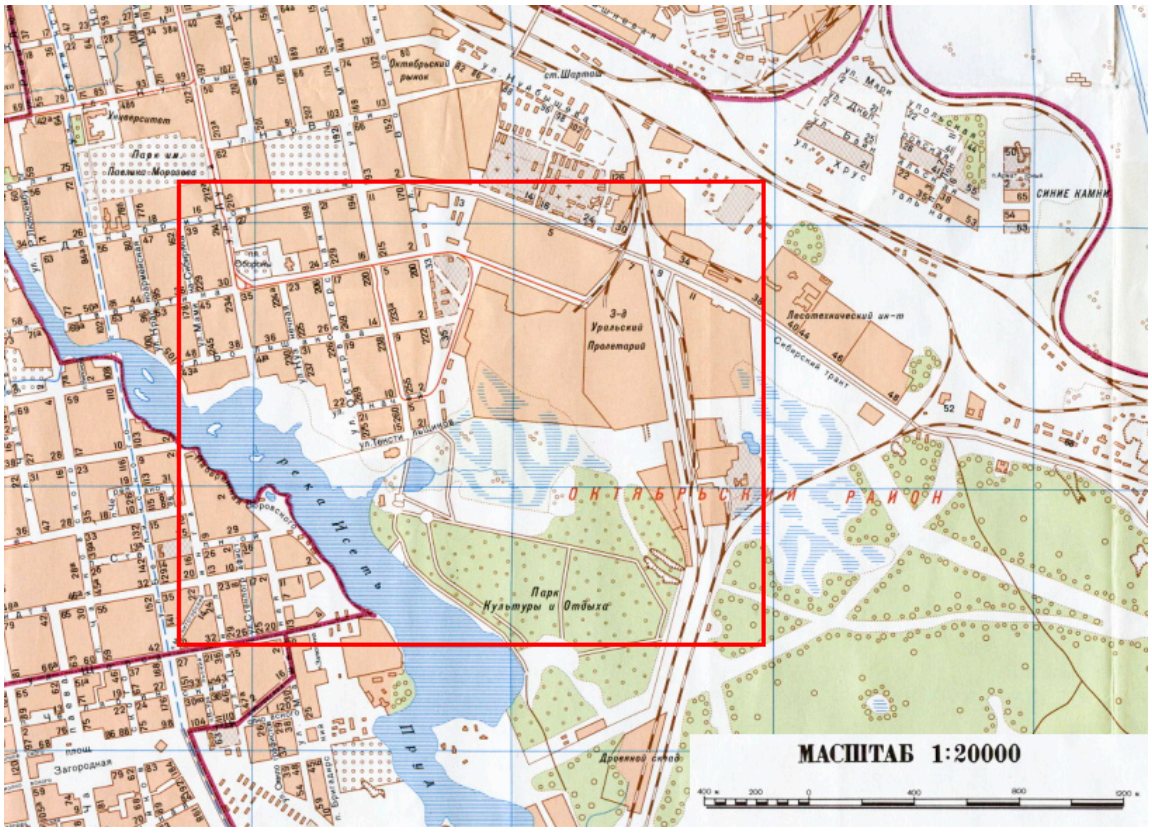

Рис. 37. Исследуемая территория на плане 1947 г. ГАСО. Ф.Р-191, оп. 1, т. 3
Fig. 37. The study area on the 1947 map. GASO. F.R-191, op. 1, vol. 3

Рис. 38. Исследуемая территория на плане 1980 г. Фонды МИЕ, КП 8960
Fig. 38. The study area on the 1980 map. MIE Archives, KP 8960